

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА**

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ**

Москва – 2022

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Материалы научной онлайн-конференции
с международным участием

Электронное издание сетевого распространения

МОСКВА – 2022

УДК 316.4
ББК 60.56
Т65

Рецензенты

Н.Г. Скворцов – д.с.н., профессор кафедры сравнительной социологии СПбГУ,
Председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, Вице-президент РОСА
Е.Н. Палий – доктор культурологии, профессор кафедры истории
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

Редакторы:

А.К. Мамедов – д.с.н., профессор; заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
И.Н. Чудновская – к.филол.н., доцент; заместитель заведующего кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе

Трансформация этической матрицы в цифровую эпоху. Материалы научной онлайн-конференции с международным участием / ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. – М.: МАКС Пресс, 2022. – 202 с. – 5,3 Мб. (Электронное издание сетевого распространения)
e-ISBN 978-5-317-06788-5
<https://doi.org/10.29003/m2654.978-5-317-06788-5>

В сборник включены материалы научной онлайн-конференции с международным участием «Трансформация этической матрицы в цифровую эпоху» (1 марта 2022 г.), организованной кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Работа конференции была нацелена на организацию и поддержание научных контактов российских и зарубежных ученых, исследующих этические аспекты современного коммуникативного пространства в цифровом контексте. Тексты публикуются в авторской редакции, мнение Оргкомитета может не совпадать с позицией авторов. Иллюстративные материалы взяты из открытых источников. Предназначено аудитории, исследующей современные проблемы этики, культуры и коммуникации в цифровом обществе.

Ключевые слова: коммуникация, культура, этика, мораль, образование, город, цифровое общество, искусственный интеллект, медиатизация, интернет-пространство, информационно-коммуникационные технологии.

УДК 316.4
ББК 60.56

Ethical matrix transformation in the Digital Age. Proceedings of an online research conference involving international contributors / ed. A.K. Mamedov, I.N. Chudnovskaya. – Moscow : MAKS Press, 2022. – 202 p. – 5,3 Mb. (Electronic Edition of Network Distribution)
e-ISBN 978-5-317-06788-5
<https://doi.org/10.29003/m2654.978-5-317-06788-5>

The collection includes materials of online scientific conference with international participation "Transformation of the ethical Matrix in the digital age" (March 1, 2022), organized by the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. The conference was aimed at organizing and maintaining scientific contacts between Russian and foreign scientists exploring the ethical aspects of modern communication space in a digital context. The texts are published in the author's edition, the opinion of the Organizing Committee may not coincide with the position of the authors. Illustrative materials are taken from open sources. It is intended for an audience exploring modern problems of ethics, culture and communication in a digital society.

Keywords: communication, culture, ethics, morality, education, city, digital society, artificial intelligence, mediatization, Internet space, information and communication technologies.

Технический редактор: *М.С. Васильчикова*
Макет обложки: *О.А. Обрывалина*

Электронное издание сетевого распространения

Издание доступно на электронном ресурсе E-library

Издательство ООО «МАКС Пресс» Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к. Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891

e-ISBN 978-5-317-06788-5

© МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022
© Социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2022
© Авторы статей, 2022
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
<i>Адамьянц Т.З.</i> Коммуникационные механизмы создания и распространения смыслов деструктивной направленности в цифровую эпоху.....	9
<i>Багаева А.В.</i> Цифровое ускорение регионального разрыва этической матрицы.....	18
<i>Васильчикова М.С.</i> Современная элита: трансформация и моральные ценности	29
<i>Волнистая М.Г.</i> Трансформация академических ценностей системы университетского образования в цифровую эпоху.....	37
<i>Гавриленко О.В.</i> «Большой Брат следит за тобой...»: этические аспекты использования и хранения данных в цифровом городе	48
<i>Гримов О.А.</i> Теоретико-методологические основания и инструментальные комплексы изучения современной медиаэкосистемы.....	57
<i>Данилов А.Н.</i> Аксиологический поворот в цифровую эпоху.....	65
<i>Доброхотов Л.Н.</i> Побочные эффекты цифровизации и их профилактика	76
<i>Коркия Э.Д.</i> Новые ценностные ориентиры индустрии моды в пространстве глобального общества	84
<i>Липатова М.Е.</i> «Цифровая этика» в пространстве высшей школы	90
<i>Максимов А.А.</i> Мораль без этики в информационном обществе	99
<i>Мамедов А.К.</i> Этическая матрица «внешнего»: онтология, акторы и транзит	106
<i>Мещанинова Е.Ю.</i> «Снятие» этики в цифровом пространстве	119
<i>Писарева Л.Ю., Милюкова М.О.</i> Цифровая трансформация подготовки IT-специалистов.....	126

<i>Римский В.Л.</i> Влияние искусственного интеллекта на этику и мораль повседневности	138
<i>Семенова Т.Н.</i> Проблема социализации в цифровую эпоху	148
<i>Чудновская И.Н.</i> Языковая личность в контексте коммуникативных систем искусственного интеллекта	157
<i>Pisareva L., Fan Yuqi</i> Digital economy for the management of covid-19 consequences in China	167
<i>Vanin L.</i> La Smart City, vers une éthique du nombre et des algorithmes: une quête de vérité.....	173
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	186
ABOUT THE AUTHORS.....	189
CONTENT	191

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наукоемкие технологии, системно изменив материальный и социальный контекст информационного общества, привели не только к появлению принципиально новых сфер человеческих взаимоотношений, но и оформили поведенческие нормы, ценностные ориентации, представления об этичности в целом. Идет процесс кардинального изменения мировоззренческой парадигмы и становления системы цифровой аксиологии.

Логику формирования этики в эпоху цифрового общества, когда в общественном мироустройстве объединились два мира – реальный и виртуальный, невозможно проследить без понимания генезиса тех императивов, которые на протяжении тысячелетий формировали концептуальные установки и принципы этических дефиниций.

Таким образом, понимание этики в цифровом обществе связано с социально-экономическим развитием, с той реальностью, которая возникла и раскрывается в деятельностном подходе. Одним из значимых тезисов, сформулированных теоретиками информационного общества, является положение о преодолении существующего классового неравенства на основании равного доступа к информации, которая должна быть свободной. Мы исходим из того, что этика представляет собой способ и результат развития сознания человека и образует уникальное русло парадигм, по моделям которых формируются взгляды и предпочтения людей определенной эпохи. И, соответственно, эти модели определяют, с одной стороны, содержание взглядов и предпочтений эпохи, потребности людей и социума в регуляторах их многочисленных взаимодействий, с другой стороны, способы воплощения этого содержания, которые устанавливают формы воздействия на общество. Формирование концептов этики исторически выступает как целенаправленный процесс и как закономерный результат освоения отображенного социально-деятельностного опыта, накопленного ранее. Тем самым формируется новый эстетический конструкт этики – искусственная модель достижения идеального

образа, соответствующего нормам массовой культуры и массового потребления. Установки нового формата этики формируются как целенаправленно индивидуальные, они выступают механизмами формирования массовых стереотипов, эталоном статусных позиций, по которым индивид оценивается группой как «свой-чужой».

В целом, информационное общество создает новые социальные тупики, социальные предпосылки для еще большего расслоения общества, но на основе знания и информации, тем самым подменяя исторически отжившие формы классового расслоения, господствующие в прошлом, на новые, но не менее драматичные. Действительно, доступ к информации и знанию может быть открыт в равной мере для многих, но, дискретность нового информационного поля вовсе не предполагает свободного и демократического овладения данным ресурсом, поистине доминирующим в современной «мерцающей» информационной реальности.

При исследовании новых социальных реалий, обусловленных цифровой коммуникацией, наряду с использованием уже установившегося категориально-понятийного аппарата и методической базы, тем не менее возникает необходимость их пересмотра и постоянного дополнения, которое будет соответствовать наблюдаемым социальным трансформациям. Для обсуждения результатов новых социально-коммуникативных исследований социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова ежегодно проводит научную конференцию, инициированную кафедрой социологии коммуникативных систем.

Предшествующие конференции были посвящены рассмотрению коммуникативного пространства современного мегаполиса¹, трансформации

¹ Коммуникативное пространство современного мегаполиса: диалог программ: Материалы научной онлайн-конференции с международным участием / ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. – М.: МАКС Пресс, 2019. – 106 с.

коммуникации в цифровую эпоху², осмыслению коммуникативного капитала цифрового общества³. В этом году конференция, ставшая уже традиционной, объединила ряд отечественных и зарубежных научных площадок для обсуждения этических аспектов новых социально-коммуникативных реалий. Заявленная тематика затрагивает интересы как опытных исследователей, так и молодых коллег, чья социализация проходит уже в новом, цифровом, пространстве, с его особыми ориентирами и закономерностями в этичности коммуникации. Обсуждалась не только поколенческая специфика, но и пересечение проблемных полей различных социальных сфер: образования, управления, культуры, политики.

Достоинством любой научной конференции считается ее результативность, апробирование свежих взглядов и подходов, разработка новых методических и понятийных предложений. Всё это нашло отражение в докладах и статьях участников, предлагающих для обсуждения выводы как теоретических, так и прикладных исследований. Если год назад мы обсуждали новое понятие «коммуникативного капитала», то понятийная специфика данной конференции заключалась в объемном рассмотрении понятия «этическая матрица», ставшего продуктивным для исследования социальных трансформаций, обусловленных успехами и проблемами в области искусственного интеллекта, цифровизации общества.

В заинтересованном разговоре приняли участие и коллеги, с которыми у кафедры социологии коммуникативных систем сложились давние научные отношения, и новые коллеги высокого академического уровня. География участников широка: от Москвы до Якутска; большой интерес вызвали работы, представленные исследователями Беларуси, Китая, Франции.

² Трансформация коммуникации в цифровую эпоху: Материалы научной онлайн-конференции с международным участием / ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. – М.: МАКС Пресс, 2020. – 136 с.

³ Коммуникативный капитал цифровой эпохи: Материалы научной онлайн-конференции с международным участием / ред. И.Н. Чудновская. – М.: МАКС Пресс, 2021. – 175 с.

Мы уверены, что полученный опыт диалога обязательно принесет свои научные плоды, даст новый стимул научному воображению для наших последующих встреч.

*Кандидат социологических наук, доцент, заместитель заведующего
кафедрой социологии коммуникативных систем
Коркия Эка Демуриевна*

*Кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего
кафедрой социологии коммуникативных систем
Чудновская Ирина Николаевна*

Коммуникационные механизмы создания и распространения смыслов деструктивной направленности в цифровую эпоху

Адамьянц Тамара Завеновна

д.с.н., профессор, главный научный сотрудник

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук*

E-mail: tamara-adamianty@yandex.ru

Статья посвящена анализу коммуникационных механизмов смыслов деструктивной направленности, создание и широкое распространение которых стало отличительной характеристикой современного цифрового пространства. Концепт «смысл» рассматривается как виртуальная иерархически организованная структура взаимоподчиненных и взаимообусловленных уровней коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на коммуникативную (авторскую) интенцию. Показано, что уровни латентных структур деструктивной направленности, как правило, противоречат друг другу; здесь используются непроверенные или искусственно созданные факты и сведения. Актуальной предпосылкой для распространения деструктивных смыслов оказываются также возможности анонимной коммуникации, создания закрытых и полужакрытых интернет-платформ. Жертвами смысловых воздействий чаще оказываются представители молодежи и подростки, не имеющие навыков адекватного понимания и ориентирования в сфере социальной коммуникации, что затрудняет процессы их социализации и социальной адаптации.

Ключевые слова: цифровая эпоха, социальная адаптация, смысл, интенция, интенциональность, семиосоциопсихология, метод мотивационно-целевого анализа.

Communication mechanisms for the creation and dissemination of destructive meanings in the digital age

The article is devoted to the analysis of communication mechanisms to the meanings of destructive orientation, the creation and wide distribution of which has become a distinctive characteristic of the modern digital space. The concept of "meaning" is considered as a virtual hierarchically organized structure of mutually subordinate and interdependent levels of communicative-cognitive programs focused on communicative (author's) intention. It is shown that the levels of latent structures of destructive orientation, as a rule, contradict each other, unverified or artificially created facts and information are used here. An actual prerequisite for the spread of destructive meanings is also the possibility of anonymous communication, the creation of closed and semi-closed Internet platforms. Victims of semantic influences are more often representatives of young people and adolescents who do not have the skills of adequate understanding and orientation in the field of social communication, which complicates the processes of their socialization and social adaptation.

Key words: the digital age, social adaptation, meaning, intention, intentionality, semio-sociopsychology, method of motivational-target analysis.

Цифровая эпоха качественно изменила диапазон «пребывающих» в социокультурном пространстве смыслов: наряду с традиционными, узаконенными веками мотивационно-целевыми посланиями, утверждающими правомочность и социальную целесообразность морально-нравственных основ всех сфер человеческого бытия, возникла и даже стала привычной мотивация противоположной направленности, ориентированная на трансформации «картин мира» потенциальной аудитории. При этом «мишенями» деструктивных смысловых влияний оказываются такие значимые грани в социальных представлениях и эмоциях людей, как любовь к своей стране, ее истории, культуре, традициям, следование ценностям семьи, дружбы, и т.д. [1; 2].

Учитывая вышесказанное, для социальной науки, ориентированной на позитивные, гуманитарно-ориентированные процессы, важно изучение и

понимание коммуникационных механизмов создания и распространения смыслов, прежде всего деструктивных, с учетом новых расширенных возможностей, которые привнесла в сферу социальной коммуникации современная цифровая эпоха (речь идет не об огульном отрицании новых цифровых возможностей, а о понимании особенностей их использования для латентных смысловых воздействий).

При выборе метода решения обозначенной задачи традиционные подходы, основанные на изучении содержательной стороны транслируемых материалов (например, контент-анализ), позволяют видеть исследуемую проблему лишь частично: смыслы, как известно, кроются «между слов», фраз и т.д. К тому же одна и та информация, как известно, может быть использована как со знаком «плюс», так и со знаком «минус», в зависимости от намерения коммуникатора и, соответственно, от методов (технологий), которыми он пользуется. Важно при выборе метода изучения учесть и тот факт, что мир цифры подарил широчайшие, доступные даже неискушенному пользователю возможности восприятия/общения не только посредством слов и фраз, но и фото-видео-аудио средств. Важно учесть также и многообразие возможностей получения цифровой информации (социальные сети, интернет-платформы, телефоны, гаджеты, разного рода реклама и т.д.), и неравномерность коммуникационной активности, как авторов, так и потребителей. Иными словами, требуется исследовательский метод, позволяющий выявление латентных смыслов среди постоянно меняющегося и расширяющегося «набора» материалов, исходящих из разных источников, разноплановых по частоте и времени выхода, содержательному наполнению, форме подачи и художественно-изобразительному решению.

Учитывая вышеназванные условия и обстоятельства, адекватной для решения поставленных задач оказывается *междисциплинарная семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации и,*

соответственно, метод мотивационно-целевого (интенционального) анализа процессов общения⁴ [5; 6].

Согласно парадигмальной специфике концепции, в любом целостном, завершенном коммуникативном акте, реализованном в любой знаковой системе, помимо его очевидного, «овеществленного» состава в виде слов, фраз, звуков, изображений и прочих средств выражения, наличествует виртуальная иерархически организованная структура взаимоподчиненных и взаимообусловленных коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на коммуникативную (авторскую) интенцию⁵, или константный смысл [6]. Смысл, таким образом, представляет собой виртуальную многоуровневую структуру (конструкт), все уровни которой служат для донесения авторской интенциональности.

Поскольку наш дальнейший анализ включает обращение к анализу многоуровневых смысловых структур, приведем в качестве иллюстрации типовую мотивационно-целевую (смысловую) структуру, позволяющую изучение как явных, так и латентных смысловых особенностей любых целостных, завершенных коммуникативных актов (произведений, материалов, пропагандистских кампаний и т.д.):

- I уровень (вершина структуры) – авторская интенциональность (смысл);
- II уровень – тезисы;
- III уровень – аргументы и контраргументы;
- IV уровень – иллюстрации и контриллюстрации к тезисам, контртезисам, аргументам, контраргументам;
- V уровень – фоновый материал к любому из вышестоящих уровней;

⁴ Разработаны в Институте социологии РАН доктором социологических наук, профессором Т.М. Дридзе (1930-2000).

⁵ Понятие «интенция» автором семиосоциопсихологической концепции было уточнено и дополнено: это «равнодействующая мотивов и целей общения и взаимодействию людей» [5, с. 16]. Соответственно, термин «интенциональность» служит для формулировки «равнодействующей мотивов и целей» в рамках конкретного коммуникативного акта; это то, что автор/коммуникатор хотел сказать, выразить, донести (или утаить).

- VI, VII уровни (нижняя часть структуры) – фоны к фонам [7, с. 15-19].

Все уровни латентной структуры «пронизывает» проблемная ситуация, с поиска которой обычно и начинается анализ. Несмотря на общие закономерности в механизмах донесения смысла, каждое отдельное произведение имеет свойственную только ему модификацию мотивационно-целевой структуры и, соответственно, оригинальную проблемную ситуацию.

Распространенные в современном социокультурном пространстве многоуровневые смысловые структуры можно дифференцировать как открытые, ориентированные на диалог и конструктивные взаимодействия (мотивационно-целевые структуры здесь стройные, их уровни не противоречат друг другу) и – деструктивные, разрушительная цель которых едина, а различия состоят лишь в векторе направленности «смысловых снарядов» на те и иные грани «картин мира» потенциальной аудитории. Для реализации подобных целей, как известно, разработаны специальные технологии, информация о которых публикуется в научных изданиях, нередко – «под эгидой» новых научных открытий или достижений.

Согласно технологиям манипулятивного влияния, основная часть которых опирается на постмодернистские идеи о множественности смыслов, допускается использование недостоверных сведений, необоснованных заявлений о нарушениях тех или иных морально-нравственных норм, и т.д. Широко практикуются «подвижки» в значениях общегуманитарных констант, например, в таких понятиях, как *добро*, *зло*, *справедливость*, *честность*, *семья*, *дружба* [1; 2].

Характерно, что в латентных мотивационно-целевых структурах материалов манипулятивной направленности подобные ухищрения занимают средние или нижние, фоновые уровни, а конфигурации самих структур оказываются разорванными, их уровни противоречат друг другу. Неизменным, несмотря на декларации о множественности смыслов, остается реальный (и

скрываемый) смысл всего материала или пропагандистской кампании, что, к сожалению, проходит мимо внимания и, соответственно, понимания людей легковверных, не имеющих жизненного опыта или навыков адекватного понимания в сфере социальной коммуникации.

Дальнейшую судьбу, а фактически экспансию на широкую аудиторию вновь создаваемых «манипулятивных продуктов» обеспечивают безграничные возможности цифровой эпохи (отметим еще раз, что речь идет не об отрицании новых возможностей в сфере коммуникации, а о правомочности их недобросовестного использования).

Возможности цифровой эпохи позволяют массированное распространение не только готовых материалов, созданных с применением манипулятивных технологий, но и поэтапное создание «заготовок» к готовящимся, «созревающим» сложным и суперсложным многоуровневым смысловым новообразованиям, разрушительный эффект которых проявляется незаметно, на протяжении длительного времени (напомним о так называемом *окне Овертона*).

Право на декларируемую множественность смыслов реализуется в таких случаях на уровне тезисов, аргументов или иллюстраций, что позволяет коммуникатору в многоходовых информационно-пропагандистских кампаниях шаг за шагом создавать желаемые константные смыслы, подстраивая под конструируемую интенциональность многоликие новообразования промежуточных смыслов и значений. И поскольку все «детали» многоэтапной коммуникативной «сборки» оказываются приспособленными друг к другу таким образом, что верифицировать их можно только определенным способом, создаваемый латентный смысл всегда оказывается константным [1; 2].

Длительное поэтапное воздействие, конечно, возможно и без применения цифровых технологий, однако, как показывает жизнь, деструктивный эффект от использования цифровых возможностей огромен. Назовем в качестве примера *технологии создания моды на деструктивные формы и способы общения*, широкому распространению и поддержанию которых в рамках отечественного социокультурного пространства способствовала сеть Интернет в ее закрытых и

полузакрытых формах (посредством создания кругов доверенных пользователей на сайтах, блогах, платформах и т.д.). Так, среди молодежи получила статус современной, заслуживающей подражания *мода на негативное отношение к отечественным информационным и общественно-политическим материалам*, объясняющим позицию страны и власти. Негативное отношение распространилось даже на термин «пропаганда», хотя сам по себе негативного значения этот термин не несет; иное дело, какими средствами пропаганда ведется, является ли открытой или закрытой, манипулятивной?

Как результат действия обозначенной *моды*, согласно данным проведенного нами на протяжении 2015-2017 гг. исследования, поддержанного РФФИ, только 2% современных рабочей молодежи, 4% студентов и учащихся старших классов и 7% представителей молодой интеллигенции обращаются, по собственному признанию, к общественно-политическим и информационным телепрограммам или материалам официальных СМИ [3, с. 60]; эти же самые респонденты сообщили, что информацию получают в основном из лент новостей и источников, к которым ленты новостей отсылают. Добавим к приведенным исследовательским данным такие результаты наших наблюдений: ленты новостей нередко выдвигают на самые заметные, самые видные позиции материалы оппозиционных источников, иными словами, рекомендуют именно их.

Среди значительной части современных авторов, создающих неофициальный и полуофициальный цифровой «продукт» (в блогах, социальных сетях, на интернет-платформах и т.д.), распространена *мода на негатив* (интенция «все плохо»), что создает у определенной части аудитории тревожность, *безразличие к проблемам страны, неверие в ее успешность, а заодно пассивность при решении собственных проблем.*

Впечатление неустойчивости, неопределенности, ненадежности создают также мода на «новости ни о чем» и мода на «заполненные новости» [3, с. 60-62].

Поскольку «жертвами» деструктивных смыслов чаще оказываются подростки и представители молодежи, не имеющие развитых навыков понимания смысловых доминант воспринятых материалов, текстов, длящихся пропагандистских кампаний, целесообразны мероприятия по массовому развитию навыков понимания в сфере социальной коммуникации, широкое объяснение механизмов внутренней организации материалов деструктивной направленности и в целом – пропагандистских кампаний, ведущихся по отношению к нашей стране.

Необходимы также мероприятия по снятию таких коммуникационных барьеров в процессах социализации и социальной адаптации, как мода на негативное отношение к материалам официальных СМИ, мода на негатив при освещении событий, мода на «новости ни о чем» и «заполненные новости».

Необходимы также поддержка и создание оптимальных условий для *открытых платформ* Интернета, которые также являются детищем цифровой эпохи и которые фактически противостоят деструктивной интернет-коммуникации. Возможность непосредственных коммуникационных взаимодействий на немногочисленных открытых платформах Интернета, которую в массовом масштабе используют наши соотечественники, равно как и возможность наблюдения за этим процессом, которая привлекает еще большее число людей, создает новые социокультурные среды – виртуальные группы, объединенные взаимопониманием, общими ценностями и эмоциями [4]. Это, по сути дела, вариант гражданского участия в его новой, современной форме, создающий оптимальные условия для упрочения морально-нравственных ценностей в нашем обществе.

Источники и литература

1. Адамьянц Т.З. Коммуникационные механизмы современных смысловых противостояний // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 98-105.
2. Адамьянц Т.З. Латентные технологии информационных войн и «двойных стандартов» // Социологические исследования. 2016. №12. С. 123-127.

3. Адамьянц Т.З. Смысловые барьеры в процессах социальной адаптации современной молодежи // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Том 8. С. 54-68.

4. Воронкова О.А. Сетевая интериоризация – становление новой мотивационной матрицы социально-политического участия // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 17-28.

5. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Книга 1. М.: ИС РАН. 2000. – С. 5-42.

6. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984.

7. Адамьянц Т.З. Социальные смыслы глобальных процессов и перемен: механизмы и катализаторы. М.: Институт социологии РАН. 2017. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5020> (дата обращения: 13.03.2022).

Цифровое ускорение регионального разрыва этической матрицы

Багаева Алиса Валерьевна

к.с.н, доцент, доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: dagny35@gmail.com

В статье эволюция этической матрицы рассмотрена в ракурсе регионального развития. Эта матрица представлена как индикатор периодизации исторического развития, не совпадающей ни с традиционной периодизацией истории, близкой к формационному прочтению, ни с периодизацией систем международных отношений. При этом такая периодизация отражает возрастающую роль информационного фактора в формировании ведущих социальных трендов, определяющих ускорение регионального разрыва.

Ключевые слова: глобализация, регионализация, локализация, история этики, конфликт.

Digital Acceleration of the Regional Ethical Matrix Gap

In the article the evolution of the ethical matrix is considered from the perspective of regional development. This matrix is presented as an indicator of the periodization of historical development which does not coincide with either the traditional periodization of history, i.e., close to the formational reading, or the periodization of the international relations systems. At the same time, such periodization has reflected the growing role of the information factor in the formation of leading social trends that determine the acceleration of the regional gap.

Key words: globalization, regionalization, localization, history of ethics, conflict.

Наиболее ответственные исследователи процесса усиления взаимозависимости мирового развития, который получил наименование «глобализация», всегда подчеркивали, что наряду с этим трендом существуют

четко выраженные проявления пространственного своеобразия как на достаточно крупном региональном уровне, так и отражающие специфику отдельных территорий. Речь идет о трендах регионализации и локализации. Если на глобальном уровне сближение происходит благодаря постоянно интенсифицирующейся наполненности потоков идей, людей, капиталов, товаров и услуг, охватывающих значительную часть нашей планеты, то на уровне регионов единство населяющих их народов и создаваемых ими региональных институтов обеспечивается иными факторами, к которым в первую очередь следует относить глубинные цивилизационные основания, отличающиеся собственной историей, культурой и пониманием сути духовно-нравственных ценностей. В локальных пределах такие культурно-исторические и моральные сгустки своеобразия одновременно с компактностью обретают еще и характеристики прочности, придающей силу живущим там этносам.

Естественно, глобальные потоки всегда подтачивали и такую локальную прочность, и региональную особость. Однако у регионов находились инструменты для удержания собственной историко-культурной, конфессиональной, социальной и прочих видов идентичности. Понимание комплекса характеристик идентичности в разные эпохи отличалось, но по общим параметрам оно было близко по классификации к геополитическим координатам Запада и Востока, Севера и Юга. Хотя таким образом можно обозначить лишь исключительно грубые направления формирования и закрепления региональных или локальных идентичностей, этот подход оказывается приемлемым для того, чтобы в общей картине человеческого бытия наблюдать разделение общей матрицы модели мира, которая бытовала в древности, на фрагменты. Те из них, что корреспондируются с базовыми нравственными позициями социумов, складывающихся в устойчивых границах регионального деления, соединяются в региональную этическую матрицу. При этом обнаружился следующий парадокс: чем активнее было влияние глобальных веяний, тем настойчивее и массы, и многие властители умов на региональном уровне говорили о ценности своеобразия, обращаясь, прежде всего, к его этическим смыслам. Поэтому, когда

мир вступил в эпоху информатизации, то она, с одной стороны, способствовала созданию глобального информационного пространства, а, с другой, вызвала подъем этико-культурных, этико-конфессиональных стремлений и иных устремлений, ускоряющих распад создаваемой глобализацией общей этической матрицы на региональные компоненты.

На самом деле это движение к этической фрагментации постоянно присутствует в человеческой истории. Она есть сопутствующий продукт неравномерности развития отдельных территорий. В местах, где социально-экономический, а затем политический уровень развития начинает превышать уровень соседних регионов, возникает настоятельная потребность формулирования неких правил жизни. Их закрепление отражает ту самую специфику региона, особенности ментальности, способной принять данный тип установлений. Поэтому для Древнего Вавилона они были выражены в Законах Хаммурапи, законодательном своде, появившемся в 1750-х гг. до н. э. Это — сложносоставной источник, в котором мы находим нравственные установления, скрытые, в частности, за порядком регулирования нарушений против личности [5].

О расцвете Поднебесной в VI – V вв. до н.э. при жизни древнекитайского мыслителя и философа Конфуция говорит не только тот факт, что в империи появляется первый университет, но и что этических сил у данной социальной модели было накоплено столько, что само учение Конфуция вылилось в особую этико-философскую систему, базовые положения которой до сих пор воспринимаются китайцами в качестве моральных оснований единения социума [6]. К восьми главным добродетелям относятся: 1. лояльность, означающая непоколебимую преданность делам, которые делает человек; 2. сыновняя почтительность; 3. человечность; 4. любовь, представляющая собой сострадание и означающая бескорыстную, верную и доброжелательную заботу о благе других людей; 5. искренность, доверие, честность, недопустимость лжи, обязанность держать данное слово; 6. праведность и справедливость, которая также включает в себя искреннюю склонность к добру; 7. гармонию, которая

должна присутствовать как в личной жизни, так и в более широком мире; 8. Равенство, которое позволяет каждому человеку раскрывать свои возможности.

Примерно в тот же период схожие идеи вбирало в себя античное понятие «этос» (др.-греч. ἦθος — нрав, характер, душевный склад), встречаемое у Гомера в «Иллиаде» и «Одиссее», отражающее понимание древними греками комплекса привычек, обычаев, нравов, характеров и темпераментов, позволяющих людям взаимодействовать друг с другом. Важно, что «этос» в отличие от «фюсис» (др.-греч. φύσις — природа) пластичен, он изменяем человеком и обществом, тогда как то, что есть в человеке от природы и выражается смыслом «фюсис», неизменно. Обратим внимание на то, что в этическом тезаурусе древних греков существовало еще одно понятие — «патос» (др.-греч. πάθος — страдание, страсть, возбуждение, воодушевление), которое передавало состояние беспокойства, неупорядоченности, аффекта, иррациональности. Если «этос» укреплял социум, то «патос» его расшатывал. Однако ряд современных исследователей, в частности, израильский психолог Даниэль Бар-Таль, убеждены, что применительно к конфликту следует говорить не о его «патосе», а об «этосе» [14; 15]. В данном случае исходная позиция авторов опирается еще на одно актуальное именно для проблематики региональной этической матрицы определение «этоса» как местопребывания. Тогда справедливым видится понимание этоса конфликта как устойчивой системы социальных представлений, являющихся базой групповой идентичности и поддерживающих традиции этого социума. Значимо и то, что многие из подобных оснований коллективной памяти были сформированы под влиянием пережитого конфликта.

Известно, что Аристотель, которого считают основателем науки этики и у которого есть три непосредственно касающихся ее сочинения: «Никомахова этика», «Евдемова этика» и «Большая этика» (правда, достоверна принадлежность авторству Аристотеля лишь «Этики Никомаха» (др.-греч. Ἠθικὰ Νικομάχεια), сосредоточил внимание данной области знаний на социально-политической компоненте человеческих взаимоотношений [1]. Этим великий

философ ввел проблемы морали в политическое пространство, расширив тот багаж понимания предназначений региональной этической матрицы, который существовал до него и вбирал в себя правовые и психологические смыслы.

Завершить этот краткий исторический экскурс в первый период создания региональной этической матрицы следует упоминанием еще одного важнейшего древнего источника, а именно «Ману-смрити» — «Законов Ману». Всеобщность положений этому древнеиндийскому сборнику религиозно-этических и правовых предписаний придает отсылка к авторству мифического прародителя человечества Ману, подобно библейскому Ною, спасенному во время Всемирного потопа. Большинство специалистов разделяет точку зрения немецкого исследователя древних индийских языков и законов Георга Бюлера, что корпус «Ману-смрити» сложился в период II в. до н. э. — II в. н. э. [16] Помимо описаний происхождения Вселенной, варн (сословий), человеческого общества в этом источнике сведены многочисленные правила жизни: в период обучения, в семье, отшельника. С основополагающими Священными книгами «Ману-смрити» роднит и напоминание о правилах ведения праведной жизни и неминувности посмертных воздаяний за дурные поступки.

Второй период развития региональной этической матрицы связан с появлением христианства. Его возникновение подводило черту под попытками людей осмыслить и закрепить в этической матрице философско-мифологическим или правовым путем ее основополагающие постулаты. Христианская проповедь любви, добра, терпения почти тысячу лет, невзирая на все страдания, которые выпали на долю человечества, поддерживала и устойчивость этой этической матрицы, и единство раздробленного после падения Римской империи пространства. Нет необходимости обращаться к трудам Отцов Церкви уже потому, что с этической точки зрения они были интерпретацией Ветхого и Нового Завета. В этот период некая религиозно-этическая целостность картины мира в том регионе, который мы соотносим с Европой, уравнивала крайне глубокую фрагментарность социального бытия. Дисбаланс этой более или менее целостной матрицы произошел из-за

церковного раскола. В 1054 г. патриарх Константинопольский Михаил Керуларий и Папский легат папы Льва IX кардинал Гумберт предали друг друга анафеме. Это событие, приведшее к разделению христианской церкви на восточную и западную, вошло в историю как Великая схизма [8]. Несмотря на то, что почти тысячу лет преобладает позиция о природе раскола, лежащей в области богословских разногласий, имеется альтернативная точка зрения английского историка Джонатана Харриса, что его реальной причиной были притязания Рима на политическое влияние и денежные сборы на территориях, которые находились в зоне влияния Константинополя [13]. Если оценивать причины конфликта с точки зрения целостности этической матрицы, то следует принять за основу версию Харриса, поскольку уже в тот период руководством к жизни служили не одни религиозные мотивы, но и сугубо материальные соображения.

И все же религиозное наполнение этической матрицы было исключительно весомым. Кроме того, церковь умела находить ее новые смыслы, что, в частности, видно из учения Франциска Ассизского (1181 или 1182–1226). Период господства регионально-конфессионального типа этической матрицы завершился с окончанием Тридцатилетней войны (1610–1648) [7]. Однако вхождение в третий этап, который соответствовал военно-государственному варианту региональной этической матрицы, несмотря на военные обстоятельства не было резким, что объяснялось не случайностью, а закономерностью того, что архитекторами Вестфальской системы международных отношений стали два кардинала — Ришельё и Мазарини [11; 12].

После образования национальных государств и первоначального становления их национальных экономик как в рамках Вестфальской, так и Венской систем существование региональной этической матрицы определяли военно-государственные отношения, в которых под влиянием Промышленной революции все более и более громко звучали экономические нотки. Именно эта экономическая потребность не допустить Россию на новые рынки стала истинной причиной Крымской войны (1853–1856). Ее так же, как и Великую

схизму в предыдущий период существования региональной этической матрицы, следует рассматривать как переломный момент. Но в данном случае основным фактором перелома стал информационный. Необходимо признать, что видимость победы Союзной коалиции, которая эту войну называла Восточной (фр. *la Guerre d'Orient*), а в английском варианте и вовсе Русской войной (англ. *Russian war*) придали в первую очередь информационные успехи Запада. Вряд ли можно считать поражением успешные действия России на всех театрах боевых действий, но умение убедить общественность своих стран и власти неприсоединившихся к войне против Российской империи государств в благоприятном для союзных войск исходе до нашего времени не позволяют переосмыслить итоги той войны. А ведь еще в ее период, в 1854 г. Петр Вяземский напомнил и соотечественникам, а еще больше европейцам о 1812 г.: «Отдохнув от непогод, / Забывается Европа: / Ей двенадцатый наш год – / Как преданье до потопа». И еще: «Всем неплохо б затвердить / Ту главу из русской были, / Где вопрос «бить или не бить» / Мы по-своему решили» [4].

Уроки не были извлечены, возможно и потому, что в этой региональной этической матрице, устроенной по государственно-военному образцу, опять сработал механизм смещения акцентов. Эти перемены позволили развязать и Первую, и Вторую мировые войны. Однако оказалось, что та информационная часть этой матрицы, которая предполагала пусть жесткую, предвзятую, но все же по большей части реальную передачу сведений (это подкрепляется объективной фото- и кинодокументалистикой), перестала отвечать геополитическим интересам союзников. Уже в момент окончания Второй мировой войны к эффективности достоверной информации на Западе появились претензии. В действие были приведены механизмы создания информационных фантомов. В качестве примера того, что фейковая информация вошла в арсенал медиавойны еще в 1945 г., приводятся данные из рубрики «Архивные материалы», размещенной на сайте Федеральной службы безопасности (ФСБ), ранее имевшие гриф «совершенно секретно». Это — докладная записка руководителя Смерша (сокращение от «Смерть шпионам!») Виктора Абакумова

от 19 декабря 1945 г. на имя наркома иностранных дел СССР Вячеслава Молотова. В ней излагается полученная от агентуры информация о секретном указании американской военной миссии, находящейся в Будапеште, с целью дискредитации Красной Армии собирать и документировать факты о так называемых жестокостях русских войск. Для выполнения этого задания было привлечено представительство американского киноконцерна «Метро» (*Metro Goldwyn Mayer*), которое организовало киносъемку в одной из деревень неподалеку от Будапешта, где советскими солдатами якобы был подожжен дом, а также они жестоко обращались с женщинами [17]. Так информационно из образа союзника формировался образ врага, имеющего иные этические стандарты.

Холодная война, которая завершала данный период существования региональной этической матрицы, принесла в нее не просто информационные смыслы, а сделала их информационно-потребительскими. Правда, «железный занавес» приостановил не только информационные потоки, но также приостановил волну фейков с Запада и идеологизированной информации с Востока. «При этом тассовская лента всегда была неким камертоном и для советской прессы, определяя, что дозволено, а что — нет. По информации ТАСС определялись «температура» жизни общества и степень идеологического давления, его усиление или, наоборот, ослабление. Много лет в советской прессе не звучало ни слова о Федоре Шаляпине несмотря на то, что информационных поводов было достаточно: в Россию приезжали его дочери, пополнялась коллекция его костюмов в Кировском театре. И вдруг на ленте ТАСС появляется информация о том, что вышло распоряжение вернуть Шаляпину звание народного артиста РСФСР. Эта тассовская новость, по словам автора публикации, вызвала настоящую бурю и была процитирована в сотнях газет мира» [3, с. 647].

Именно в этих условиях в СССР предпринимаются попытки насытить эту матрицу сугубо нравственным содержанием, приняв в 1961 г. как часть Третьей Программы КПСС Моральный кодекс строителя коммунизма. Но уже в

редакции 1986 г. его острота была смягчена и коммунистической морали даны такие детерминанты, которые были близки к ее общечеловеческим смыслам: коллективистская, гуманистическая и активная, деятельная [10]. Это было время «перестройки», которую следует считать переходным периодом в постсоциализм. Окончание холодной войны стало временем перехода в четвертый этап развития региональной этической матрицы.

Новое качество вошедших в данное состояние государств не стало шагом к стягиванию краев разорванной по региональному признаку глобальной этической матрицы. Более того, в новых и геополитических, и информационных реалиях обнаружились новые этические пространства или более свежее дыхание обрели пространства исторические, в частности, китайское. В 2006 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао изложил список моральных принципов гражданина китайского государства под названием «Восемь добродетелей и восемь пороков», имеющий официальное название: «Социалистические понятия о чести и бесчестье» [18]. Он совсем непохож на постулаты Морального кодекса строителя коммунизма, но и не повторяет конфуцианские добродетели, а ориентирован на те ценности, которые позволяют развиваться именно Китаю, учитывая его историческую, этическую и ментальную специфику.

Цифровизация ускорила расхождение разных частей приданной глобализацией видимости единства на основе глобальной морали и общечеловеческих ценностей этической матрицы, которая на самом деле резко разделялась и по территориям, и по сферам. Ярким примером ее распада выступает конкурс «Евровидение» [9]. От первоначальной идеи объединения через культуру, музыку, песню, он ушел в область политических рестрикций. С 1994 г., когда постсоветские страны начали участвовать в конкурсе, зафиксировано 10 отказов и 14 недопусков их исполнителей к участию. Начиная с 2017 г. причины недопусков России, Армении, Украины, Белоруссии исключительно политические.

Имеются ли пути преодоления регионального разрыва этической матрицы, ускоряющегося под воздействием цифровизации? Надежды на действенность

варианта продвижения в этом процессе до глубокой фрагментации, которая сопряжена с крайней индивидуализацией, чтобы, опустившись на самое дно, проникнуться пониманием ценности общности социума, оказались тщетными. Согласно Зигмунту Бауману, «индивидуализированное общество» отличается усилением роли сил и тенденций, которые не контролируются человеком, ростом неуверенности и неопределенности, подавлением таких проявлений человеческого духа, которые в прошлом вдохновляли людей к социальным преобразованиям [2]. Формируемый в результате этих тенденций мировой порядок мешает тому, чтобы при более интенсивной активности индивидов начала концентрироваться новая этическая матрица с «человеческим лицом», без исправлений фотошопом. Поэтому только возвращение к общим изначальным этическим смыслам, осуществляемое на основе всеобщей цифровой грамотности и цифрового равенства, позволит начать путь из воображаемой (фейковой) реальности к действительной, т.е. такой этической матрице, в которой в общем глобальном поле органично уживаются невраждебные друг другу региональные составляющие.

Источники и литература

1. Аристотель. Этика / Пер. Н.В. Брагинской, Т.А. Миллер; вступ. ст. Ф.Х. Кессиди. М.: АСТ: Астрель, 2011. – 492 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. – 390 с.
3. Битюцкая В.В. Советская информация за границей: особенности работы ТАСС в условиях «железного занавеса» // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 643-649.
4. Гайворонский К. Первая Крымская медиавойна // Ведомости 16.08.2016
5. Законы вавилонского царя Хаммурапи: Пер. и комм. В.А. Якобсона // История Древнего Востока. Тексты и документы: Учебное пособие / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002. – С. 167-191.
6. Конфуций. Беседы и суждения. Антология русских переводов XIX – XX вв. / Сост., общ. ред. Р.В. Грищенкова. 2-е изд. СПб.: Изд-во «Кристалл», 2001.

7. Ивонин Ю.Е. Тридцатилетняя война или переплетение конфликтов // Proslogion. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2018. Вып. 4 (2). С. 142-157.
8. Лебедев А.П. История разделения церквей в IX, X и XI веках / Под науч. ред. М.А. Морозова. СПб.: Алетейя 1999. – 308 с.
9. О'Коннор Дж.К. «Евровидение»: Официальная история конкурса песни. СПб.: Амфора, 2009. – 207 с.
10. Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая ред.: Принята 27-м съездом КПСС 1 марта 1986 г. М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1986. – 98 с.
11. Терновая Л.О. Священное в мирском: конфессиональное прочтение международных отношений: монография. М.: ИНФРА-М, 2022. – 300 с.
12. Терновая Л.О. Священнослужители на вершине государственной власти: время, место, миссия // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. Вып. 6 (47). С. 601-608.
13. Харрис Дж. Византия. История исчезнувшей империи / Пер. с англ. Н. Нарциссова. М.: Альпина Нон-фикшн, 2017. – 384 с.
14. Bar-Tal D. Societal beliefs in times of intractable conflict: The Israeli case // International Journal of Conflict Management. 1998. № 9. Pp. 22-50.
15. Bar-Tal D., Sharvit K., Halperin E., Zafran A. Ethos of conflict: The concept and its measurement // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2012. № 18(1). Pp. 40- 61.
16. The laws of Manu, transl. by G. Buhler. Oxford: Clarendon Press, 1866. 620 («Sacred books of the East», vol. XXV).
17. ФСБ обнародовала документ о создании США в 1945 году первых фейков о русских военных // [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14099321> (дата обращения: 18.03.2022).
18. CPC promotes «core value system» to lay moral foundation for social harmony // [Электронный ресурс]. URL: http://news3.xinhuanet.com/english/2006-10/18/content_5220576.htm. (дата обращения: 18.03.2022).

Современная элита: трансформация и моральные ценности

Васильчикова Мария Сергеевна

Сотрудник

кафедры социологии коммуникативных систем

Социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

E-mail: wasmaria@yandex.ru

Современное общество характеризуется масштабными преобразованиями в области цифровых технологий и продвижением технической революции. Немаловажную роль в данном процессе играют глобализационные изменения. Происходит становление нового типа общественного устройства – цифрового общества. Дифференциация ценностных ориентаций, ускорение коммуникационных процессов, манипулятивное информационное социальное взаимодействие, ускорение и усложнение функционирования сфер жизнедеятельности общества – требуют обязательной моральной оценки и анализа для дальнейшего формирования новой системы ценностей, основ общества, а также сохранения баланса, поддержания целостности всей общественной системы, посредством активного участия элит.

Ключевые слова: цифровая трансформация, элита, ценностные установки, цифровое общество, социальные сети.

Modern elite: transformation and moral values

Modern society is characterized by massive digital transformations and technological revolution. Globalization changes play an important role in this process. A new type of social organization – a digital society – is emerging. Differentiation of the values of society, acceleration of communication processes, manipulative information-based social interaction, the acceleration and complexity of the functioning of the spheres of activity of society - require a moral assessment and

analysis in order to further develop a new system of values, the foundations of society, as well as to maintain balance and the integrity of the entire social system, through the active participation of elites.

Keywords: digital transformation, elite, values, digital society, social networks.

Глобальный подход к всеобщей цифровизации подразумевает переход на совершенно иной уровень общественного благосостояния, поддержание которого должно обеспечиваться развитием и внедрением диджитал-технологий. Последние все больше проникают в повседневную жизнь человека, развивают новые формы социального взаимодействия, что побуждает элиты, как экономические, так и политические, культурные, социальные, искать новые, более совершенные и эффективные технологии, методы организации собственной деятельности [8]. Цифровая трансформация вносит коррективы не только в деятельность элиты, но и изменяет сам образ элитных групп.

В современном научном дискурсе сложилось представление об элитах, как, прежде всего, политических акторах. Данный подход имеет место быть, но не является всеобъемлющим. Помимо политической, которая, по мнению В. Парето, включает лиц, достигших наивысшего уровня компетентности, занимающих высокое положение соответственно степени своего влияния, политического и социального могущества [2], следует выделять экономическую, профессиональную, научную, спортивную, культурную элиты, каждая из которых обладает высоким уровнем специальных знаний, умений, ресурсов для успешного и эффективного функционирования общества в соответствующей сфере.

Для конкретизации определения категории «элита» следует представить основные маркеры выделения элиты, а именно:

- высокий уровень компетентности, признанный как научным сообществом, политическим, экономическим, так и обществом в целом;

- как правило, наличие личных качеств и способностей, позволяющих добиться успеха в той или иной рассматриваемой сфере жизнедеятельности общества;

- наличие ресурсов, материальных и нематериальных возможностей для осуществления своих полномочий.

Сам же процесс элитогенеза представляется в качестве социального лифта, позволяющего человеку объединить имеющиеся у него ресурсы, возможности, способности, желание и реализовать поставленную цель – вход в элиту.

Моральная составляющая элиты затрагивается в теории Г. Моска [5], утверждающего, что элита стремится аргументировать свое обладание властными ресурсами морально и юридически [9]. Социолог М. Вебер [3] в своих работах отмечал моральные критерии идентификации элиты, особенно выделяя самоотдачу, чувство ответственности, собранность, устойчивость. Дополняют данный список характеристики элиты, предложенные В. Парето, Н. Бердяевым, Х. Ортега-и-Гассетом – «требовательность к себе, воля, стремление к самосовершенствованию, духовное благородство и т.д.» [9].

Прививание подобных качеств и дальнейшее воспитание высокоинтеллектуальной личности должно происходить, в свою очередь, посредством ознакомления и анализа классических произведений. Проблема духовности и нравственности высших слоев всегда занимала особенно важное место в рамках достижений отечественной культурологической мысли, начиная с А.С. Пушкина и заканчивая А.И. Солженицыным, работы которых признаются не только отечественным, но и мировым достоянием.

Обобщая данные подходы, представим основные характеристики идеального морального образа элиты, что априори можно считать утопическим, в виду невозможности одновременного исполнения предлагаемых условий:

- во-первых, наиболее важным среди представленных качеств, выступает *ответственность* – за последствия своих действий, применения имеющихся полномочий, осознанный подход к решению проблем современного общества;

- во-вторых, *стремление к самосовершенствованию, саморазвитию*, что является источником постоянного обновления, поддержания устойчивости общества. Тактика «идти в ногу со временем» позволяет элите быть более компетентной в решении и анализе текущих проблем;

- в-третьих, немаловажным выступает наличие личных качеств и способностей представителя моральной элиты;

- в-четвертых, *обладание источником нематериальных и материальных ресурсов*, возможностей для более быстрого решения насущных проблем соответствующей сферы жизнедеятельности общества;

Несомненно, что цифровая трансформация общественных сфер ведет к изменению процесса морализации элит. Особенно ярко данная проблема проявляется в социокультурном аспекте, где современная культурная элита претерпевает значительные изменения. Сменяется эпоха, уходят поколения мэтров и настоящих профессионалов своего дела. На смену звездам мирового уровня приходит новое поколение артистов, преследующих, в первую очередь, материальные цели, нежели культурные и творческие. Однодневные хиты, альбомы, исчезают так же быстро, как и возникают. При этом почти утрачивается главная ценность искусства – просвещение и развитие общества. Стремления словить «хайп» и заработать быстрые деньги, желание самоутвердиться – выходят на первый план, оттесняя поддержание ценностных установок и национальных особенностей страны, что приводит к стиранию границ культурной идентичности. Немаловажным выступает аспект широкого влияния на массы, в первую очередь, на молодое поколение, которое с успехом принимает новое веяние «культуры» и поддается влиянию, стремится подражать кумирам, поддерживать модные тенденции.

Огромную роль в данном процессе играют новые поля популяризации, а также практически повсеместное применение социальных сетей. Особенно ярко данный процесс проявился в условиях пандемии, где вынужденная изоляция привела к увеличению часов и непосредственных контактов в социальных сетях. Возрастание объема публикуемой информации, ускорение ее передачи за счет

внедрения сложных алгоритмов и технологий, выступают отличительными характеристиками цифрового информационного общества. Последствия трансформаций социального взаимодействия приводит к информационной перегруженности, нивелированию возможностей контроля и фильтрации контента, публикуемого как представителями элит, так и обычных пользователей. Все это откладывает отпечаток на элитогенез, подвергающийся кардинальным изменениям как в существовании текущей элиты, так и в формировании новой, выходящей на замену устаревшей. Приведем основные положения теории циркуляций элит В. Парето, которую в целом можно представить в виде сменяющих друг друга этапов:

1. Появление пассионарной группы, [2] активно стремящейся к получению власти.
2. Пассионарная группа – база новой элиты, контрэлиты по отношению к уже существующей элитной группе.
3. Смена позиций – контрэлиты свергает элитную группу, занимая место правящей группы.
4. Общество проходит новый цикл развития – на смену текущей элиты приходит новая контрэлиты, претендующая стать правящей.

Анализ деятельности пассионарной группы требует не меньшего внимания исследователей, чем уже властвующая элита. Государству необходимо обеспечивать контроль и оказывать поддержку пассионарным группам, помочь им правильно расставить приоритеты, определить свои обязанности и установить круг ответственности, сформировать сознательных, компетентных кандидатов в элитные группы. Все это необходимо для сохранения целостности общества, для подготовки достойной смены, патриотично настроенной, способной критически оценивать ситуацию и иметь четкие убеждения, основанные на историко-культурном прошлом и настоящем отечества.

Это станет возможным при условии:

- во-первых, приоритетного развития национальной системы образования, повышения статуса высшего образования, создание новых программ обучения,

направленных на подготовку компетентных мульти-специалистов, готовых работать в условиях своей страны, стремиться повысить уровень жизни и качество жизни людей, обеспечить достойное и бесперебойное функционирование всех сфер жизнедеятельности общества, основываясь, в первую очередь, на отечественном опыте, а также возможной адаптации зарубежных, наиболее подходящих вариантов развития; отечественного экспертного сообщества;

- во-вторых, обязательной поддержки экономической, политической систем обществ, посредством развития национального бренда территории, расширения возможностей внутренней экономики, установления взаимовыгодных международных отношений;

- в-третьих, обеспечение необходимой и активной поддержки, направленной на сохранение культурного фонда страны, исторической памяти среди представителей разных, а особенно, молодых поколений;

- в-четвертых, необходимости формирования действующего, активного отечественного экспертного сообщества.

Отметим, что предложенные условия являются достаточно затратными как в материальном, так и во временном измерении, но обеспечение достойного уровня жизни поколений, их самостоятельности и самодостаточности, взращенной на опыте прошлых лидеров, исторических личностей, которым знакомо чувство достоинства, нравственности и духовности, поможет преодолеть стране будущие проблемы и сложности, возникающие в том числе, в рамках цифрового информационного общества с его последствиями – информационной перегруженностью, цифровым неравенством, отсутствием тотальности контроля контента и многими другими.

Подводя итог всему вышеизложенному, еще раз сделаем акцент на том, что процессы информатизации и цифровизации концентрируются вокруг идеи рационализации, что ставит под угрозу сохранение культурной идентичности и национального единства государства. Культурная память, совокупность нравственных ценностей и установок должны поддерживаться, причем главную

роль играет не только управляющая элита, но и элита социокультурная, наиболее близкая к социуму. На плечи данной элиты ложится огромная ответственность, которую члены данной группы должны осознавать и стремиться поддерживать тот высокий уровень культурного развития, полученный в наследство от величайших деятелей культуры и искусства, науки и образования, во имя дальнейшего активного развития новых поколений, новых граждан, патриотов страны.

Источники и литература

1. Ашин Г.К. Элитный университет в системе элитного образования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 1. Т. XI. С. 31- 49.
2. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография / Г.К. Ашин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. — М.: МГИМО-Университет, 2010. — 600 с.
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
4. Мамедов А. К. Эпистемология социального познания. — КАНОН+ Москва, 2017. — 224 с.
5. Моска Г. Элементы политической науки // Социологические исследования, 1995. № 4. С. 138-146.
6. Мясоедова В.А. Роль образования в элитогенезе современной российской молодежи// Современные проблемы науки и образования // "Издательский Дом "Академия Естествознания", Кубанский Государственный Медицинский Университет, Камская Государственная Инженерно-Экономическая Академия, Кемеровский Государственный Университет (Москва), 2015. №1-2. С. 198.
7. Осипова Н.Г. Роль классического университета в воспроизводстве элиты общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2017. №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-klassicheskogo-universiteta-v-vosproizvodstve-elity-obschestva> (дата обращения: 29.01.2021).

8. Попова Е.А., Мартемьянова З.С. Роль политических элит в развитии институтов гражданского общества в условиях цифровизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки, 2019. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-politicheskikh-elit-v-razvitii-institutov-grazhdanskogo-obschestva-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 14.02.2022).

9. Серебрякова Ю.А., Васюткин Г.А. Моральная составляющая в теории элит // Вестник БГУ, 2020. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralnaya-sostavlyayuschaya-v-teorii-elit> (дата обращения: 15.02.2022).

10. Социологический словарь / Отв. ред.: Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М.: Норма, 2008. – 608 с.

Трансформация академических ценностей системы университетского образования в цифровую эпоху

Волнистая Марина Георгиевна

к.с.н., профессор

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

E-mail: mgv22@mail.ru

В статье рассматривается эволюция подходов к исследованию этических противоречий между нравственностью и наукой. Различия между наукой и нравственностью рассматриваются в контексте реализации их общественных функций. Автор продвигает идею о том, что университетское образование и его академические ценности создают все необходимые условия по созданию необходимого качества ценностного культурного пространства для развития науки как социального института.

Ключевые слова: наука, мораль, университетское образование, академические ценности, академическая культура, нравственный кодекс научного работника, педагогическая этика, цифровая эпоха.

The transformation of academic values in university education and scientific knowledge in the digital age

The article considers the evolution of approaches to the study of ethical contradictions between morality and science. The distinction between science and morality is considered in the context of the realisation of their social functions. The author promotes the idea that university education and its academic values create all necessary conditions for creation of necessary quality of cultural value space for development of science as a social institution.

Key words: science, morality, university education, academic values, academic culture, scholarly moral code, pedagogical ethics, digital age.

Традиционно в нормах морали всегда выражается воля, нравственные требования общества в социально-культурном пространстве его различных слоев и социальных групп. Наступление цифровой эпохи показало существенные коллизии, трансформации и ослабление ценностного измерения в информационном обществе. Особенно это проявилось в этической составляющей цифрового общества в XXI веке на примере деятельности современных масс-медиа. В свое время русский и советский физик Петр Леонидович Капица высказал достаточно тревожную точку зрения о том, что «средства массовой информации не менее опасны, чем средства массового уничтожения» и оказался многократно прав [3].

В силу того, что нравственные требования общества распространяются на все социально-культурное пространство, а значит и на его информационную составляющую, неотъемлемой частью этого пространства является и научная и образовательная деятельность. Это становится главной причиной почему научное знание является «постоянной величиной» и переходит от поколения к поколению, лишь актуализируясь, пополняясь, конкретизируясь или уточняясь. Университетское образование является генератором этого знания на всех этапах эволюции цивилизации, образовательного поля мировой архитектоники образования и высшей школы. Моральные же нормы возникают, они исторически меняются и исчезают с развитием социальных отношений.

Различия между наукой и нравственностью всегда отчетливо проявлялись в реализации их общественных функций. Первая призвана указывать пути наиболее рациональной деятельности людей, согласовывая эту деятельность с объективными закономерностями, а вторая должна регулировать социальное поведение людей в соответствии с общественными, политическими, экономическими или корпоративными интересами. В отличие от нравственности наука констатирует и объясняет, но ничего не оправдывает и не осуждает. «В своей прикладной ипостаси наука говорит о том, как надо делать, а нравственность – почему и ради чего надо или не надо что-то делать» [1].

Здесь интересно вспомнить историю английского философа Д. Юма (1711–1776), который, исследуя нормы нравственности, обнаружил непростую проблему логического соотнесения морально-нравственных и научно-теоретических положений. Он сформулировал принцип, согласно которому невозможно с помощью одной логики перейти от утверждений со связкой “есть” к утверждениям со связкой “должен”. Поэтому этика постоянно совершает одну и ту же грубую ошибку, полагая, что из описания того, что имеет место, можно вывести какие-то утверждения о моральном добре и долге. Д. Юм писал: "Я заметил, что в каждой этической теории... автор в течение некоторого времени рассуждает обычным образом, устанавливает существование бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно есть или не есть, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки должно или не должно. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это должно или не должно выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него... Я уверен, что этот незначительный акт внимания опроверг бы обычные этические системы и показал бы нам, что различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познается разумом". Все попытки опровергнуть эту мысль логическими средствами ни к чему не привели [9, с.618].

«Философский» вопрос состоит в том – не так уж резко разграничены сферы науки и нравственности?

Историки отмечают, что наука всегда могла существовать и развиваться только в определенном ценностном пространстве, то есть в той культуре, где знание было признано благом, где культивировались определенные занятия, образ жизни (познание), манифестировались ориентации па поиски Истины и

были созданы условия для реализации этих ориентаций. Университетское образование и его академические ценности являлось всегда социальным институтом, создающем именно эти необходимые условия по созданию необходимого качества ценностного культурного пространства для развития науки. Научная деятельность была объектом положительной оценки со стороны общества и государства. История говорит нам и о том, что там же, где все это отсутствовало, развитие науки было связано с большими сложностями.

В частности, известно фактическое безразличие римского общества к научным и техническим достижениям древних греков, вследствие чего многие из этих достижений были просто забыты на многие века и столетия. До сих пор вопрос весьма болезненный для ряда стран Африки, Азии и Латинской Америки – это вопрос о необходимости перенесения научной традиции в контекст национальной культуры, применение критического рационального мышления к автохтонным культурным традициям, так называемая “прививка” западноевропейской традиции экспериментального исследования.

Следует обратить внимание на то, что получаемые в системе университетского образования научные знания оказывают существенное обратное влияние на моральные принципы и цели человеческой деятельности и, следовательно, несут в себе важнейшее ценностное, т.е. аксиологическое ядро в измерении смыслов человеческой деятельности и человеческого существования. С расширением и углублением научных знаний это влияние неуклонно возрастает.

В зарубежных исследованиях до сих пор часто апеллируют к наиболее общим определениям, согласно которым, университет и научно-исследовательская деятельность его сотрудников и преподавателей, сама университетская культура – сосредотачивают совокупность определенных ценностей, которые представители руководства университетов пытаются внедрить в образовательную и научную деятельность данной институции; это особый набор ценностей и верований и идеалов университетского сообщества (профессорско-преподавательского состава, руководящего состава, аспирантов,

студентов, всего вспомогательного персонала), основанных на традициях транслируемых вербально и невербально; ценности, нормы и верования, которые определяют стиль принятия решений и культуру в современном университете [8].

Ценности, формирующие корпоративную и академическую культуру, выступают основой для выработки норм и форм социального и профессионального поведения участников академического сообщества университета. Именно ценности, декларируемые и разделяемые наиболее авторитетными представителями академического сообщества университета, являются тем важнейшим связующим звеном, от которого зависит сплоченность, органическая солидарность профессорско-преподавательского состава и специалистов высшей школы, студентов и аспирантов, магистрантов, формируется их единство взглядов на профессиональные проблемы и составляют единство в подходах к реализации стратегических и тактических действий в достижении поставленных обществом и государством целей и задач.

В настоящее время глобальных изменений в экономике и политике университетское образование под влиянием информационной, коммерческой и политической компоненты цифрового общества переживает глубокую трансформацию академических ценностей. Дерек Бок 25-й президент Гарвардского университета в своей монографии «Университеты в условиях рынка» вскрывает проблему необходимости сохранения академического климата и составляющих его университетских ценностей при соблюдении баланса между академическим консерватизмом, свойственным всем старым престижным учебным заведениям мира и быстрым ответом на все политические вызовы и экономические соблазны, которые предъявляет университетам окружающий мир [2].

В своей монографии «Университет. Руководство для владельца» Генри Розовски попытался сформулировать социальный стандарт, которому должно отвечать современное широкое общее образование. «От образованного человека естественно ожидать понимания проблем морального и этического порядка, а

также наличие известного опыта размышлений над этими проблемами. Хотя вопросы такого рода практически не претерпевают изменений на протяжении столетий, они с неизбежностью встают всякий раз перед каждым новым поколением, когда человек лично сталкивается с проблемой выбора. И очень может быть, что высшее достоинство образованных людей – это возможность вынести обоснованное решение, позволяющее сделать моральный выбор» [7].

Традиционно известными ценностями Европейской академической культуры является: интеллектуальная свобода и социальная ответственность; моральная ответственность самостоятельных исследователей и ученых не только за процесс исследований (выбор темы, методы и добросовестность), но и за их результаты; стремление отдельных научных сообществ к сотрудничеству в мировом масштабе; право ученых свободно выражать свое мнение о научных и этических аспектах исследовательских проектов и их результатов и уstraняться от участия в проектах, противоречащих их убеждениям и совести;

История первых университетов помнит, когда были заложены основные этические и профессиональные принципы научной и педагогической деятельности этих учебных заведений и как появилось понятие университетского единства и корпоративного духа; оформились ведущие формы обучения и впервые появилась многоуровневость высшего образования, чему способствовала именно статусная система академических и ученых степеней, ученых званий.

Многие преподаватели высшей школы и специалисты в области высшего образования считают и сегодня, что смысл профессиональной деятельности преподавателя определяется соотношением присвоения (субъективации) и отдачи, создания (объективации) ценностей-целей и связанных с ними ценностей-средств и ценностей-знаний. Мера этого соотношения зависит от системы ценностей-отношений преподавателя к себе, своей деятельности, студентам, аспирантам, магистрантам своим коллегам, т.е. от его профессиональной позиции [1].

Отношение к профессиональной деятельности как способу самовыражения изменяется в зависимости от того, каких результатов достигает в ней преподаватель, в какой мере удовлетворяет адекватные ей потребности. Важное место в становлении профессиональной позиции занимает признание обществом и самим специалистом социальной значимости труда преподавателя, престиж самой научно-педагогической деятельности.

Каждый преподаватель высшей школы как личность стремится к своему профессиональному росту и развитию, приобретению и наработке педагогического мастерства, неотъемлемой частью которого является и профессиональная этика. Педагогика и психология высшей школы имеет свои важные этические аспекты. По мнению недавно ушедшей из жизни, одного из лучших преподавателей высшей школы Беларуси и признанного белорусского классика учебников для вузов по этике, автора концепции этики высшей школы **Татьяны Викторовны Мишаткиной** педагогическая этика современного университета обязательно включает:

Во-первых, это этика отношения педагога к своему труду, включающая осознание ответственности перед студентами, коллегами и своей отраслью научного знания; выбор стратегии и тактики обучения; использование собственного научного опыта и др. К деятельности педагога предъявляются определенные требования – это прежде всего свобода творчества, сочетание научной и учебной деятельности, а также персонифицированная ответственность за результаты обучения студентов.

Во-вторых, вузовская этика, включает в себя этику отношений двух основных участников процесса непосредственной передачи знаний – преподавателя и студента, отношения между ними устанавливаются несколько иначе, более демократичные, нежели в школе между учителем и учеником.

В-третьих, особый блок составляют отношения преподавателей между собой – этика взаимодействия педагогов в процессе достижения общей цели, а именно передачи студентам надежных знаний и становления их как будущих коллег самих преподавателей.

В-четвертых, атрибутом высшей школы, и в этом качестве ее отличительной (от общеобразовательной средней школы) особенностью, выступает этика научного творчества, востребованная особым положением вузовского педагога, который обязан сочетать в своей жизнедеятельности функции преподавателя и ученого. Все названные аспекты тесно переплетаются друг с другом. Определить, какой из них важнее, невозможно [6].

Сегодня представляется логичным акцентировать внимание гуманитариев на рассмотрении этики взаимодействия преподавателя и студента в условиях цифровизации образовательных процессов. Это новая форма коммуникативных отношений, в котором уже наглядно проявляются несколько устаревшие подходы в психологии и педагогики высшей школы прошлого столетия, а также стоит повысить интерес к весьма специфичной для высшей школы этике научного творчества в информационном обществе.

Ведь основная задача современного университета осталась неизменной - формирование личности будущего специалиста как профессионала. Достижение этой цели происходит благодаря взаимодействию преподавателя и студента, являющихся активными участниками образовательной и научной деятельности и коммуникации. Специфика этических норм университетского образования в цифровую эпоху, кроме особенностей межличностного взаимодействия педагогов и студентов, заключается по-прежнему в том, что и у преподавателя высшей школы, и у студента складываются особые отношения именно с наукой. Педагог университета, согласно хорошо известному в прошлом столетии «Уставу высшей школы СССР», был прежде всего ученый. Об этом следует помнить сегодня всем тем функционерам, кто увлечен так называемым «образовательным менеджментом» и увеличением методической нагрузки для преподавателей высшей школы. Повышение качества профессиональной подготовки актуализировано сегодня в качестве главного направления в научной работе студентов. Осуществить это возможно только через раскрытие их творческих способностей, создание условий для реализации именно творческой, инновационной, предпринимательской активности и самостоятельности

студентов в их повседневной деятельности и жизни в университетском пространстве.

Выполняя свои первые научные работы, студенты приобретают навыки, которые будут полезными им всегда: привычку систематически работать с научными источниками, умение их классифицировать, способность к структурированию и обобщению научных проблем. Кроме того, стоит подчеркнуть, что активные члены студенческих научных сообществ в университете – это именно тот постоянный резерв, из которого само высшее учебное заведение получает возможность для формирования новой итерации новых преподавателей, аспирантов и соискателей ученых степеней, их единство и сотрудничество связано с разделяемыми всеми академическими ценностями и аксиологией университетского образования, присутствующей в их профессии и в будущем.

На основе анализа важнейших этических проблем научной деятельности, необходимых моральных качеств ученого и норм научного творчества в свое время в XX веке философы М.Г. Лазар и И.И. Лейман разработали нравственный кодекс научного работника, включающий следующие непреходящие и остро востребованные сегодня моральные нормы и принципы. Они актуальны сегодня в сфере научных коммуникаций и научной деятельности:

- гражданская и нравственная ответственность ученого за социальные и экологические последствия применения своих открытий, за научный прогресс;
- обязанность информировать общественность о возможности применения научного открытия во вред человечеству, в антигуманных целях;
- недопустимость проведения научных экспериментов, опасных для здоровья человека и генетического фонда человечества;
- личная ответственность за доброкачественность информации и качества производимого знания;
- нравственная ответственность за воспитание молодого поколения ученых и студентов в духе гуманизма, научной честности и порядочности;

- личная заинтересованность, т.е. независимость научной истины от личных мотивов, интересов и прочих нравственных характеристик исследователя;

- объективность при оценке чужих результатов, чужого мнения, независимо от личного отношения к оппоненту, данной научной школе или методологии;

- обязанность публиковать свои труды, делая их достижением науки;

- критическое отношение к собственным достижениям (особенно в случае успеха), отказ от соавторства без реального участия в данном исследовании (особенно в случае занимаемого высокого научного поста);

- обязанность признания своих ошибок и затруднений во избежание повторных, ненужных исследований, вызывающих лишние общественные затраты;

- научная честность, скромность, корректность;

- недопустимость плагиата в любой форме, обязанность ссылаться на авторов идей, формул и т.д. (при этом ссылки на чужие работы тем более обязательны, чем ближе эти работы к собственным работам ученого);

- обязанность отстаивать свои идеи и концепции, невзирая на любые авторитеты и конъюнктуру;

- общительность, умение себя вести, культура чувств [5, с.224].

Знание этих основ морали сегодня в организации научной и образовательной деятельности, умение видеть нравственный смысл в своих поступках... именно на это в первую очередь обращают наше внимание известные эксперты и науковеды России и Беларуси в своих современных работах [5,1].

Нам представляется, что соблюдение педагогического принципа меры в общении с учащейся молодежью и усвоение этических норм и правил «научной порядочности» в совместном творчестве и обучении вместе со своими студентами, неуклонное следование им и составляет моральный и профессиональный долг любого ученого и преподавателя высшей школы как

современного представителя высокоинтеллектуальной цивилизации XXI века и современного университетского академического сообщества.

Источники и литература

1. Берков В.Ф., Философия и методология науки: учеб. пособие / В.Ф. Берков. – М.: Новое знание, 2004. – 336 с.
2. Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования [Текст] / пер. с англ. С. Карпа, М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 224 с.
3. Источник: <https://ru.citaty.net/tsitaty/645545-piotr-leonidovich-kapitsa-sredstva-massovoi-informatsii-ne-mennee-opasny-chem/> – Дата доступа 1.03.2022г.
4. Лазар М.Г., Лейман, И.И. НТР и нравственные факторы научной деятельности. Очерки этики науки. Л.: Наука, 1978.
5. Мамедов А.К. Эпистемология социального познания, Канон, 2017. – С. 224.
6. Мишаткина Т.В. Педагогическая этика., Учеб. пособие. — Ростов н/Д: Феникс; Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 304 с.
7. Розовски Г. Университет. Руководство для владельца. / Пер с англ. Н. А. Цыркун [и др.]. – 2-е изд. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 325 с.
8. Скотт П. Академические ценности и организация академической деятельности в эпоху глобализации // Высшее образование в Европе. 2003. Том XXVIII. № 3.
9. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: В 2 т. М., 1965. Т.1.

«Большой Брат следит за тобой...»: этические аспекты использования и хранения данных в цифровом городе*

Гавриленко Ольга Владимировна

к.с.н., доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

Цифровизация повседневной жизни индивида происходит достаточно стремительно, и пандемия COVID 19 только ускорила повсеместное внедрение цифровых технологий, снизив чувствительность населения к нарушению приватности жизни и одновременно остро поставив вопрос о безопасности данных, генерируемых индивидами и машинами. Наиболее ярко цифровая трансформация социальной жизни происходит в городах: горожане пользуются сетевыми услугами, оставляют свои цифровые следы в виде интернет-запросов, маршрутов передвижения, персональных данных. В условиях цифровизации социальных практик серьезными проблемами становятся отсутствие этических стандартов в извлечении и использовании данных (в том числе, персональных), нарушение границ «частной жизни», технологические сбои цифровых систем, обеспечение кибербезопасности.

Ключевые слова: цифровизация, Большие данные, умные технологии, социальный контроль, этика использования и хранения данных, кибербезопасность.

«Big Brother is watching you...»: the ethical aspects of the use and storage of data in a digital city

The digitization of an individual's daily life is progressing quite rapidly and the COVID 19 pandemic has only accelerated the widespread adoption of digital

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Математические методы анализа сложных систем»

technologies, reducing the sensitivity of the population to the disruption of privacy and at the same time placing the issue data security, generated by individuals and machines. The greatest digital transformation of social life is taking place in cities: citizens use network services, leave their digital footprints in the form of Internet queries, travel routes, personal data. The lack of ethical standards in the extraction and use of data (including personal), privacy infringement, digital system failures, cybersecurity are the serious problems in the context of the digitization of social practices.

Key words: Big Data, digitalization, smart technologies, social control, ethics of use and storage of data, cybersecurity.

Современное общество развивается в условиях усиления трендов дигитализации, датификации и доминирования идеологии датаизма, что оказывает существенное влияние на управленческие и коммуникативные практики [4, с.94]. Дигитализация означает активное внедрение цифровых технологий в повседневность и трансформацию рутинных социальных практик, в том числе, коммуникативных. Датификация подразумевает качественно иные технологические возможности как извлечения данных, так и работы с полученными данными. Человеческая жизнедеятельность сегодня подвергается цифровому преобразованию и последующему измерению, количественной оценке и визуализации, на базе полученных данных возможно строить прогностические модели, алгоритмизировать процесс управления. Датаизм же сегодня становится новой идеологией, основанной на убежденности в возможности «оцифровки всего социального», на вере в мониторинг и объективную количественную оценку разных социальных практик индивида. Сторонники датаизма верят в прогностические возможности искусственного интеллекта, демонстрируют доверие к тем системам, которые собирают и интерпретируют Большие данные (Big Data), генерируемые цифровыми платформами и сенсорными устройствами.

Актуальными проблемами современного общества в условиях цифровизации становятся отсутствие этических стандартов в извлечении и

использовании данных (в том числе, персональных), стирание «личных границ» (нарушение приватности) и полное отсутствие контроля за «судьбой» предоставляемых данных. Ведя активную жизнь в социальных сетях, индивид мало думает о том, как и где предоставляемая им информация может быть использована (возможно, использована и против него). Например, один из ведущих сервисов знакомств Tinder сохраняет всю когда-либо запрашиваемую информацию о потенциальных партнёрах пользователя - данные о том, где, когда, с кем и сколько ведут пользователи переписку, а также все комментарии (в том числе, нецензурные), фото в Facebook и Instagram и др., музыкальные, гастрономические и кино вкусы. При этом Tinder не просто хранит эту информацию, но и использует для задач своего сервиса, а также в альянсах с другими платформами, с которыми обменивается данными [4, с.98].

Современный горожанин постоянно ищет и сам генерирует данные. Необходимость быть всё время на связи, планирование и корректировка повседневных планов, навигация, пользование многочисленными услугами предполагают регулярное обращение к сетевым ресурсам. Индивиды оставляют свои цифровые следы в виде интернет-запросов, маршрутов передвижения, персональных данных или отбрасывают «цифровую тень» и проявляются через действия других – например, будучи упомянутыми в социальных сетях другими пользователями [1, с. 34].

Цифровые платформы активно занимаются сбором пользовательских данных, которые индивиды предоставляют, не задумываясь и особо не опасаясь их передачи третьим лицам. Сегодня, рассуждая о Больших данных, чаще говорят о перспективах и направлениях их использования, но ключевыми проблемами всё же остаются сохранение безопасности данных и этические проблемы нарушения границ частной жизни в цифровой реальности. Большие данные о городе в настоящее время используются для выполнения широкого круга задач – от наблюдения за городским движением транспорта до поддержания правопорядка и контроля за «несогласными». Исследователи все чаще обращают внимание на тот факт, что чем больше данных генерируется о

городе и индивидах там проживающих, тем более размываются границы понятия «приватность». «Неприкосновенность частной жизни считается основополагающим правом человека, ценным и гарантированным условием жизни в развитых странах. Однако по мере того, как датчики, камеры, смартфоны и другие встроенные и портативные устройства производят все больше данных, защищать последние становится все труднее, ведь люди оставляют все больше цифровых следов (данных, которые они производят сами) и цифровых теней (информации, которую собирают о них другие). Такие архивы данных позволяют осуществлять дата-надзор (вид цифровой слежки при помощи сортировки и просеивания массивов данных с целями идентификации, мониторинга, отслеживания, регулирования, предсказания и рекомендаций) и геонадзор (отслеживание местоположения и перемещения людей, транспортных средств, товаров и услуг, мониторинг пространственных взаимодействий)» [2, с.75].

Необходимость предоставления персональных данных, особенно в случае взаимодействия с коммерческими организациями, может вызывать сопротивление у части граждан, выражающееся, в том числе, в сознательном искажении информации (о возрасте, социальном положении и др.). Для цифровизации социальных практик необходимы актуальные и корректные данные, поэтому цифровые платформы вводят процедуры верификации данных. Как уже было отмечено выше, цифровизация социального мира актуализирует этическую проблему соблюдения «границ частной жизни» и возможности размывания этих границ, но пандемия COVID 19 снизила чувствительность граждан к необходимости предоставления личных данных (место проживания, контактные лица, маршруты перемещения и др.). При дальнейшем бурном развитии цифровых технологий, в том числе, технологий социального контроля, неизбежно придется идти на компромисс между правами граждан на неприкосновенность частной жизни и внедрением новых смарт-технологий.

Пандемия COVID 19 способствовала вынужденной «проверке на прочность» систем умного города и в целом цифровых технологий. С одной

стороны, уже сложившаяся цифровая инфраструктура позволила гражданам относительно безболезненно перенести локдауны и замкнутость «в четырех стенах». С другой стороны, население достаточно чувствительно отреагировало на «обратную сторону» цифровизации – тотальный цифровой контроль за перемещениями и поведением, предоставление персональных данных (в том числе, довольно интимного содержания – например, селфи для «Социального мониторинга» или указание цели и маршрутов перемещения по городу), многочисленные технологические сбои и «неотработанность» запускаемых умных технологий (технологические системы умных городов часто являются смешением старых и новых сетей, конфликтующего программного обеспечения).

В начале периода пандемии в Москве были запущены различные цифровые сервисы и приложения, но практически сразу о себе заявила этическая проблема использования технологически недоработанных приложений в ситуации, когда речь идет не о бизнесе, а о более чувствительной сфере – о здоровье, личном или общественном. Много претензий высказывалось в отношении приложения для обеспечения изоляции заболевших граждан «Социальный мониторинг», которое заставляло страдающих от болезни людей под угрозой солидных штрафов делать селфи по требованию в любое время суток и отсылать эти фотографии (причем фотографии в достаточно «неприглядном виде» неизвестно какому адресату и с риском утечки этих фото в сеть). Фактически был автоматизирован контроль за больными на основе отчетов о фотофиксации и геолокации, нивелируя этические аспекты использования такого приложения в принципе и игнорируя вопрос о технологических несовершенствах приложения и легитимности назначения штрафов (суды были завалены исками от граждан с несогласием с выписанными штрафами). Внедрение данного приложения привело в росту раздражения и негодования москвичей, фиксируемому в социальных сетях (необходимость в тяжелом физическом состоянии доказывать свою невиновность, дискомфорт связанный с требованиями по сигналу делать селфи (человек может спать и

просто не заметить сигнал), претензии к качеству приложения, сомнения, связанные с защитой персональных данных и др.).

Одной из проблем активного внедрения смарт-технологий является обеспечение безопасности данных и кибербезопасности. Киберпреступления связаны с кражами, присвоением персональных данных, вандализмом, но в цифровой среде природа этих преступных действий меняется. «Технологии умных городов полностью построены на компьютерных сетевых интеракциях, поэтому пользоваться уязвимостями систем можно на расстоянии, кибератаки легко замаскировать, преступники меньше подвергают себя риску, а поймать их значительно сложнее» [3, с.107]. Последствия действий киберпреступников могут быть крайне опасны. Например, в случае взлома баз данных преступник получает доступ к информации о миллионах пользователей, а террористические атаки могут позволить обесточить города, что в условиях «заточенности» всех процессов на «цифру» приводит к коллапсу систем жизнеобеспечения города.

Как отмечают Китчин Р. и Додж М., кибератаки используют типичные проблемы цифровых технологий, связанных с системами умных городов: 1) слабая защита программного обеспечения и шифрования данных; 2) использование небезопасных устаревших систем и их плохая техническая эксплуатация; 3) сложность систем умного города и множество возможностей для кибератак; 4) человеческий фактор (например, должностные преступления, действия обиженных уволенных работников, имевших доступ к персональным данным); 5) влияние факторов, связанных с городским управлением (дефицит инвестиций в технологическую инфраструктуру, неразвитые цифровые компетенции чиновников и т.п.) [3, с. 110-115].

В Москве к 2030 году, согласно амбициозному проекту «Умный город - 2030», должен быть реализован масштабный эксперимент по тотальной цифровизации как городского управления, так и повседневной жизни горожан [5]. Агрегированные данные жителей города предполагается использовать для автоматизации управления, а также для развития систем искусственного интеллекта и обучения нейросетей принятию управленческих

решений. Это открывает возможность для автоматизированного и алгоритмического управления городом без учета «человеческого фактора» и рефлексирующего субъекта управления. «К 2030 году в Москве все камеры, датчики и сенсоры будут объединены в единую сеть, позволяющую одновременно получать, обрабатывать, анализировать и хранить данные с каждой из них. Искусственный интеллект позволит осуществлять поиск лиц и объектов как во всем массиве хранимым данных, так находить и отслеживать их движение по всему городу в режиме онлайн и в текущий момент» [5]. Московские власти весной 2020 года продемонстрировали как высокую готовность к быстрому внедрению цифровых инструментов контроля, когда в самом начале пандемии достаточно стремительно были введены, например, цифровые пропуска, легитимирующие перемещения москвичей, так и неготовность технологических систем и обычных механизмов контроля за горожанами в ситуации пандемического форс-мажора (например, нашумевшая история с блокировкой социальных карт в транспорте и огромных очередей на вход из-за проверки документов).

В период пандемии активно заговорили об еще одной проблеме, связанной с генерированием большого потока данных – о проблеме инфодемии. Инфодемия означает очень быстрое и неконтролируемое распространение в социальных сетях разнообразной, часто необъективной или заведомо ложной информации о кризисных событиях, которая приводит к панике, оказывает негативное воздействие на психическое здоровье населения и ведет к падению доверия к действиям власти по преодолению кризиса. С начала пандемии интернет мгновенно начал заполняться фейками, вирусными роликами, а разная реакция пользователей на всё это способствовала росту поляризации в обществе, стигматизации и навешиванию ярлыков на «согласных» и «несогласных» (например, острое противостояние «ваксеров» и «антиваксеров»). Исследователи отмечают, что контролировать потоки информации и данных, которые производятся с высокой скоростью самыми разными источниками и поэтому плохо поддаются верификации, так же сложно, как и управлять

сетевыми технологическими системами города во время пандемии [1, с. 27]. Необходимо ставить вопрос об ответственности за раздувание инфодемии, но достаточно сложно разработать механизм контроля за распространение заведомо недостоверной информации. Часто дискуссии переводятся в плоскость не столько юридической, сколько социальной и моральной ответственности.

В силу продолжающегося цифрового неравенства далеко не всё население погружено в цифровую реальность, пока остаются возможности периодически совершать экономические и социальные практики без обращения к цифровым сервисам и платформам (например, совершать покупки за наличные деньги, не использовать смартфон для повседневных практик). Но логика принятия государственных решений и федеральных законов свидетельствует о наличии задачи по тотальной цифровизации повседневности и социальных практик⁶. Так, в соответствии с задачами реализации программы развития цифровой экономики в России к 2025 году взаимодействие населения и государства должно постепенно перейти в электронный формат, что потребует не только серьезной цифровой трансформации различных министерств, ведомств и организаций, занятых предоставлением социальных услуг населению, но и разработки жизнеспособной системы обеспечения безопасности персональных данных. Кроме того, следует говорить о необходимости разработки и внедрения этических стандартов, связанных с извлечением, использованием и хранением данных. Одновременно важно осуществлять разъяснительную работу (особенно с юными и, наоборот, пожилыми пользователями) по опасности / безопасности разглашения личной информации и предоставлению персональных данных различным структурам, прежде всего, коммерческим.

⁶ См., например, Распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. № 431-р Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 г. // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400288029/#review> (дата обращения: 20.01.2022)

Источники и литература

1. Запорожец О., Лапина-Кратасюк Е. Сетевой/цифровой/умный город: фасады и задворки // Сети города: Люди. Технологии. Власти – М.: Новое литературное обозрение, 2021.
2. Китчин Р. Сетевой урбанизм, основанный на данных // Сети города: Люди. Технологии. Власти – М.: Новое литературное обозрение, 2021.
3. Китчин Р., Додж М. (Не) безопасность умных городов: проблемы, риски, а также смягчение и предупреждение негативных последствий // Сети города: Люди. Технологии. Власти – М.: Новое литературное обозрение, 2021.
4. Маркеева А. В., Гавриленко О. В. Большие данные как исследовательская технология: возможности и ограничения применения в современной управленческой практике // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 94-103.
5. Проект стратегии «Москва «Умный город – 2030» // Правительство Москвы. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf

Теоретико-методологические основания и инструментальные комплексы изучения современной медиаэкосистемы⁷

Гримов Олег Александрович

кандидат социологических наук, доцент

Юго-Западный государственный университет,

кафедра философии и социологии, Курск, Россия

E-mail: grimoleg@yandex.ru

В статье рассматриваются общетеоретические основания, методологические принципы, а также ряд методических комплексов прикладного социологического исследования взаиморазвития медиаэкосистемы и человека как её творца и актора. Автором предложено понимание взаимодействия человека и медиаэкосистемы как диалектического единства входящей и исходящей медиаактивности. Формулируются и эксплицируются исследовательские гипотезы.

Ключевые слова: человек, медиаэкосистема, социальные медиа, субъект, адаптационный потенциал.

Theoretical and methodological foundations and instrumental complexes of studying the modern media ecosystem

The article discusses the general theoretical foundations, methodological principles, as well as a number of methodological complexes of applied sociological research on the mutual development of the media ecosystem and the person as its creator and actor. The author proposes an understanding of the interaction between a person and the media ecosystem as a dialectical unity of incoming and outgoing media activity. Research hypotheses are formulated and explicated.

Key words: human, media ecosystem, social media, subject, adaptive potential.

⁷ Исследование выполнено при поддержке Гранта РНФ №22-28-00486 «Человек в новой медиаэкосистеме: ресурсы и стратегии взаиморазвития»

Фундаментальной научной задачей является поиск адекватных измерительных инструментов и языка описания феномена субъектно-средовых отношений и взаимодействий в системе «человек – техника» как адекватный ответ на фиксируемый переход к онтологизации информационно-коммуникативной среды в статусе медиаэкосистемы (цифровая реальность как широкий контекст развития медиаэкосистемы рассматривается в [5-6]; прикладные аспекты становление медиасреды – в [1-4]). Анализ социального бытия человека должен быть расширен до формирования нового экологического мышления, при котором ставятся вопросы гибридизации человека как социального субъекта и медиаэкосистемы как устойчивой, но в то же время гибкой и самоорганизующейся среды. Таким образом, фундаментальный уровень проблемы характеризуется расширением проблематики бытийного «дома» человека, необходимостью нахождения метаконстант и инвариантов человеческой субъектности в контексте новых форм социального бытия в информационно-коммуникативной среде.

Современные социальные медиа, являющиеся одной из наиболее профильных сетевых интернет-технологий, не только активно используются в жизни современного человека для реализации разнообразных целей, но и формируют особое пространство его бытия. Данное пространство по совокупности характеристик может быть охарактеризовано как особая медиаэкосистема, служащая, с одной стороны, предельным обобщением синтеза жизненного мира человека и окружающей его среды (умвельта), а, с другой – как совокупность институционально организованных и оформленных условий реализации информационных и социально-коммуникативных практик. Медиаэкосистема обнаруживает тенденцию к гибкости, устойчивости, самоорганизации, саморазвитию; конфигурация самой медиаэкосистемы подвижна и подвергается перманентным изменениям, не подвергая, однако, сущностным переменам смысловое ядро предметных отношений и онтологических связей. Таким образом, медиаэкосистема одновременно является средой обитания, «жилищем» современного человека и значимым

источником рисков его социальной и коммуникативной деятельности. Взаимодействие человека и медиаэкосистемы может быть охарактеризовано как диалектическое единство двух противоположных векторов медиаактивности социального субъекта (человека). Данная медиаактивность сводится к двум основным параметрам: медиапотреблению и медиапроизводству. Исходя из этого, взаимодействие человека и медиаэкосистемы описывается нами с помощью двух типов показателей:

- показатели входящей активности;
- показатели исходящей активности.

Входящая активность представляет собой совокупность институциональных и средовых факторов реализации практик медиаактивности человека и принимает форму институциональных действий двух типов: а) поддержка (пропаганда и т.д.) и распространение определённого контента, признаваемого социально полезным и конструктивным, б) запрещение или ограничение распространения контента, признанного вредным и/или нежелательным. Следует отметить, что входящая активность может быть выражена как в виде официальных нормативных стандартов (например, как законодательная норма по противодействию распространению экстремистской информации, как свод правил коммуникации (этикет) на сетевом ресурсе), так и в виде негласной нормы.

Исходящая активность, определяемая набором показателей личной активности субъекта по выстраиванию медиасреды, так же распределяется по двум векторам информационного отбора: 1) информационной инклюзии, т.е. личных действий по отбору и включению в свой жизненный мир той или иной информации 2) информационной эксклюзии – ограничению потребления негативной информации.

Конфигурация показателей входящей и исходящей активности определяет субъектную стратегию выстраивания личного информационного пространства; данная стратегия служит показателем уровня развития адаптационного потенциала.

Таким образом, актуальность исследования определяется слабой изученностью объективно проявляющихся рисков медиасферы и личностных ресурсов, стратегий и практик адаптации к ним, а также необходимостью разработки комплексной системы оптимальных стратегий адаптации личности и общества к рискам социальных медиа.

В исследовании мы выдвигаем ряд гипотез, обоснованных теоретически заявляемой концептуальной моделью показателей входящей и исходящей активности социального субъекта в условиях медиаэкосистемы (далее используется также понятие «медиасреда»)

Главной исследовательской гипотезой является предположение о том, что уровень адаптационного потенциала человека к рискам медиасреды напрямую определяется преобладанием в субъектной стратегии: 1) на уровне показателей входящей активности – преобладанием институциональных действий по поддержке и распространению контента, признаваемого конструктивным и социально полезным; 2) на уровне показателей исходящей активности – установкой на информационную инклюзию – т.е. личных действий по отбору и включению в свой жизненный мир той или иной информации. Иначе говоря, мы полагаем, что уровень адаптационного потенциала человека к рискам медиасреды характеризуется гибкостью и может быть основан на открытом характере взаимодействия человека и медиасреды (без существенных социальных, культурных, когнитивных и иных фильтров). Именно готовность к потреблению любой информации (или контента – в более частном случае), отсутствие институциональных и личных ограничений на её потребление, и, в то же время рефлексивный и критический её анализ, - определяют возможности наиболее успешной социализации человека в современной медиасреде и формируют наиболее успешные практики по взаимодействию и взаиморазвитию человека и медиаэкосистемы.

Побочная гипотеза, связанная с главной гипотезой. Очевидно, что теоретически существуют четыре возможные конфигурации преобладания в субъектной стратегии соответствующих установок и факторов:

1) Институциональные меры по поддержке и распространению контента на уровне входящей активности и информационная инклюзия на уровне исходящей мобильности – это уже рассмотренная в главной гипотезе субъектная стратегия (условно – стратегия 1).

2) Институциональные меры по поддержке и распространению контента на уровне входящей активности и информационная эксклюзия на уровне исходящей мобильности (условно – стратегия 2).

3) Институциональные меры по запрещению или ограничению распространения контента на уровне входящей активности и информационная инклюзия на уровне исходящей мобильности (условно – стратегия 3).

4) Институциональные меры по запрещению или ограничению распространения контента на уровне входящей активности и информационная эксклюзия на уровне исходящей мобильности (условно – стратегия 4).

Мы полагаем, что данные стратегии существуют эмпирически, хоть и могут быть не выражены в абсолютно явном виде. Эмпирическое исследование методом онлайн-опроса позволит установить факт наличия/отсутствия в реальной жизни подобных стратегий; оценить уровень их распространённости; на основе факторного анализа выявить существенные блоки установок и практик внутри данных субъектных стратегий, которые (установки и практики) могут выступать важным коррелятом уровня адаптационного потенциала. Таким образом, на выходе мы можем получить классификацию субъектных стратегий деятельности человека в медиасреде, которая будет важной концептуальной рамкой для анализа воздействия рисков медиасреды на человека; для формирования рекомендаций по основам успешной и безопасной деятельности в медиасреде.

Для выяснения реально наблюдаемых субъектных стратегий деятельности пользователей в медиасреде (а также связанных с этим – рефлекслируемых или нет – ресурсов, ограничений, рисков) нами планируется проведение исследования методом онлайн-опроса. Исследование должно проводиться равномерно в трёх наиболее референтных ресурсах и сервисах медиаэкосистемы

(русскоязычных социальных сетях и медийных сервисах – Вконтакте, Instagram, Telegram); применение онлайн-опроса изнутри самих социальных сетей будет способствовать репрезентативному опросу, так как пользователи данных ресурсов с необходимостью встроены и являются важными акторами в структуре медиаэкосистемы, которая является объектом исследования. Исследование должно быть выборочным в каждой из социальных сетей – выборка осуществляется среди активных аккаунтов пользователей по ID-номерам. Шаг выборки должен определяться отдельно для каждой социальной сети.

Далее рассмотрим гипотезу, основанную на контент-анализе культурных, социальных и технологических нормативов и паттернов жизнедеятельности человека в медиаэкосистеме (предполагается контент-анализ соответствующих текстовых материалов, локализованных в медиасообществах различной природы).

Мы полагаем, что степень императивности для индивида определённых паттернов и нормативов деятельности в медиасреде в значительной степени зависит от их локализации (т.е. от характера источника) и может быть представлена (по возрастанию императивности) в следующем виде:

- 1) Новостная заметка в СМИ.
- 2) Художественные, культурные тексты, программные манифесты, декларации.
- 3) Общностное знание в сетевом сообществе (правила этикета и т.д.).
- 4) Технологическая регламентация (правила пользования, протоколы доступа и т.д.).

На основе предварительного разведывательного контент-анализа данный перечень может быть дополнен. Необходимо равномерное изучение информационных источников на каждом уровне их локализации (который также может определять формат и размер источника). Сложность многих операциональных категорий предполагает, что на некоторых уровнях исследование может быть выборочным (на ресурсе Public.ru, в многочисленных сообществах социальных сетей и т.д.), на некоторых (уровень культурных

текстов, манифестов и т.д.) – сплошным. В случае выборочного исследования источники будут отбираться по наиболее ключевым категориям и словам.

По итогам проведения исследования предполагается получение информации в виде эмпирически фиксируемых субъектных стратегий деятельности в медиасреде (результаты онлайн-опроса), объективных средовых параметров медиасреды (результаты анализа статистических данных и вторичных социологических данных), декларативно нормативных паттернов деятельности индивида в медиасреде (результаты контент-анализа).

Источники и литература

1. Верещагин О.А. Экодискурс и его номологические корреляты в социогуманитаристике // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2018. № 3-2 (27). С. 76-86.

2. Качулин А.Г. Концептуальные предпосылки современной медиаэкологии: социально-философский анализ // Философия и культура, 2017. № 4 (112). С. 42-53.

3. Мадяну М., Миллер Д. Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2018. №1. С. 334-356.

4. Пищальникова В.А. Новые когнитивные структуры в цифровой информационной среде // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2018. №13 (807). С. 192-201.

5. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: этико-аксиологические регулятивы, адаптационные механизмы, социотехнические модели управления процессами цифровизации: Коллективная монография / Аршинов В.И., Артеменко М.В., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Корневский Н.А., Конаныхина Т.Н., Маякова А.В.,

Родионова С.Н., Чеклецов В.В. / Отв. ред. В.Г. Буданов, И.А. Асеева. –
Курск: ЗАО «Университетская книга», 2020. – 302 с.

6. Kamensky E., Grimov O. Digitalization: public opinion landscapes (on the
example of Russia) // Economic Annals-XXI, 2019. Vol. 180 (11-12). Pp. 48-57.

Аксиологический поворот в цифровую эпоху

Данилов Александр Николаевич

чл.-корр. НАН Беларуси, д.с.н., профессор, заведующий кафедрой социологии

Белорусский государственный университет

факультет философии и социальных наук, Минск, Республика Беларусь

E-mail: a.danilov@tut.by

В статье рассмотрена современная ситуация глобальной нестабильности и новых вызовов времени, в том числе связанная с реализацией аксиологического поворота в цифровую эпоху. Аксиологический поворот, происходящий в человеческой жизнедеятельности, предполагает изменение культуры, что является результатом переосмысливания глубинных жизненных смыслов человеческого бытия и его ценностей. На этом этапе конкурируют стратегии, сохраняющие базовые ценности прежнего типа развития, с инновационными устремлениями, ориентированными на поиск новых жизненных смыслов и обновление содержания ценностей, отвечающих современным реалиям. Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через обновление ценностной системы. Цифровизация актуализирует проблему феномена культурного кода и необходимость изучения его механизма работы. Понятие «код» и его производные, как и вся проблематика кодирования, ее теоретические и практические результаты, пока не получили должного внимания в отечественной философии и социальном знании.

Человечество стоит перед лицом новых вызовов, но главный вопрос состоит в том, что происходит с самим человеком. Основным препятствием на пути создания искусственного интеллекта столь высокого уровня стало недостаточное понимание природы человеческого разума, неразгаданность функционирования человеческого мозга. Сфера когнитивных исследований, с которой связывают в настоящее время достижения научно-технического прогресса, не сопровождается должным нравственным прогрессом. К тому же только цифровая революция не решит глобальных проблем, порожденных

современной цивилизацией. Прорыв к новому должен быть сопряжен с духовной революцией, с обновлением ценностных оснований цивилизационного развития, сохраняющих человечество.

Ключевые слова: культура, культурный код, глобальная нестабильность, цифровизация, аксиологический поворот, базовые ценности.

Axiological turn in the Digital Age

The article considers the current situation of global instability and new challenges of the time, including those related to the implementation of the axiological turn in the Digital Age. The axiological turn which is taking place in human life involves a change in culture, and this change is the result of rethinking the deep life meanings of human existence and its values. At this stage, strategies that preserve the basic values of the previous type of development compete with innovative aspirations focused on the search for new life meanings and updating the content of values that meet modern realities. The building of a new ideal of civilizational development is fixed through the renewal of the value system. Digitalization actualizes the problem of the phenomenon of the cultural code and the need to study its mechanism of operation. The concept of "code" and its derivatives, as well as the whole problem of coding, its theoretical and practical results, have not yet received due attention in Russian philosophy and social knowledge.

Humanity is facing new challenges, but the main question is what is happening to man himself. The main obstacle to the creation of artificial intelligence of such a high level was the lack of understanding of the nature of the human mind, the unresolved functioning of the human brain. The field of cognitive research, which is currently associated with the achievements of scientific and technological progress, is not accompanied by proper moral progress. In addition, only the digital revolution will not solve the global problems generated by modern civilization. A breakthrough to the new must be associated with a spiritual revolution, with the renewal of the value bases of civilizational development that preserve humanity.

Keywords: culture, cultural code, global instability, digitalization, axiological turn, basic values.

Цивилизация вступила в стадию глобальной нестабильности и неустойчивости. Любые крупные перемены в человеческой жизнедеятельности предполагают изменение культуры, которые, как правило, являются результатом переосмысливания глубинных жизненных смыслов человеческого бытия и его ценностей. Идеи, рожденные в ходе этого процесса «задают особый ракурс обсуждаемой проблемы, акцентируя внимание на роли ценностей и архетипов сознания, трансформацию которых во многом определяет тот или иной тип цивилизационного развития человечества» [3, с. 8]. Чаще всего на этом пути конкурируют стратегии, сохраняющие базовые ценности прежнего типа развития, с инновационными устремлениями, ориентированными на поиск новых жизненных смыслов и обновление содержания ценностей, отвечающих современным реалиям. Конечно, новые ценности начинают формироваться в недрах старой культуры и человечество крайне заинтересовано чтобы на их базе выросли и новые идеалы прогресса. Мы «...вступили в эпоху поиска новых ценностей, но они не будут заимствованы откуда-то извне и в готовом виде современной цивилизацией. Они должны вырастать внутри нее» [2, с. 739].

В условиях глобальной нестабильности, в переломные этапы человеческой истории в самых различных сферах культуры происходит интенсивное обновление ценностей и жизненных смыслов, меняются и поведенческие предпочтения и установки, информационная среда обитания. Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через обновление ценностной системы. Трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание, которое живет на ценностях и жизненных смыслах и были сформированы в течение жизни, в культурной среде конкретного времени и эпохи не могут подвергнуться быстрым переменам. В.С. Стёпин видел этот процесс через постепенный переход к устойчивому развитию. «Идеал прогресса как

ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [4, с. 10].

Сегодня человечество все еще не в состоянии найти ответы на многочисленные вызовы, которые ставит перед ним современное развитие, в том числе и ответ на цифровую революция, которая год от года набирает обороты. «Появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным культурным комплексом» [5, с. 8]. В такой ситуации важно «осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития» [2, с. 737].

В культуре кодируется исторический опыт цивилизационного развития человечества. Глобализация, информатизация, цифровизация современного общества актуализирует проблему феномена культурного кода и необходимость изучения его механизма работы и особенностей функционирования. Культура ассоциируется со средой сохранения и возможной передачи культурного цивилизационного наследия. Хотя проблема существования культурного кода, как некой технологической системы, посредством которой передается и наследуется информация, отражающая традиции, ценности, исторический опыт предшествующих поколений по сей день остается не до конца проясненной. Понятие «код» и его производные, как и вся проблематика кодирования, ее теоретические и практические результаты, пока не получили должного внимания в отечественной философии и социальном знании.

Если обратиться к творческому наследию В.С. Стёпина, то он выделял культуру как совокупность надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, выполняющих в обществе роль, аналогичную той, какую в жизни биологических организмов играют генетические коды. Такого рода социокодами являются мировоззренческие универсалии (категории культуры), которые задают системную и историческую целостность определенным (охватываемым ими) аспектам деятельности, поведения и общения. Культурные коды, как знаково-символическая форма обработки информации, выполняют функции сжатия и рубрикации сведений, их трансляции, раскрытия содержания сигналов, транскрибирования и интерпретации.

Культурный код – это не механический аналог генетического кода. Здесь нет природой выстроенной четкой последовательности происходящих процессов, распределения ответственности за определенные участки духовного развития человека, возможности механического воспроизводства и повторения. Здесь не возможна и аналогично генной инженерии – социальная инженерия, когда путем хирургического вмешательства можно заменить поврежденное звено в генетическом коде на новое – здоровое и предотвратить возможность нежелательного развития. Усложнен и вопрос о выстраивании заданного будущего, контролируемого определенными структурами. Нельзя хирургически уберечь человека от вражды, зависти, ненависти или вакцинировать его от насилия, хамства, предательства.

Для естественных наук все предельно точно, расшифровали геном человека, выяснили, за что каждое звено отвечает, значит можно в любое время повторить, опытным путем проверить, и наконец, если это требуется заменить, чтобы упредить нежелательного развития ситуации. Очевидно, что в таком случае возникают неограниченные возможности сознательного управления процессом эволюции, так как этот процесс технологичен и технология ясна. Но, по мнению В.А. Лекторского «...человек всегда был и остается не только естественным, но и искусственным существом, то есть таким, который конструируется культурой. А последняя имеет ряд особенностей, отличающих

ее от природных образований. <...>... Между тем есть такие процессы, которыми управлять нельзя, потому что в принципе нельзя точно предсказать их ход. Такие процессы, как это сегодня стало ясно, есть и в природе. Что же касается человека, то такие его определяющие особенности, как творчество, диалог, любовь, свободные поступки (на которых покоится нравственность), не могут управляться, ибо не могут контролироваться и прогнозироваться извне. Можно создавать более или менее благоприятные условия для развития науки или искусства, но управлять ими нельзя. Как нельзя управлять ценностями, которые человек принимает или нет, но действует в соответствии с которыми он только на основе внутренней свободы» [1, с. 339].

Обычно в биологической эволюции учитывается влияние двух факторов – мутаций генного аппарата и последующего естественного отбора. Если под этим углом зрения рассматривать развитие общества, то «функции естественного отбора здесь выполняет развитие производства, экономики, а мутации генного аппарата социальных организмов – это изменение мировоззренческих универсалий культуры. Оно происходит благодаря появлению новых видов деятельности, которые до поры до времени укладываются в старую структуру жизненных смыслов, но по мере развития могут выходить за эти рамки и порождать противоречия. В такие эпохи прежние универсалии культуры как программы воспроизводства социальной жизни уже не обеспечивают ее воспроизводство во всех необходимых вариациях, подавляют нужные для общества виды деятельности. И тогда начинается эпоха критики прежних мировоззренческих установок и жизненных смыслов» [2, с.728].

Следовательно, потенциал культуры создают мировоззренческие универсалии, которые осуществляют селекцию опыта, как бы отбирают то, что достойно культурной трансляции, а также образуют категориальный строй сознания людей той или иной эпохи. Они же создают целостный идеал жизненного мира человека, выражающий отношение к природе, обществу и сознанию. Наполнение же новым содержанием существующих ценностей – результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, которые отражают

состояние культуры, как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и зарождающегося нового цивилизационного опыта. В результате возникают мировоззренческие установки, которые определяют жизненные приоритеты, формируют будущий деал прогресса, активной частью гаселения данного общества. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность прогресса и его содержание. Почвой же, где «завязываются» точки роста нового идеала прогресса, где обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются, как раз и является культура.

Итак, универсалии культуры по В.С. Стёпину одновременно выполняют, по меньшей мере, три взаимосвязанные функции в человеческой жизнедеятельности. Во-первых, они обеспечивают своеобразную сортировку многообразного, исторически изменчивого социального опыта, рубрицируют его соответственно смыслам универсалий культуры в своеобразные кластеры. В таком виде он включается в процесс трансляции и передается от человека к человеку, от одного поколения к другому. Во-вторых, универсалии культуры выступают базисной структурой человеческого сознания, их смыслы определяют категориальный строй сознания в каждую конкретную историческую эпоху. В-третьих, взаимосвязь универсалий образует обобщенную картину человеческого мира, то, что принято называть мировоззрением эпохи. Эта картина, выражая общие представления о человеке и мире, вводит определенную шкалу ценностей, принятую в данном типе культуры, и поэтому определяет не только осмысление, но и эмоциональное переживание мира человеком [2, с. 79-80].

Во всех этих функциях смыслы универсалий культуры должны быть усвоены индивидом, стать внутренней конвой его индивидуального понимания мира, его поступков и действий. На этом уровне смыслы универсалий культуры конкретизируются с учетом групповых и индивидуальных ценностей. Причем даже в устойчивых состояниях социальной жизни универсалии культуры могут

допускать очень широкий спектр конкретизаций, дополняться ценностями противоположных по интересам социальных групп и не утрачивать при этом своих основных смыслов.

Люди всегда вкладывают в универсалии культуры свой личностный смысл идеала прогресса соответственно накопленному жизненному опыту. В результате в их сознании картина человеческого мира обретает личностную окраску и выступает в качестве их индивидуального мировоззрения. Индивидуальная вариативность мировоззренческих установок является важной предпосылкой для изменения и развития фундаментальных смыслов универсалий культуры. Преобразование базисных смыслов универсалий культуры и соответственно изменение типа культуры всегда связаны с переломными этапами человеческой истории, ибо означают трансформацию не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности, их ценностных ориентаций.

Современный человек все больше погружается в пучину Интернета, который наполняется человеком и творит человека по своему образу и подобию. Искусственный интеллект, воплощенный в человеке-роботе через современные коммуникативные технологии, формирует новое проблемное поле и образ нашего будущего. Сегодня вопрос стоит не только, каким образом заменить рутинную работу человека роботом, но и наделить робота интеллектом. Возникло целое междисциплинарное направление в науке и технологии по созданию интеллектуальных машин и систем, которые могут выполнять творческие функции, близкие к мыслительным психологическим способностям человека. До сих пор применение искусственного интеллекта в целом положительно сказывается на многих сферах деятельности человека, поскольку было призвано упростить и оптимизировать производственные процессы, исключить необходимость присутствия человека на вредных производствах, сократить уровень травматизма. Однако роботизация и расширение использования систем искусственного интеллекта в промышленности порождает и новые проблемы, создавая угрозы системных сбоях, несанкционированного

доступа к программному обеспечению и действиям, которые могут вызвать катастрофические последствия.

В последние годы ученые активно работают над созданием более сильного искусственного интеллекта. Такой человек-робот сможет выполнять абсолютно разные задачи: переносить свои знания из одной сферы в другую, мыслить критически, осуществлять коммуникацию с людьми или другими искусственными интеллектами в достижении поставленной цели. Тогда облик цивилизации будет совершенно иным и место человека в новой реальности уже цифрового общества, будет определяться с учетом потенциала искусственного интеллекта.

Человечество стоит перед лицом новых вызовов, но главный вопрос состоит в том, что происходит с самим человеком. Основным препятствием на пути создания искусственного интеллекта столь высокого уровня стало недостаточное понимание природы человеческого разума, «неразгаданность» функционирования человеческого мозга. Сфера когнитивных исследований, с которой связывают в настоящее время достижения научно-технического прогресса, не сопровождается должным нравственным прогрессом. К тому же только цифровая революция не решит глобальных проблем, порожденных современной цивилизацией. Прорыв к новому должен быть сопряжен с духовной революцией, с обновлением ценностных оснований цивилизационного развития, сохраняющих человечество.

В настоящее время в центр гуманитарного дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации и культуры, с возможными сценариями будущего человечества, которое не задано однозначно. Цифровое ускоренное обновление базовых ценностей, без должного историко-социального отбора, может создать иллюзию прогресса, направить его по ложному пути, сформировать искаженную реальность. Вместе с цифровизацией должна получить адекватное развитие национальная культура, которая в естественном диалоге с мировой культурой,

формирует новые жизненные смыслы и ценности, являющиеся основой сохранения человека-разумного и человечества как такового.

В результате, когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность изменений и их содержание. Определяя потенциал культуры, мы, по существу, говорим и о масштабе возможных перемен, определяет направления и профиль нового идеала прогресса. Нельзя сбрасывать со счетов, что современные технологии несут человеку и новые риски. Они открыли широкие возможности манипуляции с общественным сознанием, информационного насилия.

«В центре философского дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации и культуры, с возможными сценариями будущего человечества» [2, с.761]. «Чтобы найти выход из кризисов, необходимо радикальное изменение предшествующей стратегии цивилизационного развития. Такое изменение, в свою очередь, требует трансформации базисных ценностей. Почвой же, где «завязываются» точки роста нового, где обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются концепты, является культура. Эти, зародившиеся в культуре новые жизненные смыслы и ценности, пройдя испытание практикой и став жизненным опытом, традицией фиксируются в культурно-генетическом коде, обеспечивающего новый идеал прогресса. В этой технологии нарастает роль современной информационной коммуникационной системы, которая радикально изменила сам механизм восприятия и влияния информации и стала формировать и во многом определять восприятие и поведенческую реакцию человека на происходящие события.

Источники и литература

1. Лекторский В.А. Человек и культура. – СПб.: СПбГУП, 2018.
2. Стёпин В.С. Человек. Деятельность. Культура. – СПб.: СПбГУП, 2018.

3. Стёпин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. – М., ИФ РАН, 1996.

4. Стёпин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3. С. 6-11.

5. Штопка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.

Побочные эффекты цифровизации и их профилактика

Доброхотов Леонид Николаевич

доктор философских наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: dobrokphotoza@yahoo.com

В статье при констатации очевидных преимуществ и перспектив дальнейшего экономического и научно-технического прогресса в эпоху цифровизации, оказывающей определяющее внимание на все стороны жизни государства, общества и каждого отдельного человека, в то же время анализируются ее не менее значимые негативные влияния на такие области жизнедеятельности общества, как образование и культура, мораль и нравственность, традиционные ценности. Автор призывает при оценке состояния и перспектив дальнейшего распространения технологий цифровизации, учитывать опасные побочные явления данного процесса и стремиться к их предотвращению, в том числе в превентивном, плановом порядке.

Ключевые слова: социальный эффект, культурный код, традиционные ценности, либерально-западная идеология, преемственность поколений.

The side effects of digitization and their prevention

The article, while stating obvious positive advantages and prospects for further economic and scientific and technological progress in the digitalization era, which provides decisive attention to all aspects of the life of the state, society and each individual, at the same time analyzes its equally significant negative social consequences on such social areas as education and culture, morality, traditional values. The author, when assessing the prospects for further spread of digitalization technologies, calls to take into account these dangerous side effects of the process and strive to prevent them, including in a preventive, planned manner.

Keywords: social effect, cultural code, traditional values, liberal-Western ideology, continuity of generations.

Очевидным фактом является глобальный характер распространения цифровизации на все стороны жизни человечества. Это одно из проявлений противоречивого характера процесса глобализации. К настоящему времени ясно выявилось: несмотря на общепризнанные, реально работающие на благо людей проявления цифровизации, все яснее становятся негативные следствия этого же процесса, носящие, прежде всего, социальный и социокультурный характер.

Как известно, рождение буржуазного общества в эпоху Возрождения в сравнении с темными веками ознаменовалось яркой манифестацией гуманизма в философии и культуре, бурным экономическим ростом. Вопрос в том, что, что нам несет нынешнее наступление цифровой эпохи. Несомненно, это технический прогресс и, вероятно, позитивный потенциал для развития бизнеса. Намного сложнее обстоят дела с прогрессом социальным и самое главное, с судьбами идеи мирового гуманизма.

Ведь нынешнее резкое углубление системного кризиса капитализма, исчерпание его существующей модели [7] напротив, на глазах всего человечества, ведет к экономическому, социальному и ценностному распаду, что с наибольшей очевидностью относится к фламану современного западного мира – США. Этот цивилизационный кризис не случайно совпал с глобальными процессами цифровизации, лидером которых является тот же Запад во главе с Америкой.

Данное утверждение может вызвать очевидные возражения. И действительно, исследователи этой темы справедливо отмечают, что цифровизация выступает объединяющим и интегрирующим началом в современном мире. Благодаря ей, создаются новые условия развития промышленности, улучшения инвестиционного климата, развития конкуренции.

Все это так. Но есть и другая сторона медали. Те же исследователи признают, что цифровизация, наряду с ее позитивными результатами, усиливает

социальные разломы в обществе, порождает новые формы неравенства и сегрегации. По мере дальнейшего развития этой технологии, все более заметными и тревожными становятся ее асоциальные последствия. В том числе – наступление на права человека, в частности, права на приватность и закрытость от вторжений в его личную жизнь [2].

Что еще важнее: аналитики отмечают, что цифровизация приводит к появлению новых форм социального неравенства, ибо человек становится объектом контроля со стороны технологий. Начиная с безработицы высвобождаемых в результате цифровизации производственных процессов людей, появлением новых, с социальной точки зрения противоречиво чувствующих и проявляющих себя категорий занятых (прекариата). Речь идет о прикованных к гаджету одиночках без постоянной занятости, нормального социального пакета, постоянного рабочего места (часто постоянного места жительства), возможности человеческого – вне цифровой среды – общения со своими коллегами и начальниками [5].

Не менее противоречивы результаты тотального внедрения дистанционного обучения в процессы образования и культуры, когда отсеченными от позитивного влияния на умы и души зачастую оказываются мораль и нравственность, эмоциональные переживания людей (еще В.И. Ленин писал, что «Без человеческих эмоций никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины» [3, с.112]).

«Цифра» высушивает эти эмоции и вообще чувственную сферу человека. Одним из примеров может послужить история с технологиями записей и прослушивания классической музыки – многие ее любители теперь поняли, что цифровые устройства не могут передать всего богатства звучания голоса, оркестра, и сегодня массово возвращаются к «винилу» – ее прослушиванию посредством аналоговых записей на грампластинках, возвращающих музыке теплоту и человечность. Не говоря уже о «живой» музыке во время посещения концертных залов и музыкальных театров.

Очевидно, что попытка чтения в Интернете, а не с открытой книгой в руках «Ромео и Джульетты» Шекспира, его же романсов, или гениальной поэзии Пушкина, Есенина и Блока лишает молодого читателя шанса прочувствовать всю силу очарования и воспринять огромный эмоциональный заряд, содержащейся в этих произведениях, на которых были воспитаны миллионы. В этом смысле отстраненными вместе с гениями прошлого часто оказываются и современные носители подлинных убеждений и эмоций – учителя и преподаватели, вместе с представляемой ими мировой культурой во всей гамме ее влияния на личность человека.

Это понимают и сами учащиеся. В Государственном университете управления был проведен опрос студентов. Сравнивая две системы образования, они подавляющим большинством предпочли классическую систему онлайн-образованию. Среди его преимуществ выделили возможность непосредственного контакта с преподавателем (37,8% опрошенных), общения внутри студенческой группы (26,7%). Значительно выше они оценили и уровень знаний, получаемых при классической системе обучения [1, с. 76-77].

Наконец, бурный рост экстремистских проявлений, особенно в подростковой и молодежной среде, включая насилие и вандализм, воинствующий индивидуализм и изоляционизм, групповые самоубийства, национализм, нацизм, расизм и другие негативные явления, как выясняется, в большинстве случаев - результат замыкания немалого числа молодежи и подростков в неконтролируемой цифровой среде вредоносных сайтов и сетей при отсутствии позитивного влияния на культурный и нравственный мир молодежи учителей и родителей, призванных передавать ей культурный код и традиции предшествующих поколений.

Впервые автор этой статьи столкнулся с данным явлением в начале 90-х годов в округе Норфолк, штат Вирджиния, США. Участвуя в качестве приглашенного гостя из России в конференции директоров high schools данного округа, из их тревожных выступлений можно было понять, что уже полностью погруженные к тому времени в Интернет американские старшеклассники почти

перестали обращаться в школьные библиотеки и читать серьезную литературу, а вместо этого десятки часов в день присутствовали на сайтах, насаждавших что угодно, кроме высокой культуры. В результате резко снизились их успеваемость, процент поступивших в вузы, и в то же время увеличилось число задержанных за насилие, наркотики и другие противоправные действия.

Мы уже давно сталкиваемся с тем же. Одними из наиболее опасных, массовых и полностью перенятых у нас частью молодежи и подростков из американской «цифровой культуры» явлений являются массовые расстрелы своих же одноклассников и одноклассников в школах и вузах (т.н. school shootings).

Не случайно и не без оснований в литературе и на форумах ныне немало рассуждений о деструктивных этических матрицах, направленных на разрушение традиционных ценностей, манипуляцию человеком и потакание самым темным, сатанинским сторонам личности. Именно отсюда попытки в Интернете зазывать запутавшиеся в жизни молодые неокрепшие души к самоубийству под лозунгом «смерть – это освобождение». Или обращение к молодежи обогащаться любой ценой как смыслу существования. Или же внешне противоположные призывы сайентологов к тем же душам; «материальные блага мешают карме, приноси их нам» [6].

Очевидно, что необходима выработка государственной стратегии по эффективному преодолению этого опасного явления и защите нравственных ценностей и образа жизни нынешнего поколения молодежи, учитывающей негативные социальные побочные явления (collateral damage) при планировании и реализации любых мер по внедрению цифровизации, исходя из гуманистических принципов и задач государства и общества.

При этом следует иметь в виду, что в нашем обществе, в том числе среди энтузиастов цифровизации, немало людей, не желающих видеть и учитывать ее негативные, а не только позитивные последствия. Как правило, они – критики самого понятия воспитания молодежи, передачи ей нашего национального культурного кода и вообще традиционных ценностей.

Так, утверждается, что «одной из актуальнейших проблем современного обществознания является проблема модернизации традиционных обществ и их направленная эволюция», ибо традиционное сознание якобы «крайне осторожно» относится к любым новшествам (что в глазах авторов такого подхода, тормозит прогресс). К вытекающим отсюда порокам традиционного общества в их представлении относятся «консервативность, включающая догматизм и авторитарность, патристичность, доходящая до ксенофобии, покорность, граничащая с рабством, и суперответственность перед своим сообществом».

Такой же требующей решительного преодоления вредной функцией матрицы традиционного сознания они считают передачу социального опыта, знаний, обычаев, верований и общественных привычек новым поколениям, а также поддержание моральных и религиозных норм. При этом к «стереотипам традиционного сознания» по такой логике относятся «формирование... покорности, послушания, уважения к старшим и вышестоящим лицам, забота о своих ближних и недоверие ко всему чужому».

Всему этому «отжившему» противопоставляются нынешние порядки в «современных демократических обществах», где «моральные ценности уходят на второй план, так как мораль становится индивидуальным способом самовыражения личности, а общезначимый характер приобретает право, понимаемое как возможность каждого человека на свободное самовыражение».

При этом осуждается деятельность Русской православной церкви, которая пытается «поставить под сомнение общезначимый и необходимый характер «прав человека» и противопоставить им «традиционные ценности» как истинно моральные основы человеческой жизни». Эта деятельность, по мнению подобных авторов, выгодна власти, которая «использует идеологический ресурс традиционного сознания (в лице РПЦ) для консервации общественного сознания» [4, с.105].

Необходимо отметить, что подобными откровениями переполнены многочисленные сайты Интернета и социальные сети, при этом отпор им, хотя и

усилился за последнее десятилетие, все равно явно недостаточен, не носит наступательного и последовательного характера. Об этом в последнее время с тревогой говорят президент России, депутаты Федерального собрания, многие патриотично мыслящие деятели культуры и образования, рядовые граждане.

При этом крайне важно соблюдение базовых прав человека, ибо другим опасным побочным эффектом массовой цифровизации, на наш взгляд, являются как раз их нарушения, в том числе права на приватность, а также свободу слова и собраний при попытках их перевода преимущественно в онлайн-режим.

Хорошо известно, что исходя из таких очевидных и одобряемых обществом намерений, как обеспечение общественной безопасности и борьбы с преступностью, власти по всему миру широко внедряют цифровые методы слежения за людьми и их идентификации (камеры наблюдения). Теперь в банках и в метро клиентов и пассажиров идентифицируют уже по их цифровым портретам. Одновременно широчайшее распространение и заслуженную популярность, а также коммерческую ценность получили цифровые телефоны, смартфоны, ноутбуки и другие гаджеты.

Негативной стороной этих символов прогресса является то, что власти, люди из штабов соперников на выборах в интересах их карьерной гонки, или просто частные детективы могут использовать все эти новшества для отслеживания не только потенциальных уголовных преступников, мошенников и неверных супругов, но и в целях дискредитации своих политических оппонентов или соперников. Так, например, известно, что современные технологии позволяют слушать, смотреть и записывать таких оппонентов удаленно с использованием их же гаджетов и даже телевизионных и радиоприемников, причем в выключенном состоянии и с изъятием источников питания.

Итак: понятными и социально оправданными задачами государства и общества являются максимально эффективное использование в интересах народа огромных позитивных преимуществ и перспектив развития экономики, науки и техники в эпоху цифровизации, и в то же время учет, анализ и

упреждающие мероприятия по предотвращению негативных побочных эффектов технического прогресса.

Источники и литература

1. Гришаева С.А. Социальные трансформации в условиях цифровой среды / С. А. Гришаева // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2020. – Т. 26. – № 1. – С. 70-81.
2. Конева А.В. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности / А. В. Конева, А. А. Лисенкова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 35. – С. 14-28.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - 5-е изд. - Москва: Госполитиздат, 1958-1965. Т.25.
4. Мясников А.Г. Матрица традиционного сознания как предмет социально-этического исследования / А.Г. Мясников, Л.Н. Мешкова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 101-106.
5. Тосунян А.Г. и др. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / отв. ред., чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко. – М.: Весь мир, 2021.
6. Деструктивные этические матрицы – формальные признаки. <https://leto-volodya.livejournal.com/145207.html> (Дата обращения 1.02.2022).
7. Путин заявил об исчерпании существующей модели капитализма/ Газета «Ведомости», 21 октября 2021 года. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/10/21/892399-putin-zayavil-ob-ischerpanii-suschestvuyuschei-modeli-kapitalizma> (Дата обращения 03.02.2022).

Новые ценностные ориентиры индустрии моды в пространстве глобального общества

Коркия Эка Демуриевна

к.с.н., доцент

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: ekakorkiya@mail.ru

Представленная научная статья посвящена анализу индустрии моды как важного элемента человеческой культуры, которая служит источником социальных инноваций, креатива и ценностной основой установления прочных связей между людьми. Весьма актуальным представляется исследование индустрии моды в коммуникативном пространстве глобального социокультурного общества в целом, прежде всего потому, что для современного общества характерна интенсификация использования моды в качестве одного из основных ценностей культурных и коммуникативных процессов.

Авторы рассматривают индустрию моды как сложный социальный феномен, отражающий совокупность последовательных и параллельных процессов производства, распространения и потребления модных стандартов и объектов. В теоретической значимости исследования определяется возможность применения результатов анализа специфики индустрии моды в рамках изучения современного глобального социокультурного пространства.

Ключевые слова: индустрия моды, идентичность, общество потребления, символизация, эстетичность, культурный уровень, социальная реальность, сотворчество, ценностные ориентиры.

New value orientations of the fashion industry in the space of a global society

The presented scientific article is devoted to the analysis of the fashion industry as an important element of human culture, which serves as a source of social

innovation, creativity and the value basis for establishing strong ties between people. The study of the fashion industry in the communicative space of the global socio-cultural society as a whole seems to be very relevant, primarily because modern society is characterized by the intensification of the use of fashion as one of the main values of cultural and communicative processes. The author considers the fashion industry as a complex social phenomenon, reflecting a set of sequential and parallel processes of production, distribution and consumption of fashionable standards and objects. The theoretical significance of the study determines the possibility of applying the results of the analysis of the specifics of the fashion industry in the study of the modern global socio-cultural space.

Key words: fashion industry, identity, consumer society, symbolization, aesthetics, cultural level, social reality, co-creation, value orientations.

Социологический анализ индустрии моды стал актуальным и значимым со второй половины XX в., когда массовое производство новых знаний, научной и общекультурной информации, символического коммуникативного капитала стало превращаться в ведущую отрасль общественного производства. Очевидно, что сегодня духовные ценности, в буквальном смысле этого слова, производят, а также тиражируют и потребляют в глобальных масштабах [5]. Сформированы мировые и национальные рынки символических ценностей, культурный менеджмент и маркетинг. Сегодня, в первую очередь, мода формирует общество, задавая темп социальных изменений и обнаруживает креативные ориентиры, новые стили поиска идентичности.

Индустрия моды в глобальном масштабе является феноменом общественной жизни, который характеризуется временным выделением определенных объектов из общей, обладающих определенными характеристиками, одной из которых являются новизна и новации. В то же время, мода является не только феноменом общества, она также репрезентируется в динамике и направлении развития каждой из его общественно-значимых сфер.

Мода является специфической формой ценностного освоения мира, и потому играет важную роль в эстетическом воспитании и самовыражении личности [6, с.107]. Когда культурные образцы, универсальные модные стандарты эмоционально воспринимаются и переосмысливаются в соответствии с частными вкусами, чертами характера, индивидуальными возможностями, имеет место сотворчество, эстетическое сопереживание. Мода зачастую воспринимается как эстетическая норма, на которую должен ориентироваться современный тип личности [4, с.72-75].

Как отмечает российский исследователь Н.В. Филичева: «Современные трактовки моды исключительно как эстетического явления можно дифференцировать следующим образом:

- 1) мода как проявление художественного стиля определенной эпохи;
- 2) мода как изменение эстетического вкуса в рамках художественного стиля;
- 3) мода как воплощение изменчивости представлений о красоте;
- 4) мода как эстетический идеал времени, или созвучный времени канон красоты;
- 5) мода как особый вид (сфера) художественной деятельности (по преимуществу модельеров и дизайнеров), имеющий отношение преимущественно к костюму» [9, с. 180].

При этом мода непосредственно связывается с эстетическими потребностями, «выступая в качестве категории эстетики, а в крайних случаях, даже в качестве особого эстетического закона, управляющего массовым вкусом» [1, с. 63].

Представители эстетического подхода изучения специфики модной индустрии справедливо подвергались и продолжают подвергаться критике за подмену анализа феномена моды описанием конкретных форм культуры и искусства, за смешивание понятий костюма и моды, за сведение всего многообразия содержания и функций моды лишь к эстетической составляющей [4, с.78]. Несомненно, мода удовлетворяет эстетическую

потребность человека, но нельзя забывать, что это не основная и не единственная ее функция.

К тому же модные тенденции имеют место и в тех областях культуры, где эстетические потребности либо отсутствуют, либо в полной мере не могут объяснить исследуемых явлений [10, с.48-51].

Теоретик Б.А. Вяткин связывает возникновение моды, массового вкуса, подражания и контагиозности (заразительности) с процессом отождествления себя с другими представителями своей этнической общности – самоидентификации. Конечно, феномен моды может проявляться не только в контексте этнической самоидентификации, другими словами, растворении в генерализованном представлении о вкусе своей общности, но и в контексте просто значимой для человека группы. Но, тем не менее, стоит согласиться с исследователем Б.А. Вяткиным в том, что этот феномен выступает результатом мышления по конформному принципу «быть как все», который не оставляет никакого места для индивидуальности субъекта [3, с.89-92].

«Теряя свою персональность, человек отдает себя социальному «мы» и превращается в пассивную личность». В сущности, следуя за тенденциями моды, он надевает на себя маску, позволяя себе вовлечься в массовый маскарад. Так, мода именуется «одним из механизмов перехода внешнего во внутреннее, что является, по С.Л. Выготскому, основой формирования психических функций», «тиражом», связанным с желанием «быть, как все».

Феномен моды, пожалуй, может иметь распространение только в обществе потребления, которое, по словам Е.И. Сапожникова, не ориентировано на человеческое саморазвитие и совершенствование его творческих и познавательных качеств, потребительский образ жизни бездуховен. Модная потребительская культура – это бесконечная цепь товаров и услуг, постоянно предлагаемых массе. А масса, преимущественно, молодежная, – поработанный потребитель этих псевдоценностей.

Очевидно, что мода превращается в ценность, когда внешняя норма модного поведения интериоризируется индивидом становится его внутренней

потребностью, желанием. В этом случае мода выступает в качестве внутреннего компаса того или иного типа поведения. Именно в данном случае и заключается изменчивость моды: чтобы обеспечить ее постоянный коммерческий успех, требуется периодически (с каждым годом, например) изменять характер «наиболее продаваемых» вещей. Но эти изменения не должны быть кардинальными, чтобы не выходить за рамки «вкусов» большинства [2, с.94].

Мода – это индустрия производства образов, навязываемых человеку в пространстве глобальной массовой культуры в виде некоей референтности, за которой человек должен идти [8]. Тем самым, человек с четкой внутренней позицией, со сформированной системой ценностей и вкусов не пойдет за модой; он находится на позиции сотворчества.

Однако «характерная для современного человека «плавающая» идентичность приводит к рождению в разных сферах социальной реальности – в политике, искусстве, бизнесе – индустрии производства образов, яркого имиджа, призванных оперативно откликаться на непрестанно меняющиеся запросы общества». Да, запросы общества меняются постоянно, но это не ведет к повышению культурного уровня социума, что дает нам право назвать эти изменения псевдоизменениями и придать моде качество псевдоизменяемости [7, с.31].

В своем развитии индустрия моды проходит четыре этапа:

1 – этап яркой индивидуальности, когда отдельные потребители начинают интересоваться новинкой;

2 – этап подражания, когда новинкой начинают интересоваться и другие потребители, движимые желанием подражать лидерам;

3 – этап массового распространения;

4 – этап упадка, когда потребители начинают переключаться на другие направления моды.

Таким образом, современная мода представляет собой специфический феномен, поскольку предстает в качестве особой индустрии. Мода как индустрия – это организованное на принципах рациональности специализированное

производство современных и оригинальных моделей. И данная индустрия с невероятной скоростью проникает в пространство культурного общества, которое стремится не только использовать моду в целях самовыражения и выделения на всеобщем уровне, но и активно вливаться в среду производства, участия в расширении и создании принципиально новых ценностных ориентиров влияния моды на широкие массы.

Источники и литература

1. Аброзе Е.А. Мода в динамике культурных процессов Европы. – СПб., 2018.
2. Афанасьевский В.Л. Потребление как феномен культуры // Философия культуры. – С., 2017.
3. Вяткин Б.А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. – П., 2013.
4. Зомбарт В. Народное хозяйство и мода // Избранные работы. – М., 2010.
5. Масленцева Наталья Юрьевна Социологический анализ тенденций моды // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2011. №8. / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskiiy-analiz-tendentsiy-mody>.
6. Михалёва К. Ю. Система моды. – М., 2010.
7. Смирнова О.М. Социально-философские аспекты манипулирования общественным сознанием с помощью PR-технологий // Маркетинг и менеджмент. – М., № 5, 2015.
8. Толстых В. И. Мода как социальный феномен. Мода: за и против. – М., 2018.
9. Филичева Н.В. Арт Деко – стиль времени // Российская массовая культура конца XX века: материалы круглого стола. 4.12.2001. – СПб., 2005.
10. Ятина Л. И. Мода глазами социолога: результаты эмпирического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. – М., № 2. 2018.

«Цифровая этика» в пространстве высшей школы

Липатова Мария Евгеньевна

младший научный сотрудник

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: lipatova-me@mail.ru

В статье представлен обзор текущих дискуссий по вопросам определения цифровой этики, её роли в процессе образования в высшей школе. Рассмотрены основные преимущества и недостатки перехода к активному использованию цифровых технологий в высшей школе.

Ключевые слова: высшее образование, информационная этика, образование, ценности, цифровая этика, цифровизация образования.

"Digital Ethics" in the space of higher education

The article provides an overview of the current discussions on the definition of digital ethics, its role in the process of education in higher education. The main advantages and disadvantages of the transition to the active use of digital technologies in higher education are considered.

Key words: higher education, information ethics, education, values, digital ethics, digitalization of education.

Активное формирование цифровой реальности в XXI веке, переход к цифровому обществу и цифровой экономике актуализирует вопрос распространения норм и ценностей, действующих в «офф-лайн» реальности на новую, цифровую, среду. По мере совершенствования и расширения сферы применения цифровых технологий индивид сталкивается с новыми вопросами, проблемами и вызовами, которые определяют его поведение, принятие решений и в целом влияют на наше благополучие. Масштабные изменения социальной реальности получили мощный импульс с появлением пандемии, когда

вынужденная изоляция людей, ограничение социальных контактов подтолкнули ряд сфер человеческой жизнедеятельности к ускоренному внедрению цифровых технологий в такие сферы, как медицина, образование, искусство и др. Наряду с существенными преимуществами, которые общество получает от использования цифровых технологий, всё чётче формулируются и опасения по поводу повсеместного проникновения «цифры» в жизнь каждого индивида и формирования параллельной реальности, «виртуальной реальности».

Понятие «цифровая этика» не имеет однозначного, общеупотребительного определения в силу сложности наполненности и охвата данного аспекта социального взаимодействия индивидов. Категория «цифровой» добавляется к различным понятиям и тем, самым увеличивает число вводимых в практический и научный оборот категорий, требующих своего определения или уточнения. Наряду с понятием «цифровая этика» часто употребляется понятие «информационная этика» как синонимичное. По мнению отечественных исследователей, цифровую этику можно рассматривать как часть достаточно изученной части области прикладной этики – информационной этики [6, с. 24]. Рафаэль Капурро (Rafael Capurro) в статье «Информационная этика» [3] предлагает широкое и узкое определения информационной этики. В широком смысле информационная этика включает в сферу своего регулирования информационную, коммуникационную сферы и цифровые средства массовой информации (СМИ). Тогда как в более узкой трактовке акцент делается на цифровых технологиях, их воздействии на общество, окружающую среду в целом, функционировании онлайн-СМИ и порождаемых ими этических проблемах (этика цифровых СМИ).

В работах зарубежных исследователей цифровая этика рассматривается как макроэтика, направленная на оценку и использование цифровых инноваций на благо общества. В определении Адама Хеншолла (Adam Henshall) она определяется как область исследований, направленная на осмысление того, как технологии формируют и будут формировать политическое, социальное и моральное существование людей [16]. Это, согласно Роберту Ханна и Эмре

Казим (Robert Hanna & Emre Kazim), «попытка управлять поведением человека при разработке и использовании цифровых технологий в целом» [15, с. 407]. Цифровая этика, как отмечают Карл Оман и Дэвид Уотсон (Carl Öhman and David Watson), позволяет «перевести теоретический анализ и принципы, касающиеся фундаментальных этических вопросов, таких как автономия, человеческое достоинство, свобода, терпимость и справедливость, в жизнеспособные руководящие принципы для формирования целей и использования цифровых технологий» [18, с. 3].

Этика в цифровой среде рассматривает вопросы, затрагивающие компьютерные и цифровые технологии, их влияние на общество и человеческие ценности [14, с. 252]. Среди значимых проблем зарубежные учёные выделяют исследование моральных проблем, связанных с созданием, записью, хранением, обработкой, распространением и использованием данных (этика цифровых данных); алгоритмами деятельности (включая искусственный интеллект, искусственных «посредников», машинное обучение и роботов) и рядом практик (таких, как программирование, хакерство, профессиональные кодексы и др.) [13, с. 3]. Для отечественных учёных в современном цифровом пространстве особый интерес представляют следующие этические проблемы: первичность источника информации и достоверность самой информации, информационные войны и кибератаки, приватность и демонстрации сцен жестокости, насилия, цифровое образование [6, с. 25], большие данные, цифровая грамотность, интернет вещей и др. [2, с. 46].

Сегодня особое значение для системы образования приобрели вопросы использования цифровых технологий в учебном процессе, расширение практики использования различных интернет-площадок для обучения, распространение и доступность в интернете учебной информации и различного рода материалов, активное вовлечение субъектов образовательного процесса в различные по форме занятия в интернет-пространстве, использование электронных систем обучения и др. Всё большее распространение получают онлайн курсы. Новые формы коммуникации способствуют формированию различных учебных

команд. В рамках таких форм взаимодействия преподаватели-практики посредством коллективных проектов, игр и т.д. развивают актуальные навыки и умения (например, командной работы, анализ больших массивов информации, умение вести переговоры и др.) [17, с. 137]. Не меньшую значимость приобретает в процессе подготовки компетентных и конкурентоспособных специалистов ориентация и готовность к самообразованию и саморазвитию у студентов. Наряду с этим внимание акцентируется на формировании и развитии коммуникативных навыков, цифровой грамотности и информационной культуры, как среди обучающихся, так и среди преподающих.

Однако такой уход в интернет-пространство порождает целый пласт вопросов и проблем. Опыт обучения в дистанционном формате и размышления исследователей над последствиями тотальной цифровизации и виртуализации высшей школы, замены живого общения на виртуальное показывают, что эти процессы самым непосредственным образом сказываются на самом процессе обучения и нравственной культуре, трансформируют сложившуюся в академической среде систему ценностей [9; 10]. В современном мире каждый индивид имеет дело не просто с большими объёмами информации, а со «сложными структурами, благодаря чему и воспринимает, и обрабатывает структуры знаний в виде фреймов, ситуационных моделей, планов и скриптов» [17, с. 138]. В ходе познания формируется индивидуальный ментальный опыт со своей структурой организацией, который определяет и способы переработки информации, решение проблемных ситуаций, задач, темп и глубину обучения, способы осмысления действительности. Когнитивные диапазон является одной из важнейших составляющих коммуникативной личности, наряду с индивидуальными свойствами и характеристиками, коммуникативными потребностями, коммуникативной компетентностью [4].

Процесс образования является одним из важнейших видов социальной деятельности. Рассматриваемое как социальный институт образование выступает в качестве системы, частью которой являются такие компоненты, как нормы и ценности. Выступает в качестве элемента «духовного производства,

представляющего собой важнейший фактор движения и распределения знаний» [1, с. 74]. Переход в онлайн института высшего образования сопровождается позитивными и негативными моментами. Среди преимуществ ухода в онлайн отмечают сокращение затрат на обучение (например, дорожные расходы, расходы на проживание и т.п.), контроль и распределение времени (возможность совмещать работу и учёбу, выбор времени и места для работы с учебными материалами и подготовки к занятиям и пр.). Предоставляются широчайшие возможности для ознакомления с мировым опытом, общения с ведущими специалистами, доступ к огромным массивам информации, различных данных, учебных материалов и электронных библиотек [7; 8].

Среди негативных аспектов, которые ждут своего решения, следует отметить проблему сохранения мотивации на обучение и жёсткой самодисциплины. Существуют определённые трудности в осуществлении контроля усвоения материалов (серьёзный вопрос о проверке работ на антиплагиат), снижается ценность приращения знания. Выпадает воспитательный аспект воздействия на обучающихся, что препятствует формированию установок, передачи ценностей академического и профессионального сообщества будущим специалистам. Одним из главных недостатков дистанционного формата обучения, как отмечают сами студенты, является недостаток непосредственной коммуникации студента с преподавателями и одногруппниками: *«...в онлайн формате уже нет личного контакта и человек не чувствует ответственности перед другими людьми, всё скрыто экраном, то, что происходит за его пределами уже не имеет значения, в допандемийный период на очных занятиях студент чувствует ответственность перед преподавателем, находясь с ним в личном контакте», «...личный контакт играет важную роль. ...Важно, чтобы преподаватель работал с нами, студентами, у которых тоже должны быть включены камеры, потому что так чувствуется момент совместного участия, это заставляет участвовать на лекциях и семинарах»* [12, с. 177].

Освоение основных этических принципов и норм в ходе обучения будет способствовать формированию и развитию умений и навыков, особо ценных в современном цифровом обществе и цифровом пространстве коммуникации. Доступность и открытость любой информации благодаря современным техническим устройствам, возможность оперативного её получения из различного уровня достоверности источников влияет на характер деятельности преподавателя и систему коммуникации «профессор-студент» в целом. Поэтому особую значимость приобретают такие навыки, как самостоятельный анализ информации и критический подход к работе с информацией, выработка самостоятельной позиции по разным вопросам, в том числе профессиональным. Здесь важно «умение отделять ценную информацию от информационного шума» [11, с. 141]. При этом следует учитывать и такую особенность специальных программ и технологий, которые позволяют составлять тексты посредством комбинирования чужих текстов на заданную тему, что порождает проблему компиляции и плагиата [17, с. 138].

Всё выше сказанное предполагает реализацию на практике не менее значимых компетенций, связанных с умением работать с информацией в целом (а именно – собирать, структурировать, хранить), соблюдать информационную безопасность и информационную гигиену [11, с. 141-144]. В рамках взаимодействия человека с другими индивидами следование этическим нормам и правилам, соблюдение этикета способствуют эффективной коммуникации, что проявляется в выстраивании взаимоотношений с людьми с учётом и пониманием особенностей цифрового пространства, каналов и форм передачи и получения разнообразной информации, знания целевых аудиторий и пр.

В современном обществе, часто определяемом как информационное и цифровое, значительно возрастает роль знаний основных принципов и норм этики, которые могут быть ретранслированы в новую цифровую (виртуальную) реальность и применены в коммуникативной практике индивида. Особое внимание при подготовке молодых специалистов всё чаще уделяется развитию моральных качества, наряду с развитием таких навыков и качеств, как

когнитивные, мотивационные, операционно-технологические, поведенческие и социальные [5, с. 95].

Развитие цифрового общества, а также пандемия коронавирусной инфекции, внесли свои коррективы в работу высшей школы и способствовали ускоренному переходу или, по крайней мере, к активному использованию в образовательном процессе новейших цифровых технологий. Процесс обучения и взаимодействия в образовательном пространстве актуализировали реализацию на новом уровне определённых коммуникативных умений и способствовали формированию нового эмоционального опыта взаимодействия между учащимися и преподавателями. В новых условиях субъекты взаимодействия демонстрируют владение различными навыками и умениями, отвечающими социально признанным нормам и учитывающие, как специфику взаимодействия в цифровом поле, так трансформацию этической матрицы.

Все эти изменения ставят перед сферой образования новые задачи, ориентируя высшую школу при подготовке молодых специалистов более чутко реагировать на современные социальные требования и потребности общества. Целенаправленная работа со студентами должна быть сориентирована на добросовестную работу с информацией, выработку понимания студентами своей ответственности за качество выполняемых работ и поддержание стремления получать актуальные знания и навыки. Формирование этической компетенции в цифровой среде должны быть, среди прочего, направлено на развитие навыков самостоятельной аналитической деятельности, подготовки и написания научных работ, корректного цитирования источников, взаимодействию с другими в условиях цифрового пространства, готовность высказывать собственное мнение по разным актуальным вопросам и проблемам и пр. Такой подход будет способствовать формированию высокого уровня профессиональной культуры специалиста, способного действовать в современном обществе.

Источники и литература

1. Агапов П.В. Образование / Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. / Гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003.

2. Выходец Р.С., Шляпников В.В. Краткий исторический обзор исследований в области цифровой этики // Общество. Среда. Развитие. 2021. №4. С. 43-47. DOI 10.53115/19975996_2021_04_043-047.
3. Капурро Р. Информационная этика. Режим доступа: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/7c972fbe98fca119c32577dc0036bb4f> (дата обращения: 28.03.2022 г.).
4. Конецкая В.П. Социология коммуникации. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997.
5. Липатова М.Е. Коммуникативная компетентность в цифровом образовательном пространстве высшей школы / Коммуникативный капитал цифровой эпохи. Материалы научной онлайн-конференции с международным участием / Ред. И.Н. Чудновская. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 90-100.
6. Назарова Ю.В., Анищенко О.С. Новая цифровая этика в виртуальном пространстве: дилеммы контроля и этической экспертизы // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2019. Т. 1. № 4(32). С. 23.-31.
7. Орусова О.В. Как коронавирус изменил систему высшего образования: анализ перехода вузов на дистанционное обучение // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и Право. 2020. № 3. С. 184-195.
8. Пеша А.В. Развитие надпрофессиональных компетенций студентов в формате онлайн // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 3. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/83PDMN320.pdf> (дата обращения 28.10.2020).
9. Скворцов А. А. Этика в цифровом образовании: как «Любовь к дальнему» развивает «Любовь к ближнему» // Ведомости прикладной этики. 2021. № 57. С. 64-73.
10. Согомонов А. Ю. Цифровой университет в информационном обществе: этические аспекты текущей трансформации // Ведомости прикладной этики. 2021. № 57. С. 48-63.
11. Чудновская И.Н. Коммуникативная компетентность как личностный ресурс в цифровом информационном пространстве / Коммуникативный капитал

цифровой эпохи. Материалы научной онлайн-конференции с международным участием / Ред. И.Н. Чудновская. М.: МАКС Пресс, 2021.

12. Чудновская И.Н., Бухтиярова И.Н., Липатова М.Е. Модель коммуникации в цифровом образовательном пространстве в рефлексии студентов // Социология. 2022. № 1. С. 173-183.

13. Floridi L. & Taddeo M. What is data ethics? // Philosophical Transactions A: Mathematical, physical and engineering sciences. 2016. Vol. 374. Issue 2083. <http://dx.doi.org/10.1098/rsta.2016.0360>. Режим доступа: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsta.2016.0360> (дата обращения: 29.03.2022 г.).

14. Guryanova A.V., Shestakov A.A., Noskov E.G. Digital Ethics as an Instrument For The Technological Challenges' Regulation / GCPMED 2018 International Scientific Conference "Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development". <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.26>. P. 251-262. Режим доступа: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/101/4625/article_101_4625_pdf_100.pdf (дата обращения: 29.03.2022 г.).

15. Henshall A. What is Digital Ethics?: 10 Key Issues Which Will Shape Our Future. Режим доступа: <https://www.process.st/digital-ethics/> (дата обращения: 28.03.2022 г.).

16. Mamedov Agamali K., Lipatova Maria E., Korkiya Eka D. Nuevos escenarios para la estrategia de desarrollo universitario en el espacio educativo internacional (New scenarios for the university development strategy in the international educational space) // Apuntes Universitarios. Universidad Peruana Unión (Lima, Peru). Vol. 11. № 2. P. 129-143.

17. Öhman C. & Watson D. Digital Ethics: Goals and Approach / The 2018 Yearbook of the Digital Ethics Lab. Eds. By Carl Öhman & David Watson. Springer Nature Switzerland AG 2019.

Мораль без этики в информационном обществе

Максимов Арсений Андреевич

к.с.н., ст. преподаватель

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: arsenii.maksimov@mail.ru

В информационном обществе эпохи постмодерна этические дилеммы связаны с утратой важных нравственных ориентиров. Состояние перманентного поиска и мультипарадигмальность обуславливает этический хаос, выход из которого сегодня сложно себе представить. В этих условиях, однако, появляются концепции весьма далёкие от традиционных нравственно-этических моделей. Сложившаяся ситуация требует поиска возможных аттракторов.

Ключевые слова: этика, постмодерн, парадигма, концепция, бифуркация.

Morality without ethics in the information society

In the information society of the postmodern era, ethical dilemmas are associated with the loss of important moral guidelines. The state of permanent search and multi-paradigmality causes ethical chaos, the way out of which is difficult to imagine today. Under these conditions, however, there are concepts that are very far from traditional moral and ethical models. The current situation requires a search for possible attractors.

Key words: ethics, postmodern, paradigm, concept, bifurcation.

В эпоху постмодерна, когда структуры утрачивают свою власть, образуется новая ментальность и главенствует плюрализм ценностных систем вопросы этики имеют важное аксиологическое значение. Состояние хаоса закономерно приводит к утрате некоего всеобщего регулятора общественной жизни и одновременно становится причиной поиска новых нравственных ориентиров. Однако меняются условия поиска. Парадигмальные трансформации современного стиля мышления рождены идеей многозначности развития и в

силу этого характеризуются отказом от идеи бинарных оппозиций – основы этической матрицы традиционной культуры. Этический хаос постмодерна – это отсутствие системообразующих философских категорий – противопоставлений, таких как «добро-зло», «свет-тьма», «должное-сущее». З. Бауман назвал эту ситуацию «мораль без этики».

Довольно затруднительно было бы, придерживаясь прежних взглядов относительно места человека в мире, формировать новую этику. Для этого требуется, например, переосмысление антропоцентризма как одной из главных философских парадигм. На смену ей приходит новая система, в которой человек более не является «мерой всех вещей», а занимает равноценное и равноправное положение с представителями всех видов жизни на Земле. Новая парадигма, таким образом, служит основой для оригинальных предложений по общественной морали, радикализм которых вполне отражает дух времени.

З. Бауман выделял несколько следующих характеристик морали постмодернистского общества [5; 6]:

1) *Люди перестают быть плохими или хорошими. Они просто «морально амбивалентны».*

2) Моральные явления не отличаются регулярностью и устойчивостью.

3) Моральные конфликты не могут быть разрешены в силу отсутствия устойчивых моральных принципов.

4) *Нет такого явления как универсальная, общая для всех мораль.*

5) Соответственно, нет рационального порядка, ибо нет механизма морального контроля.

6) *Но мораль не исчезает вообще.* Она трансформируется в этическую систему, касающуюся межличностного взаимодействия. Особую значимость приобретает потребность быть для другого.

7) *Люди обречены на жизнь с неразрешимыми моральными дилеммами.*

Одним из авторов современных этических концепций является П. Сингер. В основе своих рассуждений он располагает мыслью о том, что в состоянии хаоса, в условиях стремительно изменяющегося мира, глобализации и цифровой

революции человек оказывается не в состоянии сделать моральный выбор. Понимать глобализацию в данном случае следует как явление исключительно губительное для национальной культуры и её нравственно-этических ориентиров. Глобальная информатизация же стала дополнительным стимулом расширяющегося мир-системного кризиса, который находит свое отражение в буквальном смысле во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества. Расширение сфер применения технических и технологических инноваций, появление новых технологий, формирование единого информационного пространства породили неоднозначные и нетривиальные формы социокультурного развития, исказив социальные нормативы и ценностные ориентации, обострив противоречия между традиционным и современным.

Что было хорошо, для наших предков, пишет П. Сингер, сегодня может оказаться уже не так хорошо. Но чтобы ориентироваться в меняющемся моральном ландшафте, где на первый план выходят такие вопросы, как права животных, аборт, эвтаназия и помощь развивающимся странам, нужна не религия, а тщательное изучение человеческой природы и того, что мы зовем хорошо прожитой жизнью. Поэтому нам необходимо иметь представление об универсальном наборе интуитивно воспринимаемых моральных принципов, которые мы вправе обдумывать и, приняв решение, поступать вопреки им. Это не будет кощунством, поскольку источник нашей нравственности – не Бог, а наша собственная природа» [3].

Система взглядов П. Сингера в целом предполагает исключения Божественной воли из структуры морального поведения человека. Этика, рассматриваемая в данном ключе, предполагает освобождение человека от догматизма, присущего религиозному мышлению и подчинение этике, основанной на рационализме и логически выводимых принципах. Коснёмся, некоторых его идей.

Например, основной тезис предложенной им этической концепции прав животных заключается в недопустимости превосходства одного вида живых существ над другим (человека над животными). Все наши действия по

отношению к животным должны быть этически обязательными вне зависимости от наших чувств или симпатий. П. Сингеру, удалось привлечь внимание общества к условиям содержания, жизни и смерти сельскохозяйственных животных, составляющих значительную часть промышленного животноводства. Развивая свою мысль, он призывает человечество перейти на вегетарианство, а в долгосрочной перспективе видит полный запрет на убийство живых существ, единственная цель существования которых – стать нашей едой. Несмотря на адиозность ряда предложенных им идей в 2000 году его имя заняло почетное место в Зале славы прав животных в США, созданном Национальной конференцией по правам животных, которая ежегодно проводится правозащитным движением FARM [2, с. 257].

Другой концепцией, разработкой которой занимается П. Сингер, является эффективный альтруизм. Многие люди, согласно ей, могут помогать нуждающимся, не неся при этом существенных материальных потерь. А значит решение проблемы нищеты лежит в утверждении определенного этического стандарта пожертвований в пользу соответствующих фондов. Этический человек, по правилам новой этики помогает другим и стремится спасти чьи-то жизни. Та же ответственность по П. Сингеру лежит и на организациях и государствах. Эгоистические ценности, присущие западному обществу, культ роскоши и богатства мешают осознать долг благополучных стран перед государствами с неблагополучной экономикой [2, с. 256].

Свои рассуждения П. Сингер приводит и относительно этичности эвтаназии. Он положительно отвечает на вопрос о допустимости отключения человека от системы жизнеобеспечения при условии, что «жизнь ничего не даёт пациенту» [3]. Такую позицию он обосновывает, с одной стороны, тем, что понимание человеческой жизни как священной устарело, ошибочно, поскольку ненаучно и не имеет отношения к пониманию проблем современной биоэтики. С другой стороны, он пишет, что поскольку поддержание жизни требует финансовых затрат, «налогоплательщики не обязаны в таком объеме расплачиваться за религиозные убеждения своих соотечественников» [3].

Искусственное оплодотворение, аборт и внесение «генетических улучшений» в понимании П. Сингера также получили оценку как этически допустимые решения. В целом предлагаемая им система взглядов практически полностью идёт вразрез с этикой традиционных культур. Это и не удивительно, учитывая, что он моделирует такое общество будущего, где есть единая мораль и как можно меньше нравственных ограничений. Неудивительно, что предложения новой этики П. Сингера обрели своих ярких противников. В газете The Guardian К. Тулис назвал его нацистом, детоубийцей и врагом цивилизации. «Философия Сингера, – пишет К. Тулис, – даёт простой расчёт для определения правильного и неправильного» [7]. Однако, у П. Сингера есть и сторонники, разделяющие его систему взглядов, поддерживающие его стремления сделать мир «лучше», людей «счастливее» и при этом, сознательно или нет, отбирающих у них нравственно-этические нормы и духовные стремления, которые придавали смысл их жизни, в разные времена помогали совершать подвиг во имя высоких целей и становится образцом для других, делали счастливыми их предков. Думается, что гипотетический представитель общества глобального мира, этический кодекс которого предлагает П. Сингер, не имеющий высоких нравственных идеалов и не способный на нравственный поступок, будет составлять общество подобных ему гедонистов.

З. Бауман в размышлениях относительно трансформации этики в современном ему обществе отмечал, что «религия облегчала бремя выбора (греха), обещая от имени превосходящего человеческие силы и разум авторитета прощение взамен на послушание Богу; религия никогда не обещала безгрешной жизни. А светские проекты модернизма видели возможность свободы от греха и грешников, от неверного выбора в подчинении писаным законам и перенесении ответственности на сверхиндивидуальный уровень. Вместо выбора и греха они дали список обязанностей. В индустриальную «эпоху этики» мораль выводилась из кодекса универсальных правил поведения, была «продуктом» этики. В эпоху постмодерна, по словам З. Баумана, этические стандарты задаёт не Бог и не

государство. Авторитеты возникают ниоткуда, чтобы, улучшив момент доверия, незаметно исчезнуть в никуда – спросить не с кого [5, с. 5].

Для закрытого общества с низкой степенью социальной мобильности моральный-этический кодекс воплощает в себе историю, имеет непреходящее значение, поскольку его содержание, обусловлено прошлым, определяет настоящее и ориентирует человека на будущее [1, с. 21]. Для постмодернистской же этики жёсткий код, регулирующий поведение индивидов, – это скорее препятствие на пути самореализации в изменяющемся мире, чем надёжный ориентир. Для модерна этика непротиворечива и универсальна, а для постмодерна – двойственна и дискретна. По мнению З. Баумана, однако, это положение не является проблемным и постмодерн – это не болезненная форма модерна и не аномия современного общества. Постмодернистское общество самостоятельно и самодостаточно и представляет собой «систему со своим собственным правом» [4, с. 27]. Поэтому социологическая теория постмодерна должна освоить неопределённый характер новых социальных реалий. У них весьма слабые связи с прошлым историческим развитием, и они не обладают способностью детерминировать будущее.

Другой взгляд на современность предполагает понимание постмодерна как переходного состояния. Мультипарадигмальность, перманентный поиск этических норм и одновременное отрицание их универсализма свидетельствуют о кризисе современного общества. Как очередная точка бифуркации, это состояние рано или поздно должно быть пройдено. Важным фактором, влияющим на поиск выхода из кризиса, является то, что мы живём в информационную эру, в эпоху возможностей беспрецедентно быстрого обмена данными. Думается, что значение его в нашем случае двойственно. С одной стороны, это обстоятельство должно способствовать ускорению решения задачи нахождения аттрактора, уравновешению системы и выхода из кризиса. Но, с другой стороны, колоссальные по объемам и скорости потоки информации лишь усугубляют нравственно-этический кризис постмодерна, подталкивая его общество к поиску «морали без этики». Однако может ли быть и развиваться

общество без твердой нравственно-этической опоры, не утратив при этом идеала человеческого достоинства?

Источники и литература

1. Волков В.Н. Постмодернистская этика и эстетика: отказ от ценностнонормативного // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2014. № 3.
2. Кротовская Н.Г., Кулагина-Ярцева В.С. Практическая философия и новая этика Питера Сингера // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 5А. С. 252-270.
3. Сингер П. О вещах действительно важных. Моральные вызовы XXI века. М., 2019.
4. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992.
5. Bauman Z. Life in Fragments: Essays on Postmodern Morality. – London: Blackwell, 1995.
6. Bauman Z. Postmodern Ethics. Oxford: Basil Blackwell, 1993
7. Toolis K. The Most Dangerous Man in the World // The Gardian, 6.11.1999, available at: <https://www.theguardian.com/>

Этическая матрица «внешнего»: онтология, акторы и транзит

Мамедов Агамали Куламович

д.с.н., профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: aktnauka@yandex.ru

Статья посвящена осмыслению социальных механизмов формирования этической матрицы эпохи. Современная матрица/система как основной инструмент формирования социальной реальности, создания пространственно-временного континуума, т.е. среды, включающей в себя предметы культурного пространства, к которым в первую очередь относится мораль. С позиций сегодняшнего дня проанализированы функциональные роли участников в этическом взаимодействии. Механизмы внешнего метафорически рассмотрены как настройки управления изображением на этапе внедрения телевидения.

Ключевые слова: визуальная культура, «внешнее», функциональные роли, аккультурация, образ жизни, клиповость, настройки: яркость, контрастность, цветность, этическая матрица.

Ethical matrix «external»: ontology, actors and transit

The article is devoted to understanding the social mechanisms of the formation of an ethical matrix of an era. The modern matrix/system as a basic instrument for the formation of social reality, the creation of a space-time continuum, i.e. a medium comprising the objects of cultural space, which primarily include morality. From the current perspective, the functional roles of participants in ethical interaction are analysed. External mechanisms are metaphorically considered as image management settings at the stage of television implementation.

Keywords: visual culture, «external», functional roles, acculturation, lifestyle, cliptise, settings: brightness, contrast, color, ethical matrix

Описывая моральное состояние эпохи, Б. Франклин выразил прозрение, кажущееся сегодня возможно слишком очевидным, но от этого не менее ценным. Его мысль отражает сакральную человеческую природу, затерявшуюся в современном популярном научном изложении, в традиции нагромождения слов и определений окружающей реальности, в попытке поиска «геометрического места символической выразительности, свойственной данному обществу и данной эпохе» [29, с. 135]. Постичь глубину понимания природы действия человека, его моральный мир можно, предположив: «Целью каждого индивидуума является его личное благополучие. Правила, которые он применяет в погоне за этим благополучием, являются системой действий, почти каждое из которых основано на власти, т.е. на получении влияния через доверие, данное одному или нескольким лицам, а не через доказательство» [1, с. 556]. Благополучием становится влияние, а его легче всего получить, участвуя во взаимодействии, приобретая и повышая свой публичный статус. П. Бурдье в лекции, посвященной телевидению, указывал: «на самом деле они приходят на студию не для того, чтобы что-то сказать, а совсем по другой причине: показать себя и быть замеченным другими» [2, с. 25]. Погоня за властью/статусом воплотилась в особую форму визуальной культуры, что исследовал И. Гофман, предположивший различие субъектов социальных отношений по информированности, которое предопределяет их функциональные роли [3, с. 182-193]. В пространство сотворяемой социальной реальности втянуты самые разнообразные их носители, обладающие несхожими правами и возможностями. **Исполнители** «сознают производимое ими впечатление, а также располагают разрушительной информацией». «Разрушительность» этой информации заключается в том, что она дает понимание того, как создается визуализация, как создается нужное впечатление, куда ведет воздействие на публику. **Публика** «знает только то, что ей дозволено понимать в нем, ибо она ограничена информацией, добываемой неофициально, пристальным наблюдением».

Третьей возможной стороной общего спектакля Гофман называет постороннего, что «не знают ни секретов данного представления, ни вида

вынашиваемой им реальности» [3, с. 182-193]. В поведенческом контексте посторонние представляют массу, еще не втянутую в визуальную культуру, массу, взаимодействуя с которой власть испытывает нужду в плебисците. Эти три роли определяются как **ключевые**. Выявление возможных ролей у Гофмана этим не завершается, однако им придается операциональный, конкретный характер их идентификации, они «вводят человека в устоявшуюся социальную среду в ложном обличье» [3, с. 182-193], и их перечисляет: информатор, подсадной, сыщик (тайные покупатели – *прим. А.К.*), посредник (схожий с критиком – *прим. А.К.*), статист. Разные виды пространств служат взаимодействию между ролевыми группами, устанавливают напряжение отношений и властного неравенства, которое направлено на визуальное пространство сцены, – единственного среди них носящего системообразующий статус. Такой кластер Гофман называет **противоречивыми ролями**.

Третью группу составляют четыре (также) противоречивые роли: специалист по услугам, доверенное лицо (конфидент), обучающий специалист, коллега, – особенность которых заключается в высоком уровне их информированности. **Специалист по услугам**. Гофман дает возможность достаточно глубоко проникнуть в сущность этой роли, указывая на противоречие между исполнителем и этим специалистом из-за уровней статуса и информационного контроля. Разнообразие форм и фабул социальных игр позволяет привести наиболее характерные примеры, но не исчерпывающе отразить перечень социальных статусов этих лиц. Во-первых, **высокий уровень статуса при высоком уровне информационного контроля** указывает на лицо или группу лиц, имеющих возможность безапелляционным образом влиять на любые аспекты разворачивающегося действия. Во-вторых, наличие интереса и инструментария его воплощения, наряду с выгодоприобретателем, может указывать на такое лицо как на источник сценария, или создателя той социальной ниши, в которой данный визуальный продукт будет востребован и монетизирован. Такая персона может исполнять функции заказчика, продюсера, эксперта, «мастера на производстве» [3, с. 188], редактора, цензора и режиссера.

Гофман уделяет мало внимания «режиссеру-распорядителю», что вводит в недоумение. Объяснение этому кроется в уверенности ученого в самоорганизации визуального действия, а режиссер-распорядитель – «если он есть» [3, с. 243]. «В конце концов, в нашем обществе важные моменты должны быть пережиты, а не прожиты» [6, с. 300]. Потому, даже если ты главный публичный герой, жизнь которого выдвинута на всеобщее обозрение как поучительная или недостижимо-прекрасная, желанная или отвергаемая, твоя жизнь пройдет на сцене, в презентации своего визуального шедевра.

Наличие публики существенно, наличие посторонних нежелательно, остальные, включая режиссера, безразличны или желательны, если не противоречат пункту первому и второму. Такова природа трех основных законов визуального.

Высокий уровень статуса при низком уровне информационного контроля сегодня представлен ролями инвестора или партнера-субподрядчика. До тех пор, пока они выполняют свои обязательства, у них остается право на получение некоторых дивидендов за свое участие.

Особое внимание в концепции Гофмана уделяется способности влиять на событие, обладая исчерпывающей информированностью о его внутренних закономерностях, и невозможности влияния при относительно низкой информированности. В описании **функциональной роли коллеги** он всерьез рассматривает рекомендацию отстранения от непринятых обществом лиц, чтобы не попасть под осуждение социума [3, с. 204]. Высокий статус при высокой информированности обеспечен как положением в индустрии, так и близостью к данному проекту. Так, у **обучающего специалиста**, как и эксперта, формируется набор особенных критериев оценки той сферы, в которую он погружен. Если доверенное лицо (**конфидент**) получает «разрушительную» информацию от исполнителей (она всегда инсайдерская), то обучающий специалист или эксперт получают информацию, в том числе и благодаря своим особенным профессиональным качествам [7, с. 11-12].

Набор параметров оценочных суждений профессионала, облеченного функционалом «противоречивой роли», столь же отличен от мнения рафинированного внешнего наблюдателя, как и от исполняющего базовые роли участника, в качестве исполнителя или зрителя. Изолированность сторон, принимающих участие в визуальной постановке событий затрудняет понимание их взаимодействий, принципов настройки отдельных фреймов, но развивает интуитивный режиссерский подход и внедряет принцип жесткого отбора успешности. Внешнее начинает играть доминирующую роль в визуальной культуре, тесня «иное» в общественной жизни, представленные визуальным контентом... «В качестве самых важных новостей интернет-порталы могут поместить селфи, сделанное премьер-министром в лифте. Официальные лица государства начинают работать со своим имиджем в тех самых новомодных жанрах, в каких работают рядовые граждане со своими, делая селфи периодически или даже хронически, в процессе повседневной деятельности. Наступает очередная волна жанрового размывания границ официальной и неофициальной культуры, мира частных развлечений и мира большой политики, поскольку все и вся стремится реализовать себя во взаимодействии с новейшими технологиями массмедиа. В нынешней культурной ситуации бывает совершенно невозможно определить, какое явление оказывает влияние, а какое находится под влиянием, поскольку культура в целом развивается как некий бескрайний микс взаимовлияний» [10, с. 33]. Социологическую напряженность проблеме внешнего придает тезис о Homo Confusus [11] – растерянном человеке современности, нуждающемся в позитивных примерах социального благополучия, богатства, известности и власти. Визуальная культура призвана **показать** «доступность» предъявляемых образцов. Особенностью природы этой визуальности, является то, что эти образцы никогда не могут быть достигнуты зрителем так, как ему показаны, поскольку всегда находятся по другую сторону экрана.

Ироничный Р. Барт как бы обобщает: «...эпохе Фотографии в точности соответствует вторжение частного в сферу публичного, точнее, порождение

новой социальной ценности, каковой является публичность частного: частное как таковое потребляется публично (об этом свидетельствуют бесконечные вторжения прессы в частную жизнь «звезд» и растущая неопределенность относящегося к этой области законодательства)» [12, с. 147]. Разобравшись с природой происходящего в нашей коммуникативной среде, можно дать следующее определение предмету исследования: **Визуальная культура может быть представлена как искусство создания и презентации образного контента, демонстрирующего уникальные черты индивидуальности (субъекта), преобразующего их в социально значимые примеры образа жизни и способа действия.** Такая «фабрика смысла» занимается производством объектов подражания или, напротив, отторжения в рамках визуальной культуры (т.е. символических или реальных образов) в интересах социальной общности, образованной единым медиапространством, сходными целевыми установками и социально-культурными ценностями.

Западный исследователь П. Вацлавик констатирует, что не существует единственной реальности, есть лишь различные версии реальности, зачастую даже противоположны друг другу. Предлагаемый юметод «Будь спонтанным!» означает призыв к игре с реальностью, к мягкой взаимной подгонке к окружающему миру, к сотворению себя и мира с целью лучшей адаптации к нему. Свою конструктивистскую теорию коммуникации Вацлавик построил на следующих аксиомах:

1. Невозможно не коммуницировать. Поведенческий акт (моральный в первую очередь) влечет за собой коммуникацию.

2. Всякая коммуникация имеет два аспекта: содержание и отношение (манера, код передачи). Причем, второй аспект, «снимающий», есть метакоммуникация (главное, как нам говорят).

3. Природа отношения зависит от расстановки пауз в последовательности актов коммуникации между партнерами.

4. Человеческие существа используют два способа коммуникации: цифровой (сложный логический синтаксис при недостатке семантики) и

аналоговый (использование образов, персонифицированных историй, игры слов, цитат, переформулировок с богатой семантикой).

5. Всякий коммуникативный обмен является симметричным или дополнительным, смотря по тому, базируется ли он на равенстве или различии. Универсальные ценности и не менее универсальные методы их обретения сохранили свою популярность и в современную эпоху, охарактеризованную как «цивилизация образа» [14]. Мы все больше узнаем о границах антропной вселенной и все больше ограничиваем свое представление в ней же: от «образа мира» в философии, культурологии и психологии до «мира образов» в fashion-индустрии. Социологи все чаще употребляют термин «иконический поворот», уже третий по счету за только последнее XX столетие (наряду с онтологическим и лингвистическим).

Учитывая обстоятельство, что визуальная культура как социально-коммуникативный феномен распространения ценностных-этических идеалов служит процессу аккультурации, можно предположить, что в ней можно угадать черты общества будущего в не меньшей степени, чем в трансформации политических или экономических отношений. Что следует считать этичным, а что – нет, стало уделом частных мнений, в чем, конечно, значительный просчет всей системы просвещения и, особенно, культурологии. Сближение визуальной культуры публичности с моральным выбором индивида обусловлена производством иллюзорной действительности, природа которой медийна. Недаром Гофман, параллельно с различием сторон визуального представления, их информированностью, характеризовал занимаемые ими пространства [10, с. 13]. «Присвоение» равно возможно, как в отношении пространства, так и предметов, случайных атрибутов публичной персоны. Увиденная в любимом фильме, сериале кружка, покрывало, мебель и т.п. «как у нас» доставляет нечаянную радость. Благодаря этому зритель ощущает свою вовлеченность в развертываемую перед ним визуальную реальность. Эта реальность как будто преодолевает границы, обусловленные сценой и

зрительным залом. К этой же категории явлений следует причислить неувядающий косплей.

Еще совсем недавно не было понятно, как регресс способа мышления может вести к развитию цивилизации в целом. Сегодня, ответ на это способна дать социологическая наука – **развитию общества в процессе совершенствования визуальной культуры способствует объединение реальных и визуализированных пространств через отражение образов публичных персон, унификацию образов жизни и атрибутов успешности.**

Тот образ жизни, который укрепляет информационный и пространственный разрыв между публикой и исполнителями. Сегодня, даже если оно существует в виде персоны продюсера, рискующего скромной суммой вложения в презентуемого персонажа, обоснование значимости этого персонажа подается как выверенная конкурентоспособная уникальность, завизированная достаточно авторитетной группой разбирающихся в этом людей [18]. Поэтому публичность воспринимается как благополучие, прошедшее экспертизу и отображающая лучшее, что может содержаться в сфере деятельности, которую эта публичность представляет.

Биологически, **цветовосприятие – одна из «тонких» настроек** во многом зависящая от активности нейронов нашего мозга [19], сама возможность которой появляется в среднем только через полгода после рождения. Изучение восприятия цветов и эмоциональные последствия этого процесса – все еще открытый вопрос для наук о человеке (биологии, психологии, социологии, культурологии, лингвистики), оставляющий много пространства для новых аргументов и позиций. В социальной реальности закрепляется значение биологических факторов значимости: «Он как человек яркоокрашенный, он по-своему привлекательный» [21]. Никем не оспаривается то обстоятельство, что цвет является значимым регулятором нашего состояния, поведения и отношения. А значит, и эффективным инструментом управления эмоциями и моральным выбором. Современные исследования подтверждают общую, архетипически-универсальную основу реагирования на цвета [22], и, по-видимому,

глобализационно-аккультурационные процессы будут только упрочивать такое положение дел.

Институт Pantone ежегодно, практикует инициативу выбора цвета года как отражение того, что «происходит в нашей глобальной культуре, то, что люди ищут, и на что этот цвет надеется ответить» [23].

Проявлением цветности в настройках публичности в соответствии с концептом решения проблемы перепроизводства посредством потребительского позитива (позитивности потребления), выступает гламурность (блеск) как эстетический феномен, основанный на принципах гедонизма [24, с. 9]. На языке теории конструирования социальной реальности Джона Р. Серля это нечто иное как приписывание объектам символических функций и превращения их в институциональные объекты [25, с. 75]. Искусственный характер медийной реальности гламура становится все более очевидным, когда, движимый законами диалектики, маятник моды качнулся в противоположную сторону, обусловив новую интенциональность на органичность и натуральность, не дискредитируя при этом коллективную направленность в пользу индивидуализма. «Биологичность» [26] подхода Серля лишь иллюстрирует работающую формулу того, как слово становится делом. Мировоззрение индивидуализма, являющееся идеологическим стержнем капиталистической общественной формации и демократического политического режима в современном пост- (того, и другого) обществе трансформировалось в социальный миф, толкующий «безличность как социальное зло» [27, с. 294], что приводит к стремлению исключить безличность из социальных отношений. Этот миф, помимо прочих следующих из него управленческих выгод, в качестве социально-психологического инструмента стал частью процесса «оцифровки» социума, бенефициаром которого выступают сторонники техногенного вектора цивилизационного прогресса [28]. «Боясь пустоты, люди задумываются о политической сфере как о среде, где личность отчетливо проявляет себя. Затем они становятся пассивными зрителями политического персонажа, который предлагает им не столько свои поступки, сколько свои намерения и чувства» [27, с. 295].

Инженерная коннотация устоявшихся фразеологизмов «освещение в СМИ», «бросить свет на ...» представляется логичной для эпохи технического прогресса. Глубже раскрывая природу этих метафор, можно обозначить социальные механизмы функционирования визуальной культуры через исследование меню ее «настроек» аналогичных (т.е. в равной ценности значения) инженерным. В вопросе контрастности кроется архетипическое различие визуального потока на добро и зло, на желаемое или отвергаемое. Этот пункт в наибольшей степени задает аудитории саму программу, которой надо следовать или от которой требуется уклоняться.

Единство изобразительного решения представления объекта на фоне при условии заданного света (освещения), придает его яркость.

Интенсификация освещения европейских столиц свидетельствовала не только о росте благосостояния городских учреждений и новых элит – новых буржуа, но и об их стремлении к демонстрации этого благосостояния, умножаемому посредством яркого света, «не приглушаемому абажуром, а, наоборот, усиливаемому игрой зеркал, которые умножают свет до бесконечности и оказываются уже не просто зеркалами, но ослепительными рефлекторами...» [16, с. 22]. «Этот искусственный свет сам по себе является зрелищем, которое быстро становится общедоступным; возникает публичное освещение, свет демократизируется, его призвание теперь – пустить пыль в глаза каждому» [16, с. 22]. Развитием настройки «яркости» стала ее монетизация, концептуированная как социокультурный феномен бренда – идола высокоэффективной самореализации в социуме.

Современное состояние визуальной «внешней» морали предопределено трансформацией социального взаимодействия, атомизацией и формированием «эрзац-паттернов» поведения с доминантой поверхностного и яркого.

Источники и литература

1. Франклин Б. Избранные произведения. – М.: Государственное Изд-во Политической литературы АН СССР Институт философии, 1956. – 632 с.

2. Бурдые П. О телевидении и журналистике. // Пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой, отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. // Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с.
4. Плебисцит – что это такое, и чем он отличается от референдума. Режим доступа: <https://что-такое.net/что-такое-plebiscit> (дата обращения 11.11.2021).
5. Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ.; под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
6. Оделл Э. О дивный модный мир: инсайдерские истории экс-редактора Cosmo о дизайнерах, фэшн-показах и звездных вечеринках / Эми Оделл; [перевод с английского И. Ю. Наумовой]. – М.: Эксмо, 2021. – 256 с.
7. Краткий психологический словарь. Ст. «Мышление». // Сост. Л.А. Карпенко, под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
8. Мамедов А. К. Эпистемология социального познания. — КАНОН+ Москва, 2017. – 224 с.
9. Сальникова Е.В. Визуальная культура в медиасреде. Современные тенденции и исторические экскурсы. – М.: Прогресс-Традиция, 2017. – 552 с.
10. Черниговская Т. Человек растерянный «Homo Confusus». 11.11.2019. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=4FrKm5cM6-U&ab_channel=AndreyKovalenko (дата обращения: 11.11.2021).
11. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. // Пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. – М.: Ad Marginem, 2011. – 267 с.
12. Твен М. Как обманывать людей. Пособие для политиков, журналистов и карточных шулеров. – М.: Родина, 2021. – 224 с.

13. Флюссер В. За философию фотографии. // Пер. с нем. Г. Хайдаровой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2008. – 146 с.
14. Лефевр А. Производство пространства. – М.: «Strelka Press», 2000. – 334 с.
15. Ефимочкина Н.Б., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Роскошь в культурных контекстах: вариативность развития: монография / Н.Б. Ефимочкина, Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. – 219 с.
16. Волнистая М.Г., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Истина как социокультурное явление: современная интерпретация // журнал Белорусского государственного университета. 2020. №4. С.14-23.
17. Данчевская О.Е. Исследование цветовых архетипов. // В сб. науч. тр. «Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики». – М.: 2018. – С. 31-36.
18. Pantone объявляет цвета 2021 года. Режим доступа: <https://pantone.ru/articles/color-of-the-year-2021> (дата обращения 04.11.2021).
19. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. – «Страта», 2015. – 135 с.
20. Searle J.R. The construction of social reality. – N.Y.: The Free Press, 1995. – 241 p.
21. Шмерлина И.А. «Натуралистический подход» Дж. Серля к проблеме институциональной реальности. // Социологический журнал. № 2, 2005. С. 37-67.
22. Сеннет Р. Падение публичного человека. – М.: «Логос», 2002. – 424 с.
23. Мамедов А.К. Логика социального познания (Поппер vs Маркс) // Социология. 2016. № 3. С. 8-19.
24. Ганзен В.А. Восприятие целостных объектов. Системные описания в психологии. – СПб.: ЦИФРА, 2007. – 320 с.
25. Грегори Р. Разумный глаз. // Пер. с англ. А.И. Когана. – М.: «Мир», 1972. – 216 с.
26. Лебедева Н.М., Иванова Е.А. Путешествие в гештальт: теория и практика. – СПб.: Изд-во «Речь», 2005. – 560 с.

27. Копытин А.И. Юмор в искусстве и арт-терапии: феноменология, диагностика, защитно-адаптивные возможности. // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. № 4 (15), 2012. – Режим доступа: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 08.11.2021).

28. Индикатор инноваций, кошмар бухгалтерии и хлеб ИБ-шника. Режим доступа: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/Avolkov/14153.php> (дата обращения: 12.11.2021).

29. Panofsky E. Architecture gothique et pensée scolastique: précédé de L'abbé Suger de Saint-Denis. // Traduction et postface de Pierre Bourdieu. - Paris: Ed. de Minuit, 1967. - 217 с.

«Снятие» этики в цифровом пространстве

Мещанинова Евгения Юрьевна

тьютор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: E.Meshchaninova@yandex.ru

В статье рассматривается трансформация этических норм в виртуальном пространстве, разница функционирования этических правил в Интернете и реальной жизни, роль тела и пространства как механизмов поддержания морального коммуникативного порядка и этичного поведения.

Ключевые слова: виртуальное пространство, физическое пространство, цифровая этика, Интернет, тело, мораль, санкция.

«Removing» Ethics in the Digital Space

The article examines the transformation of ethical norms in virtual space, the difference between the functioning of ethical rules on the Internet and real life, the role of the body and space as mechanisms for maintaining moral communicative order and ethical behavior.

Key words: virtual space, physical space, digital ethics, Internet, body, morality, sanction

В современном цифровом пространстве происходит трансформация нравственных ценностей и поведенческих норм, регулирующих виртуальную коммуникацию, поэтому всё чаще обсуждается вопрос об этической стороне цифровой эпохи. Цифровые технологии через изменение материального и социального контекста жизни людей, приводят к трансформации поведенческих ориентиров и представлений об этичном и неэтичном поведении в конкретных социальных ситуациях. Моральные ценности, характерные для разных сегментов сети, отличаются своей неоднородностью. То, что их объединяет, - это быстрая изменчивость, неустойчивость и ослабленная регуляция (по сравнению

с функционированием этических норм в оффлайн-среде). Более того, ценности и идеалы цифрового общества часто вступают в конфликт с ценностями классической культуры, меняются критерии оценки одних и тех же феноменов в реальном и виртуальном пространстве: например, отношение к выражению публичной скорби в интернете и в реальной жизни. В 2020 году девушка-блогер Екатерина Диденко, у которой во время празднования дня рождения погибли муж и друзья из-за купания в бассейне с сухим льдом, в своем блоге раскрывала подробности этой трагедии и довольно личные детали своей жизни, связанные с этими событиями. Данный ритуал публичный цифровой скорби вызвал определенные споры, т.к. девушка демонстрировала буквально всё: от плача на камеру до общения с матерью погибшего мужа. Помимо этого, некоторые выражения скорби, видимо, были не спонтанными, а запланированными и подготовленными, если судить по использованию масок для улучшения вида. Таким образом, в пространстве сети складывается новая норма, регулирующая поведение в ситуациях утраты: уместно или нет публично скорбеть, правильно зарабатывать на аудитории (подписки, внимание, популярность и деньги), эксплуатируя тему утраты близких, как нужно обсуждать трагические события и негативные эмоции, как скорбь должна выражаться и пр.

Индонезийская группа ученых (Р. Фидияни, Д. Сулистианингсих, П. Пуджионо) акцентировали внимание на проблеме вовлеченности общества в регулирование поведения и общения в цифровых социальных сетях и в среде Интернет в целом [6]. Сетевой этикет выражается через одобряемые модели и правила поведения для лиц, находящихся в онлайн-среде. Манеры поведения, принятые и понятные людям в реальной жизни, переносятся в виртуальное пространство. Ученые обнаружили одно из наиболее негативных составляющих социально-сетевой цифровой коммуникации - выражения ненависти в отношении лиц, с которыми пользователи лично знакомы или непосредственно общаются: начальства, руководства, коллег, одноклассников, преподавателей и т.п. Помимо этого, различные типы интернет-самозванцев (псевдопсихологи,

псевдоврачи, коучи, тренеры личностного роста и пр.) получили гораздо больше возможностей для манипуляций и обмана людей благодаря всемирной сети.

В настоящее время стоит говорить не только о трансформации этики в цифровом пространстве, но и о её своего рода «снятии». Причина этих процессов кроется в отношениях между нравственным сознанием и моральным действием. *Мораль* и *пространство* имеют очень необычную связь. Мораль (как социальная форма) и нравственность (как качество личности) – это не только набор определенных ценностей, принципов, идей, представлений, ожиданий, но и норма «действия» (побуждение, предписание к конкретному действию или бездействию). Рамки подобных поведенческих актов оформляются через *пространственные конфигурации* (категория «пространства», с которой работает человечество имеет несколько составляющих: физическую, социальную, символическую, цифровую), воздействующие на *телесность*. Взаимосвязь морального сознания и тела требует особого осмысления. Социолог А. Бикбов провел контролируемый эксперимент по нарушению социального порядка: он проехался без билета во французском скоростном поезде, зная, что там контролеры регулярно проверяют проездные документы. Основной исследовательской процедурой учёного стало «нарушение, которое и производит необходимый для исследования эффект смещения, рассогласования восприятия с базовыми очевидностями» [1, с. 63]. Осознанное и целенаправленное (в рамках эксперимента) нарушение нормативных границ привычных повседневных взаимодействий прежде всего выражалось в физиологических реакциях: настороженность, нервозность, беспокойство и др. «По вокзальному радио время от времени требуют не забывать вещи и компостировать билеты при посадке. Все эти детали нагнетают мою настороженность, я чувствую, что оказываюсь в пространстве усиленного контроля. Но я не могу имитировать обычного, послушного пассажира, ожидающего своей очереди под табло. У меня не то настроение: я нервничаю, а мои мысли в движении. Иногда накатывает инстинктивная паника, я беру себя

в руки, напоминая себе, что это контролируемый эксперимент и что я сам выбрал его условия» [2, с. 119], – пишет автор.

Еще одной реакцией на нарушение норм социального поведения стали «непривычные» телодвижения и действия: колебания перед входом в вагон; решение дойти и сесть в вагон, до которого контролеру дольше идти, чтобы на остановке при необходимости перейти в противоположный конец состава; постоянные осматривания по сторонам: не видно ли контролёра; решение разместиться на сиденье спиной к стенке, чтобы весь вагон был в поле зрения («весь вагон передо мной, позади стенка, сбежать некуда, но стенка — граница и для контролера» [2, с. 119]) и т.п. Нарушение нормы делает её заметной именно через пространственные формы и объекты. Однако в цифровую эпоху изменились рамки взаимодействия людей, регулируемые этикой. Прежде всего это касается поведения, общения в виртуальном пространстве. Внешний аспект этики проявляется через действия, поступки человека. Моральные действия могут быть проявлены и зафиксированы как в реальной (непосредственное общение), так и в виртуальной коммуникации (общение в сети), но в виртуальном интернет-пространстве нормы действуют иначе, чем в пространстве физическом (географическом). В виртуальном пространстве нормативная регуляция человеческого поведения ослабляется в силу специфики самой интернет-среды: анонимность, бесконтактность, дистанцированность общения, вариативность личностных репрезентаций, множественность виртуальных идентичностей, отсутствие ряда поведенческих регуляторов (что подразумевает в свою очередь и упрощение коммуникации) и т.д.

В силу того, что в рамках цифрового общения медиатором между людьми выступает не столько человеческое тело, сколько техническое средство, происходит частичное *«снятие» ответственности* с личности. Оскорблять собеседника, хамить, использовать нецензурную лексику, призывать к незаконным действиям, провоцировать скандал, разжигать рознь, осуществлять скандальные практики в Интернете и мессенджерах намного *проще* (не только, так сказать, с технической, но и социальной точки зрения), потому что при

непосредственном взаимодействии, общении лицом к лицу подобные действия могут вызвать ответную реакцию, объективизированную в материальном пространстве – ответная брань, пощечина, удар, задержание правоохранительными органами и пр., что в свою очередь является своего рода нормативным регулятором (если точнее, то страх, нежелание человека быть оскорбленным, ударенным, побитым и т.п. может быть этическим сдерживающим, ограничительным механизмом его собственного поведения). В физическом пространстве восстановление социального порядка осуществляется людьми посредством самих материальных пространственных форм, в то время как в виртуальной среде есть возможность избежать санкций и наказаний.

Проблема усугубляется также тем, что, если, например, этикету, правилам поведения в гостях, театре, ресторане и других общественных местах нас учат взрослые ещё в детстве, то правилам общения и поведения в виртуальном пространстве (если вообще можно говорить о существовании конкретизированного и оформленного цифрового этикета) по сути никто никого не учит, мы просто переносим усвоенные нормы из повседневного этикета (усвоенной культуры) в поле цифрового общения: приветствия и прощания, субординацию, обратную связь, соблюдение личных границ и т.д. В связи с этим важное значение приобретает роль общественности в решении проблем «цифрового общения», точнее тех вопросов, где Интернет может оказывать негативное влияние на общественные отношения [4]. Тем не менее, полного переноса «в готовом виде» этических систем из оффлайн в онлайн невозможно, т.к. даже одни и те же механизмы нормирования и регуляции, (например, речи) будут в этих средах иметь разное воздействие. Главным механизмом регуляции в сети, позволяющим одному собеседнику применить санкцию над другим собеседником за противоправные, неприемлемые действия (также в сети) остается BAN (бан) – один из способов ограничения действий пользователей в Интернете. Однако при интернет-общении бан чаще служит средством запрета, «затыкания», «аннигиляции» своего оппонента по спору, с мнением которого

пользователь не согласен, нежели инструментом восстановления социального порядка (в соответствие с этическими нормами) как такового.

Цифровая среда как бы «снимает» с человека ответственность, а значит в некоторой степени «снимает» и саму мораль. По крайней мере, концепт морального действия требует переосмысления исходя из новой реальности цифровой эпохи и специфики цифрового общения. Как, например, отличить в Интернете целерациональное действие от ценностно-рационального (по М. Веберу [3]) или инструментальное – от коммуникативного (по Ю. Хабермасу [5])? Если рассматривать моральное действие как доведенную до автоматизма практику, осознанную привычку, то в материальном пространстве оно предполагает довольно активное задействование своего тела (спасение людей или животных, оказание медицинской помощи, предотвращение правонарушений и преступлений, противодействие аморальным поступкам и пр.), в отличие от цифрового пространства, где оно по существу сводится к говорению (написанию) или «неговорению» («ненаписанию»), а также демонстрации (графические изображения, фото- и видеоматериал) (или недемонстрации) тех или иных вещей. Культура общения, этикет письма в сети принимают второстепенное значение, потому что для обычного пользователя в повседневной коммуникации они не являются объектом контроля ни со стороны социальных механизмов, что исторически сформировались для регуляции отношений индивидов в обществе с целью поддержания и укрепления порядка и стабильности, ни со стороны институтов, специально созданных для надзора за медиа- и интернет-пространством.

Новые цифровые технологии и Интернет, при их несомненной пользе, привели к возникновению в обществе самой неустойчивой и размытой этики со слабой регуляционной силой, которая в силу этого увеличивает вероятность деструктивных эффектов для человека. Поэтому в эпоху цифровых технологий актуализируется переосмысление этических вопросов.

Источники и литература

1. Бикбов А. О возможности контролируемого нарушения // Логос. №3 (60), 2007.
2. Бикбов А. Элементарная феноменология безбилетного проезда // Логос. №3 (60), 2007.
3. Вебер М. Основные социологические понятия / Пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – с. 602.
4. Скурко Е.В. Право и мораль в цифровых социальных сетях // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2020. №3.
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: пер. с нем. СПб.: Наука, 2000.
6. Fidiyani R., Sulistianingsih D., Pujiono P. Law and ethics of communicating in social media // Jurnal Dinamika Hukum. – Purwokerto, 2017. Vol. 17, N 3. P. 258-265.

Цифровая трансформация подготовки IT-специалистов

Писарева Лариса Юрьевна

к.с.н., доцент

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

Финансово-экономический институт, Якутск, Россия

E-mail: pisareva@inbox.ru

Милюкова Мария Олеговна

магистрант

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

Финансово-экономический институт, Якутск, Россия

E-mail: pisareva@inbox.ru

В статье поднимается проблема модернизации системы среднего профессионального образования. Необходимость модернизации обусловлена тем, что существующие образовательные программы не отвечают запросам рынка труда, как с точки зрения направлений подготовки, так и конкуренции с программами высшего образования. Диспропорции особо проявляются в сфере подготовки IT-специалистов, где система не имеет четкого разграничения по уровням приобретаемых студентами практических навыков, создавая проблемы с трудоустройством, когда предпочтение отдается выпускникам высших учебных заведений, сроки подготовки которых значительно увеличиваются. При этом, эффективные программы среднего профессионального образования могут обеспечивать рынок труда отличными специалистами при условии правильной организации системы подготовки. Возможный путь модернизации среднего профессионального образования – цифровая трансформация, понимаемая как инновационные педагогические методики и знания, обеспеченные современными средствами информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ).

Ключевые слова: информационные технологии, образовательная траектория, среднее профессиональное образование, рынок труда, цифровая трансформация, цифровизация.

Digital transformation of IT specialists training

The article raises the issue of modernisation of the secondary education system. The necessity for modernization is due to the fact that existing educational programs do not meet the demands of the labour market, both in terms of training programs contents and competition with higher education programs. Disproportion is evident in training for IT professions as the system does not provide a clear hierarchy of practical skills acquired by students. This creates employment bias towards graduates of higher educational institutions, whose preparation time is significantly increased. At the same time, effective programs of technical and vocational education can provide the labour market with excellent specialists, if the training system is properly organised. A possible way to modernise secondary vocational education is digital transformation defined as innovative knowledge and pedagogical methods provided via modern means of information and communication technologies (ICT).

Key words: information technologies, educational trajectory, technical and vocational education, labour market, digital transformation, digitalization.

Система среднего профессионального образования в России является одним из важных поставщиков кадров для рынка труда. Вместе с тем, как будет рассмотрено на примере отрасли информационных технологий, принципы организации образовательного процесса не соответствуют запросам рынка труда, что приводит к потерям кадров. С учетом растущего кадрового дефицита в этой отрасли, мы видим необходимость модернизации системы среднего профессионального образования. Цифровая трансформация будет рассмотрена как один из возможных путей такой модернизации.

1. Рынок труда в ИТ-отрасли

В 2021 году 76% работодателей заявили о серьезном кадровом дефиците в своих отраслях [9]. Высокий дефицит, помимо прочих областей, наблюдается и в отрасли информационных технологий (49%), далее – ИТ. Дефицит кадров в этой отрасли существует уже долгое время и на данный момент составляет от 500 000 до 1 миллиона человек [2]. Количество вакансий растет высокими темпами (напр., данные по Санкт-Петербургу на Рисунке 2 в исследовании рынка от Headhunter [8]). Прогнозируемая потребность рынка в ИТ кадрах на ближайшие годы составляет 143 000 человек в год.

Область информационных технологий вместе с тем находится в особо уязвимом положении в текущих социально-экономических условиях, сложившихся в России. Эта сфера деятельности развивалась в условиях интегрированности в глобальную инфраструктуру и высокой мобильности персонала. В текущей ситуации эти условия радикально изменились. Ввиду трудности ведения деятельности за рубежом по экономическим и социальным причинам и разрушением интегрированной инфраструктуры, связанным с уходом с российского рынка крупных производителей оборудования и программного обеспечения, специалисты ожидают крупных изменений на этом рынке труда, как со стороны работодателей, так и со стороны соискателей.

В среде работодателей основным событием является уход с российского рынка крупных предприятий, обеспечивавших значительное число рабочих мест прямо и косвенно. Еженедельная статистика Исследовательского Центра портала Superjob.ru показывает падение количества вакансий в сфере ИТ на 55% за 2 неделю марта 2022 [11]. В то же время в бюджетном секторе отмечено возрастание количества вакансий, связанных с ИТ, до 120% [1].

В то же время санкции в области информационных технологий повлекли за собой закрытие доступа российских пользователей к большому числу сервисов коммуникации, хранения и обработки информации. Возникший дефицит программных решений во всех сферах ИКТ, как пользовательских, так

и производственных, нуждается в восполнении. Очевидно, что для критически важных систем, обеспечивающих хранение большого количества данных, встроенных в современные производственные процессы, должна существовать возможность выбора решений, разработанных и поддерживаемых внутри страны-пользователя этих систем. Эта потребность отмечена и правительством Российской Федерации, что отражено в Указе Президента Российской Федерации от 02.03.2022 № 83 “О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации” [10], содержащем постановления о финансовой и административной поддержке организаций, осуществляющих деятельность в данной отрасли, и их сотрудников. Таким образом, наблюдается актуальный спрос на специалистов сектора ИТ с перспективой дальнейшего возрастания.

Таким образом, в сфере информационных технологий рынок труда испытывает острый дефицит кадров, в ней происходят крупные изменения структуры спроса и предложения кадров при одновременном повышении потребности в кадрах. Эти условия диктуют необходимость скорейшего восполнения кадрового резерва страны в этой отрасли. Одним из путей восполнения кадрового дефицита является подготовка профессионалов системой образования.

2. Спрос и предложение на рынке ИТ

По профессиям отрасли информационных технологий в России существуют программы подготовки как на уровне среднего профессионального, так и на уровне высшего образования. Из государственных образовательных систем среднее профессиональное образование обеспечивает кратчайший срок подготовки, а, следовательно – скорейший вход специалиста на рынок труда. По данным Росстата ожидаемый выход специалистов среднего образовательного звена – 17, 18 лет, для специалистов, бакалавров, магистров – 22 года. Соответственно, в современных условиях острейшего дефицита ИТ-специалистов, государство должно быть заинтересовано в сокращении сроков

подготовки квалифицированных кадров и быть ориентировано на программы среднего профессионального образования.

При этом в организации подготовки специалистов сферы информационных технологий наблюдается рассогласование содержания и ступеней образования.

Так, согласно принятому в Российской Федерации классификатору занятий (ОКЗ), в сфере информационных технологий разработка и программирование отнесены к видам занятий, требующих высший уровень квалификации (таб.1). При этом в классификаторе специальностей (ОКСО), эта деятельность отнесена как к программам высшего образования, так и среднего профессионального образования (таб.2). Таким образом, специальность “Программирование в компьютерных системах” внесена в оба перечня, выдавая тем самым неправильный сигнал работодателю, дезориентируя его при подборе кадров.

Таблица 1. Общероссийский классификатор специальностей по образованию (ОКСО), коды 2.09.01.xx, 2.09.02.xx, 2.10.02.xx.

Профессии, специальность, направление подготовки		МСКО	
Код	Наименование	Код образовательной программы (МСКО 2011)	Код области образования (МСКО-О 2013)
2.09.01.01	Наладчик аппаратного и программного обеспечения	354	0613
2.09.01.02	Наладчик компьютерных сетей	354	0613
2.09.01.03	Мастер по обработке цифровой информации	354	0611
2.09.02.01	Компьютерные системы и комплексы	554	0613
2.09.02.02	Компьютерные сети	554	0613
2.09.02.03	Программирование в компьютерных системах	554	0613
2.09.02.04	Информационные системы (по отраслям)	554	0612
2.09.02.05	Прикладная информатика (по отраслям)	554	0611
2.10.02.01	Организация и технология защиты информации	554	0613
2.10.02.02	Информационная безопасность телекоммуникационных систем	554	0613

2.10.02.03	Информационная безопасность автоматизированных систем	554	0613
------------	---	-----	------

Таблица 2. Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ), коды 25, 351.

Код	Контрольное число	Расшифровка
Специалисты среднего уровня квалификации (код 351)		
3511	9	Специалисты-техники по эксплуатации ИКТ
3512	2	Специалисты-техники по поддержке пользователей ИКТ
3513	6	Специалисты-техники по компьютерным сетям и системам
3514	3	Специалисты-техники по Web
Специалисты высшего уровня квалификации (код 25)		
2511	8	Системные аналитики
2512	1	Разработчики программного обеспечения
2513	5	Разработчики Web и мультимедийных приложений
2514	9	Программисты приложений
2519	7	Разработчики и аналитики программного обеспечения и приложений, не входящие в другие группы
2521	0	Дизайнеры баз данных и администраторы
2522	4	Системные администраторы
2523	8	Специалисты по компьютерным сетям
2529	2	Специалисты по базам данных и сетям, не входящие в другие группы

3.Реалии рынка труда в ИТ сфере

Фактически на рынке труда можно наблюдать совершенно иную классификацию по уровням подготовки. Работодатели в большинстве не предъявляют требований к уровню формального образования кандидатов по вакансиям, связанным с разработкой программного обеспечения, где согласно требованиям классификатора ОКЗ, требуется высшее образование. В то же время по вакансиям, связанным с информационной безопасностью, в большинстве случаев работодатель старается набирать специалистов с высшим образованием, несмотря на наличие соответствующих специальностей в системе среднего профессионального образования (коды 2.10.02.xx).

По данным российского агрегатора вакансий за 2021 г. 82% соискателей в отрасли ИТ указали в резюме наличие высшего образования, 7% – среднее специальное, 2% – среднее (рисунок 1).

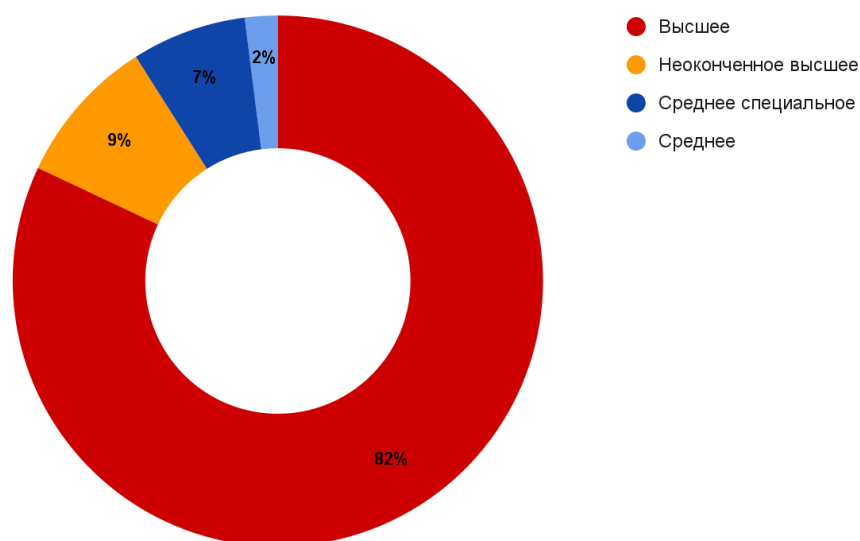

Рисунок 1. Распределение соискателей в области “Информационные технологии, интернет, телеком” по уровню образования за 2021 год по данным агрегатора вакансий hh.ru (дата обращения 17.03.2021).

На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что образовательная траектория специалистов по информатике, вычислительным технологиям и информационной безопасности не соответствует запросам рынка труда. Потенциальными следствиями данного несоответствия может стать низкая востребованность выпускников ССУЗов, повышенная нагрузка на систему высшего образования, повышение возраста выхода специалистов данной сферы на рынок труда, нарушение принципа преемственности ступеней образования. Замедление темпов подготовки профессионалов в сфере ИТ особенно значимо в настоящее время, учитывая резко возросшую потребность рынка труда в России в данных специалистах.

4. Цифровая трансформация образования

Одним из потенциальных направлений актуализации образовательных программ системы среднего профессионального образования является цифровая трансформация в области образования.

Цифровая трансформация – это термин, на данный момент, не имеющий строгого общепринятого определения. Так, цифровая трансформация определяется различными авторами как:

- “использование технологий для создания бережливых операций и освобождения людей для выполнения более сложных задач” [12];
- “модернизация ИТ, цифровая оптимизация или изобретение новых бизнес-моделей”[13];
- “превращение в цифровое предприятие – организацию, использующую технологии для постоянного развития всех сторон своих бизнес-моделей”[7];
- “перенаправление инвестиций или инвестирование в новые технологии, бизнес-модели и процессы, чтобы привнести ценность для клиентов и сотрудников и более эффективно конкурировать в постоянно меняющейся цифровой экономике”[6].

Ранние определения этого термина касались скорее материального перехода организации на цифровые средства коммуникации и обработки информации, тогда как более поздние – фокусируются на возможности таких технологий обеспечить более высокую адаптивность предприятия, достигаемую за счет оперирования увеличившимися объемами информации и высокой скорости процессов.

Так как многие авторы, включая вышеприведенных, подчеркивают ведущую роль в процессе цифровой трансформации структурных изменений организаций, обусловленных использованием технологий, то и трансформация образовательной среды должна, по нашему мнению, быть основана на улучшении технического оснащения, но не ограничена им. Интенсивное внедрение компьютерных, облачных, IoT и прочих цифровых технологий

должно осуществляться не только для оптимизации действующих образовательных программ, но быть базисом для их качественной трансформации. Это подтверждается данными международной статистики, собираемой OECD (Организация экономического сотрудничества и развития). Студенты ССУЗов, образование которых было основано на приобретении инновационных знаний при помощи новой методологии обучения, после выпуска чаще становятся сотрудниками высокотехнологичных предприятий (53,7%) и чаще вводят инновации в рабочий процесс (68,3%), чем студенты, получившие образование исключительно за счет использования инновационных технологических решений, т.е. современного компьютерного оснащения (30,2% и 31,4% соответственно) [14].

Одну из формулировок целей цифровой трансформации образования приводит Г.Л. Тульчинский. По его мнению, “необходимо, чтобы образование давало уверенность и готовность к изменениям, делало молодого человека менее зависимым от фактов и узких знаний, учило развиваться вместе с технологиями” [4]. Далее в своей статье он приводит навыки, преподавание которых считает необходимым для достижения этой цели. К числу таковых относятся, прежде всего, умение решать задачи, осуществлять поиск информации, владеть командной и проектной работой. Выводы его статьи подчеркивают, что технологические возможности цифровой среды снижают приоритет hard skills в системе образования по сравнению с soft skills.

Г.Л. Тульчинский в той же статье поднимает проблему внедрения цифровых технологий в образование, заключающуюся в том, что административный персонал учебных заведений рассматривает цифровую трансформацию в подавляющем числе случаев исключительно как метод оптимизации издержек функционирования – экономии на количестве часов преподавания и количестве учителей.

Эту точку зрения разделяют также А.Ю. Уваров и И.Д. Фрумин, в монографии “Трудности и перспективы цифровой трансформации образования” упоминающие, что на практике внедрение цифровых технологий редко

поддерживается введением на их основе инновационных моделей учебной работы. Авторы указывают, что в основе построения таких моделей – “синтез: новых высокорезультативных педагогических практик <...>; непрерывного профессионального развития педагогов; новых цифровых инструментов, информационных источников и сервисов; организационных и инфраструктурных условий для осуществления необходимых изменений” [5].

Эти мнения подтверждаются данными качественного мониторинга практик цифровизации в учреждениях СПО за 2020 год, опубликованным НИУ ВШЭ. В отчете о результатах мониторинга указывается, что возможности цифровых технологий используются в первую очередь для сокращения численности персонала, облегчения доступа к информации и сбора статистических данных. При этом принципиальных изменений административной структуры и образовательного процесса в исследованных колледжах не наблюдалось [3]. Эти свидетельства подчеркивают, что в настоящее время, несмотря на формальное существование и выполнение стратегической программы по цифровой трансформации учреждений СПО, фактически потенциал такой трансформации не доведен до исполнителей и соответственно не реализуется. Можно сделать вывод о том, что текущая программа цифровой трансформации учреждений среднего профессионального образования нуждается в существенном пересмотре в ее содержательной части.

Заключение

Основываясь на приведенных данных, мы считаем необходимым обозначить проблему модернизации системы среднего профессионального образования в сфере информационных технологий, включая такие направления подготовки как информатика, вычислительная техника и информационная безопасность, как назревшую и крайне актуальную в связи с растущим дефицитом высококвалифицированных специалистов в данной области в Российской Федерации. Ключевыми аспектами модернизации при этом являются:

- Во-первых, построение четкой иерархии уровней подготовки для систем высшего и среднего профессионального образования для закрепления в профессиональных стандартах и формирования основы для принятия решений при подборе кадров ИТ-компаниями.

- Во-вторых, обеспечение цифровизации содержания подготовки специалистов, в основе которой должен лежать постоянный контроль преподавательского состава по внедрению современных практикоориентированных технологий обучения студентов и контроля знаний и навыков согласно требованиям профессиональных стандартов в сфере ИТ.

Источники и литература

1. Исакова Т. Госсектор закупает программистов // Коммерсантъ. 2022.
2. Потапова К. Все дело в кадрах // Коммерсантъ. 2021.
3. Романова О.А. Высшая школа экономики. Цифровая трансформация колледжей: внедренные инновации и перспективы развития. 2021.
4. Тульчинский Г.Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. (6). С. 121-136.
5. Уваров А.Ю., Фрумин И. Д. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / А. Ю. Уваров, И. Д. Фрумин, Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 343 с.
6. Solis B., Szymanski J. Altimeter Group. The 2016 State of DIGITAL TRANSFORMATION. 2016.
7. Deloitte. Digital transformation: A PRIMER. 2019.
8. HeadHunter. Обзор рынка труда в ИТ-сфере в начале 2021 года в России и Санкт-Петербурге. 2021.
9. TAdviser. Рынок труда в России. 2022.
10. Указ Президента Российской Федерации от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // 2022.
11. SuperJob. Индекс рынка труда — итоги II недели марта. 2022.

12. Prepare your Organization for Digital Transformation with Forrester [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forrester.com/blogs/category/digital-transformation/> (дата обращения: 19.03.2022).

13. Definition of Digital Transformation - IT Glossary | Gartner // Gartner | Delivering Actionable, Objective Insight to Executives and Their Teams [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/digital-transformation> (дата обращения: 19.03.2022).

14. Comparing innovation in education with other sectors // OECD Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx> (дата обращения: 19.03.2022).

Влияние искусственного интеллекта на этику и мораль повседневности

Римский Владимир Львович

старший преподаватель

Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия

E-mail: rim@indem.ru

Технологии искусственного интеллекта широко используются в повседневности, но это не осознаётся большинством пользователей социальных сетей и Интернета. Сама повседневность существенно меняется под воздействием этих технологий. В соответствии с этим должны обновиться этика и мораль, сформированные в предшествующие эпохи. Этот процесс обновления осуществляется, но его последствия не всегда позитивны. Искусственный интеллект в повседневности скорее ориентирует своих пользователей на прошлый опыт, скорее препятствует проявлениям творчества и критического мышления, способствует расширению практик манипулирования сознанием. Обновление этики и морали не может полностью решить эти проблемы, но может способствовать их решению.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационные технологии, этика, мораль, повседневность.

The influence of artificial intelligence on the ethics and morals of everyday life

Artificial intelligence technologies are widely used in everyday life, but this is not realized by most users of social networks and the Internet. Everyday life itself is changing significantly under the influence of these technologies. In accordance with this, ethics and morality formed in previous eras should be updated. This renewal process is realized, but its consequences are not always positive. Artificial intelligence in everyday life rather orients its users to past experience, rather hinders the manifestations of creativity and critical thinking, promotes the expansion of mind

manipulation practices. Updating ethics and morality cannot completely solve these problems, but it can contribute to their solutions.

Key words: artificial intelligence, information technologies, ethics, morality, everyday life

Как известно, компьютеры (англ. computer – «вычислитель») являются программно управляемыми электронными устройствами и первоначально они предназначались для проведения вычислений с данными. Программы, т.е. представления алгоритмов для таких вычислений на языках программирования, которые были понятны человеку и могли быть переведены в последовательности машинных, компьютерных команд, разрабатывали программисты. Но логика развития компьютерной сферы как области экономики потребовала существенного расширения доступа к компьютерным вычислениям пользователей, не обладающих программистскими навыками. В результате появились программные приложения, позволяющие осуществлять расчёты на компьютере без необходимости программирования, например, приложения электронных таблиц. Но непрофессиональные пользователи компьютеров нуждались в понятной для них коммуникации со своими компьютерами. Кроме того, расширение числа пользователей компьютеров требовало обеспечения коммуникации уже между ними, а не только между компьютерами, на которых они работали.

К концу 60-х годов XX века разработчикам информационных технологий на основе применения компьютеров стало ясно, что коммуникация с их применением может стать весьма полезной и эффективной даже для тех их пользователей, которые вообще не занимаются расчётами. В своём эссе 1968 года Джозеф Ликлайдер и Роберт Уильям Тейлор, разработчики сети ARPAnet в США, ставшей предшественником Интернета, утверждали, что компьютеры могут и должны стать не только средствами отправки и получения сообщений пользователей. По их мнению, компьютеры, соединённые в сеть, могут и должны стать средствами взаимодействий пользователей с информацией, позволяющих

им совместно, конструктивно и через взаимное подкрепление мыслей осуществлять коммуникацию друг с другом. В своём эссе авторы обосновали прогноз того, что запрограммированные компьютеры, объединённые в сеть, изменят природу и повысят ценность коммуникации для людей, поскольку позволят обеспечить им прямой доступ и к информационным ресурсам, и к процессам использования этих ресурсов [6].

Сейчас прогноз авторов этого эссе во многом осуществился. Для современных индивидов весьма привлекательными стали возможности информационных технологий быстрого доступа и широкого использования разнообразных информационных ресурсов. Эти возможности постоянно расширялись и расширяются в настоящий период за счёт усложнения используемых алгоритмов, а также разнообразия и роста объёмов обрабатываемых этими алгоритмами данных. Ведь, как известно, алгоритмы представляют собой последовательности заранее разработанных действий, шагов алгоритмов, для получения запланированных результатов. Но эти результаты могут существенно различаться при применениях одних и тех же алгоритмов к разным данным.

Усложнение алгоритмов и разнообразие обрабатываемых ими данных неизбежно привело к созданию технологий искусственного интеллекта. Граница между этими технологиями и иными информационными технологиями не является чётко определённой. Искусственный интеллект продолжает и развивает возможности компьютерной обработки информации без участия человека и компьютерных сетей по поддержке человеческой коммуникации. Но искусственный интеллект, как свойство технических и программных систем уже позволяет решать многие задачи и выполнять многие функции, которые ранее считались творческими и способными выполняться исключительно человеком [1; 3].

Искусственный интеллект в отличие от человеческого не имеет ни собственных мотиваций действий, ни психики, а только моделирует творческие функции и способности человека с помощью алгоритмической обработки

информации. Человеческое же мышление использует не только такой, а многие другие способы обработки информации, например, ассоциативный, образный, интуитивный, с помощью абстрактных понятий и другие. Человеческое мышление сопровождается активностью подсознания, чувствами, эмоциями и собственными мотивациями деятельности, которых искусственный интеллект не имеет, он их может только моделировать алгоритмами. Но это не стало существенным препятствием развития технологий искусственного интеллекта. Их разнообразие включает, в частности, машинное обучение, нейроморфное обучение (нейронные сети), обработку данных естественных языков, когнитивные вычисления, рекомендательные сервисы, боты, т.е. алгоритмы, имитирующие человеческую коммуникацию на конкретные темы, и другие [4, с. 127]. В перспективе ожидаются разработки когнитивных вычислений (коммуникация с человеком по привычным правилам) и искусственного суперинтеллекта, который будет иметь собственные мотивации действий [2, с. 41].

Эти возможности искусственного интеллекта существенно изменили природу человеческой коммуникации во многом в соответствии с прогнозом Джозефа Ликлайдера и Роберта Уильяма Тейлора из их эссе 1968 года. Они не включили в свой прогноз развитие технологий искусственного интеллекта, потому что в тот период не было технических возможностей их реализации. Но в современном мире возможности искусственного интеллекта стали доступны для использования очень широкими аудиториями пользователей информационных технологий, в первую очередь, социальных сетей и сети Интернет.

Технологии искусственного интеллекта стали весьма широко применяться в повседневной жизни индивидов, хотя сами они не всегда замечают применение таких технологий в своих компьютерных и мобильных приложениях. И сама повседневность стала меняться под воздействием широкого применения технологий искусственного интеллекта, что всё более интегрирует эти технологии в современную социальность. Для индивидов повседневность как

«интерсубъективный мир повседневной жизни» по Альфреду Шюцу и есть социальность, сформированная и организованная для нормальной жизни предшествующими поколениями, предками, проявляющаяся в переживаниях и смыслах, интерпретациях социального уже ныне живущих [5, с. 129]. Основными сферами повседневности являются частная жизнь индивидов, включающая их быт и отдых, а также их трудовая деятельность. И эти сферы, как и вся повседневность в целом, не остаются традиционными, а существенно меняются в результате широкого распространения новых коммуникативных и иных социальных практик, применения искусственного интеллекта для решений повседневных задач и поддержки разнообразного социального поведения. Соответственно меняются и схемы мышления, и смыслы социальной реальности, появляются новые особенности социального поведения. Этика и мораль, сформированные в предшествующие эпохи, вынужденно стали обновляться для регулирования разработки и использования современных информационных технологий и искусственного интеллекта.

Регулирование повседневности с помощью этики и морали в современной ситуации существенно определяется тем, что современные информационные технологии на основе компьютеров и компьютерных сетей стали привычными в коммуникации для большинства индивидов. Кроме того, нередко незаметно для пользователей технологии искусственного интеллекта встраиваются и функционируют во многих сервисах компьютерной коммуникации. Например, технологии искусственного интеллекта обеспечивают функционирование навигационных приложений, приложений – помощников (Siri, Alexa, Алиса и других), ленты каналов социальных сетей, ботов, предназначенных для коммуникации с клиентами банков, коммерческих организаций, органов власти и другие.

Искусственный интеллект вполне закономерно стал включаться в информационные технологии для повышения их эффективности. Во-первых, применение технологий искусственного интеллекта позволяет быстрее и точнее, чем без них, выполнять разнообразные рутинные, стандартные действия. Во-

вторых, технологии искусственного интеллекта имитируют социальное поведение человека, что позволяет финансовым, коммерческим организациям и органам власти охватывать необходимой им коммуникацией широкие аудитории пользователей и граждан, с большими гарантиями достигать в этой коммуникации запланированных результатов. В-третьих, технологии искусственного интеллекта позволяют обрабатывать так называемые большие данные о самых разнообразных фактах и событиях повседневности индивидов, обеспечивая подстройку функционирования информационных технологий под приоритеты, интересы, мотивации и даже ценности своих пользователей. В результате технологии искусственного интеллекта намного лучше, чем без них, помогают покупателям выбирать товары и услуги, заказывать и оплачивать их. Технологии искусственного интеллекта существенно содействуют поиску партнёров по коммуникации и осуществлению коммуникации с ними, распространению информации по социальным сетям и другим сервисам Интернета. За счёт отмеченных выше трёх основных характеристик технологий искусственного интеллекта его применение практически во всех сферах профессиональной деятельности существенно повышает эффективность производства и разработок: в науке, экономике, государственном управлении, везде, где необходимо находить решения сложных проблем и обеспечивать их выполнение.

Но те же самые свойства и характеристики технологий искусственного интеллекта, которые определяют преимущества их применения, приводят к возникновению новых сложных для решений проблем и к новым негативным последствиям для социальности и повседневности. Так использование нейронных сетей для сбора и хранения, а также анализа больших данных предшествовавшего поведения пользователей позволяет поисковым машинам Интернета и ботам различных коммуникационных систем предлагать этим пользователям информацию и способы решений интересующих их проблем, которые ими же или похожими на них индивидами были использованы ранее. В большинстве ситуаций повседневности пользователи именно этого и ожидают

от поисковых машин и ботов – рекомендаций по социальному поведению в стандартных ситуациях и по решениям стандартных проблем. В этом смысле технологии искусственного интеллекта отвечают приоритетам большинства общества, поддерживают постоянство, стабильность повседневности, которые являются значимыми ценностями для индивидов, социальных групп и общества в целом. Следуя этим приоритетам, частные бизнесы и органы власти поддерживают и развивают такие возможности использования технологий искусственного интеллекта. Но для творчески мыслящих индивидов, особенно в ситуациях поиска ими решений новых, сложных проблем современности, такие особенности использования искусственного интеллекта являются существенными ограничениями в реализации их интересов и приоритетов. Такое использование технологий искусственного интеллекта буквально навязывает индивидам обращённость в прошлое и очень слабо поддерживает их активность по поиску нового, неординарного, поиску стратегий обеспечения повседневности в будущем с учётом возможных проблем и противодействий желаемому при реализации этих стратегий и т.п.

В такой социальной ситуации для творческих индивидов необходим выход за пределы стандартных ситуаций и стандартных решений проблем, который искусственный интеллект также может поддержать, но только если индивиды сумеют приложить дополнительные интеллектуальные усилия к такого рода выходу. На такие дополнительные интеллектуальные усилия оказываются способными относительно немногие, и они испытывают существенные сложности в своём социальном поведении, поскольку нормы и правила этики и морали обычно ориентированы на отличающееся от них большинство. Пока нет ответа на вопрос о том, должны ли разработчики и заказчики технологий искусственного интеллекта включить в этические нормы своей профессиональной деятельности те или иные ограничения такой обращённости к прошлому опыту пользователей. Нет ответа и на вопрос о том, должны ли нормы морали повседневности быть лояльными к творческим индивидам, стремящимся выходить за пределы прошлого опыта. Эти вопросы осознавались

и в прошлом как проблемы развития общества, но широкое использование искусственного интеллекта эти вопросы обострило.

Возможности технологий искусственного интеллекта имитировать социальную деятельность индивидов могут быть использованы не только во благо им, но и во зло. Осуществление этих имитаций существенно расширило возможности манипулирования сознанием индивидов – пользователей социальных сетей, сервисов Интернета, мобильных и стационарных телефонов и других средств коммуникации, в которых применяются технологии искусственного интеллекта. В таких ситуациях многие пользователи уже оказываются неспособными отличить коммуникацию с искусственным интеллектом от коммуникации с реальными людьми. А использование технологий искусственного интеллекта позволяет мошенникам охватывать намного более широкие аудитории пользователей, чем, если бы они сами с ними коммуницировали. Как правило, такие мошенники используют боты, начинающие коммуникацию и прекращающие её автоматически, если их абоненты манипуляции своим сознанием распознают и не соглашаются поступать так, как это выгодно мошенникам. Но уровень рефлексии возможностей технологий искусственного интеллекта пока не высок, нормы этики и морали, препятствующие таким действиям мошенников, ими весьма свободно нарушаются. И в результате такие применения технологий искусственного интеллекта приносят немалые доходы мошенникам с помощью воровства денег, создают проблемы в частной жизни граждан, например, с помощью буллинга, проблемы в их профессиональной деятельности, например, способствуя увольнению с работы по ложным основаниям. И в осуществлении таких мошенничеств, суть которых нередко известна с глубокой древности, технологии искусственного интеллекта стали инструментом, широкое использование которого существенно обострило старые проблемы повседневности, а также создало новые, неизвестные ранее, способы осуществления мошенничеств.

Описанные выше проблемы широкого использования технологий искусственного интеллекта усугубляются тем, что большинство индивидов с готовностью подменяют своё владение знаниями, в том числе, и об информационных технологиях, и об искусственном интеллекте, легко реализуемыми возможностями найти интересующую их информацию в социальных сетях и в Интернете. Это большинство индивидов, как правило, доверяет полученной ими такими способами информации, это стало доминирующей нормой социального поведения. Но такое социальное поведение осуществляется в условиях расширения практик манипулирования сознанием пользователей именно социальных сетей и Интернета. Развитие способностей критического мышления, выработки и обоснований собственных позиций по различным значимым темам и вопросам могло бы снизить негативный эффект необоснованного доверия информации из таких источников. Ведь с помощью критического мышления можно оценивать получаемую информацию, проверять её на достоверность, сопоставлять со своими позициями по разным темам и т.п. Безусловно, никакое применение критического мышления неспособно полностью оградить индивидов от манипуляций их сознанием, но критическое мышление, особенно при его систематическом применении, может способствовать снижению уровня манипулирования сознанием в любой коммуникации.

Современное российское общество всё более дифференцируется на две большие категории своих членов. Большинство общества ориентировано на прошлый социальный опыт и негативно относится к поиску новых решений сложных социальных проблем, отказывается от владения знаниями и заменяет знания информацией из социальных сетей и Интернета, а потому реально обладает невысоким уровнем образования. Меньшинство общества ориентировано на общественное развитие с помощью новых решений сложных современных проблем, обладает реально высоким уровнем образования, а потому владеет знаниями, способностями критического мышления, меньше большинства подвержено манипуляциям своим сознанием. Широкое

использование технологий искусственного интеллекта в повседневности в современной ситуации скорее углубляет эту социальную дифференциацию в российском обществе. Обновление этики и морали как в обществе в целом, так и среди заказчиков и исполнителей разработок технологий искусственного интеллекта не является единственным направлением обеспечения сглаживания уровня дифференциации на такие большинство и меньшинство. Не является обновление этики и морали и единственным направлением решений других описанных выше проблем. Но обновление этики и морали могло бы способствовать их решениям, позволяющим на уровне повседневной социальной активности поддерживать позитивные возможности и последствия использования технологий искусственного интеллекта и сдерживать негативные.

Источники и литература

1. Интеллект искусственный // Аверкин А.Н., Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. — М.: Радио и связь, 1992. — 256 с. URL: <http://www.raai.org/library/tolk/aivoc.html#L208> (дата обращения: 31.01.2022).
2. Маслов В.И., Лукьянов И.В. Четвертая промышленная революция: истоки и последствия // Вестник Московского университета. Серия 27. 2017. Глобалистика и геополитика. № 2. С. 38-48.
3. Система интеллектуальная // Аверкин А.Н., Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. — М.: Радио и связь, 1992. — 256 с.
4. Цветкова Л.А. Технологии искусственного интеллекта как фактор цифровизации экономики России и мира // Экономика наук. 2017. Т. 3. № 2. С.126-144.
5. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129-137.
6. Licklider J.C.R. and Taylor Robert W. “The Computer as a Communication Device”, Science and Technology, April 1968.

Проблема социализации в цифровую эпоху

Семенова Татьяна Николаевна

к.ф.н., доцент

Российский государственный университет

(НИУ) нефти и газа имени И.М. Губкина, Москва, Россия

E-mail: semenovataniya@gmail.com

Цифровое общество является неотъемлемым фактом нашей жизни. Новые информационные, компьютерные, виртуальные технологии трансформируют традиционную архитектуру общества. Они внедрены во все сферы жизни общества, являются важнейшим фактором социализации всех поколений, и прежде всего молодежи. Особое место в процессе социализации принадлежит социальным сетям, которые в значительной степени формируют мировоззрение молодежи, ее идеалы, цели и средства достижения целей. При всех, несомненно, положительных моментах цифровизации, исследователей данной проблемы волнуют негативные моменты влияния новых цифровых технологий на процесс социализации, продолжающийся на протяжении всей жизни человека. Это снижение рационально-понятийного аспекта сознания, мировоззренческий хаос, когнитивные искажения, влияние на психическое и физическое здоровье. Под воздействием информационных технологий сформировались «поколения Y и Z», с «клиповым мировоззрением», с активной вовлеченностью в сетевую, виртуальную коммуникацию, что существенным образом влияет на процесс и результат социализации.

Ключевые слова: цифровые технологии, социальные сети, поколения Y и Z, коммуникативные технологии, «клиповое сознание», цифровая селекция, социализация.

The problem of socialization in the digital age

The digital society is an inalienable fact of our lives. New information, computer, virtual technologies are transforming the traditional architecture of society. They are

introduced into all spheres of society, are the most important factor in the socialization of all generations, and especially young people. A special place in the process of socialization belongs to social networks, which largely shape the worldview of young people, their ideals, goals and means of achieving goals. With all the undoubtedly positive aspects of digitalization, researchers of this problem are concerned about the negative aspects of the impact of new digital technologies on the process of socialization, which continues throughout a person's life. This is a decrease in the rational-conceptual aspect of consciousness, worldview chaos, cognitive distortions, and the impact on mental and physical health. Under the influence of information technologies, "generations Y and Z" were formed, with a "clip worldview", with active involvement in network, virtual communication, which significantly affects the process and result of socialization.

Key words: digital technologies, social networks, generation Y and Z, communication technologies, "clip consciousness", digital selection, socialization

С 50-х годов 20 в. началась эпоха информационных технологий, охватившая за 70 последующих лет все сферы культурно-исторического развития человека – от производственной до личной. Задан новый вектор развития постиндустриального общества, появились возможности новых трансформаций общественных отношений, а соответственно и новые вызовы человеку и человечеству. Древние греки считали основной задачей нового мировоззрения, философии, сделать человека счастливым. Этому мешают различные фобии, а значит, если рационально-понятийно объяснить природный и социальный мир, вписать в него человека (но не раба) так, чтобы, как микрокосм, он был гармоничен с мировым Космосом, связать добродетель человека (моральные качества и поведение) с объемом его знаний (тождество знания и добродетели по Сократу), то задача будет выполнена. В Новое время появилась другая сентенция – «знание – сила», знание законов природы дает возможность воздействовать на объект (на Природу) с целью получения от нее материальных богатств, необходимых для процветания человечества.

Современный философский дискурс основных вызовов, с которыми столкнулось человечество в нашу эпоху, которую мы называем постиндустриальной, информационной, цифровой, вскрывает глубинный общественно-противоречивый характер последствий использования новейших технологий (и не только информационных). Оптимизм, как уверенность в своем настоящем и будущем, а также психологически позитивное отношение к новым технологиям, как достижениям науки и техники, сочетаются с антисциентистскими настроениями и внедренными еще со времен господства в общественном сознании религии апокалиптическими сентенциями.

Внедрение цифровых технологий – объективный процесс развития постиндустриального общества, в котором информация, возможность ее быстрого распространения и получения, возможность влияния на ее содержание и объем, а в целом управление информационными потоками, определяют конкурентоспособность сфер бизнеса, использующих ИТ технологии. При этом меняется профессиональная структура общества, постепенно исчезают многие традиционные профессии (кассиры, бухгалтеры, диспетчеры и др.), появляются новые основания дифференциации общества на умеющих пользоваться различными артефактами цифровых технологий и не умеющих. Последние – это в основном взрослое, не побоюсь этого слова, пожилое, но еще социально и интеллектуально активное население, образованное, с хорошими знаниями, с богатым жизненным опытом, но проигрывающего молодежи в сфере навыков компьютеризации и информатизации. Такая цифровая селекция касается не только отдельных поколений, но и углубляет различие между Севером и Югом, между бедными и богатыми странами. Можно употребить к этому социальному явлению термин «новое цифровое неомальтузианство».

Коммуникативные технологии формируют виртуальное пространство без времени и границ. Это технологическая сторона реального мирового процесса глобализации, формирования единого мирового пространства, где стираются границы между государствами, единый рынок, мировое разделение труда, мировая валюта и т.д. В виртуальном пространстве объединяющим фактором

являются не финансы, не материальные производства, не семейные и кровнородственные отношения, а социальные сети (facebook, twitter, Instagram, viber и др.). Сети – это виртуальная реальность, которая позволяет вести бизнес (блогерство, интернет-продажи, реклама, знакомства и т.д.), информационно обращенная к огромной анонимной аудитории, позволяющая создать сложные искусственные общества с большим количеством агентов («Second Life»), мгновенно распространять информацию. Есть огромная проблема так называемой сетевой социализации, которая касается как молодежи, так и взрослого населения. Искусственная среда социализации в виде социальных сетей не ориентирована на поиск истины, Поток информации не верифицируется, влияет на сознание и психику человека, особенно на молодежь, как на наиболее подверженную внешним влияниям половозрастную демографическую группу со своими специфическими мировоззренческими чертами. Молодежь не представляет себе жизнь без цифровых средств массовой информации и коммуникации. Появился даже термин, обозначающий детей цифровой эпохи – «цифровой человек», (digital native, Марк Пренски) [7].

Основные характеристики мировоззрения личности эпохи цифровизации – это снижение рационально-понятийного аспекта, логической и концептуализирующей работы разума, стремление оперировать иконической информацией, апеллирующей к эмоциям, формирующей чувственные образы, «картинки», отсутствие потребности к верификации полученной чувственно-образной информации. При этом мгновенное переключение с одного информационного потока на другой, «путешествие» по различным социальным сетям и аккаунтам формирует так называемое «клиповое сознание», наполненное разнообразными фактами, идеями, образами, оценками. Результатом являются мировоззренческий хаос, аберрация сознания, когнитивные искажения, не позволяющие человеку адекватно, объективно оценивать современные общественные процессы, историческое прошлое, выстраивать вектор будущего как своей личной жизни, так и общества в целом [3].

Поколение цифровой социализации получило название «поколение Y и Z». Поколение Y (родились в 80-90 гг.) уже в раннем возрасте вовлечены в цифровую реальность. Массовое распространение Интернета сделало вседоступным огромный массив разнообразной информации. Формируется «клиповое сознание», фрагментарность мировоззрения, невозможность осмыслить, понять информационные потоки. «Сетевое» поколение зачастую интересуется эзотерикой, мистикой, язычеством, дохристианскими верованиями. У них долго длится период инфантильности, они не торопятся принимать на себя обязательства взрослой жизни. В коммуникативных процессах они самоутверждаются одновременно в нескольких чатах, зачастую анонимно, что позволяет им быть раскрепощенными. Ценностью для них являются «лайки», флэш-мобы. У молодёжи Y слишком завышенные ожидания от своего трудоустройства, они предпочитают подстраивать условия работы под свою жизнь, а не наоборот. При этом они трудоспособны, хотят отдачи от своей работы и большего участия в принятии решений, предпочитают использовать гибкое рабочее время [4].

Поколение Z – люди, родившиеся в конце 90-х – в первое десятилетие 21 века. [8] Это первое по-настоящему цифровое поколение, родившееся во времена глобализации и постмодернизма. Подростки поколения Z живут в совсем ином мире по сравнению со своими предшественниками. Для них цифровые сервисы и технологии — это неотъемлемая бытовая часть жизни. Эти подростки отдают предпочтение престижным занятиям, таким, где не требуется тяжёлый физический труд, и для которых чаще всего необходим высокий уровень подготовки и высшее образование. Они занимаются инженерно-техническими вопросами, биомедициной, робототехникой, а также искусством. Это поколение нелегко адаптируется к иерархическим структурам и бюрократическим способам принятия решений. Для поколения Z интернет и гаджеты – продолжение реальной жизни, место, где строятся личные отношения, создаются рабочие места, репутация. Они интересуются изобретениями в области IT технологий, поскольку вся их жизнь (учеба, общение, занятия спортом,

творчество) связаны с новейшими технологиями. Интернет помогает им рано зарабатывать (блогерство, продажи, создание собственных брендов, ведение проектов). Их интересуют общественные проблемы, экология, чутки к социальному неравенству, стремятся к справедливости, хотят творчески работать, самовыражаться, активно отдыхать. Они эрудированы, обучаемы, креативны, обладают свободным мышлением, рано осознают потребность в финансовой независимости. В соцсетях они выстраивают свою репутацию, публичный образ, находят единомышленников, подписчиков, клиентов. Отрицательными проявлениями социализации поколения Z является формирование у них «клипового» сознания, фрагментарного, поверхностного мышления, слабая память (любую информацию можно найти в интернете), быстро переключаются на другое дело, быстро выгорают, не любят критику, реальные контакты, предпочитая им общение в интернете [6].

Не может остаться без внимания и проблема психического и физического здоровья человека в эпоху информатизации, компьютеризации, виртуализации общественного и личного пространства. Ученым, медикам еще предстоит изучить досконально эту проблему взаимосвязи между использованием компьютерных технологий и здоровьем населения. Но уже сейчас ученые и медики бьют тревогу относительно психического здоровья, прежде всего детей [5]. Диагностировано увеличение нервно-психических заболеваний, психопатии, олигофрении. Тревожат и данные об ослаблении, атрофии памяти, вычислительных навыков, концентрации внимания, снижение когнитивных способностей у интернет-зависимых людей, социофобии, невротических состояний. Исследователи выявили изменение структуры головного мозга у интернет зависимых подростков и связывают это с ранним использованием цифровых технологий в образовательном процессе [2; 9]. Трансформация сознания человека в эпоху развития информационных технологий связана и с воспроизведением древнейших, архаичных форм познавательной деятельности, например с анимизмом. Техника одушевляется, очеловечивается, наделяется функциями сознания, в результате развивается новая магия, воздействие на

технический артефакт с помощью определенных ритуальных действий и заклинаний. (Справедливости ради стоит заметить, что и до цифровой эпохи зачастую приглашали священников, которые освящали машины, объекты городской инфраструктуры, корабли и т.д.).

Современные информационные технологии оказали существенное влияние на межличностные коммуникативные процессы. С одной стороны, отмечена тенденция к социальной изоляции, когда человек общается с окружающим миром через социальные сети, а сам реальный мир людей ему чужд, непонятен и даже страшен (социофобия). С другой стороны, расширяется круг общения за счет виртуальных партнеров и сообществ, расширение географии общения. При этом идет процесс оторванности человека от мира, от природы, от общества. Человек живет в своем мире, в вакууме, минимизируя потребность в логическом мышлении, в осмыслении событий, фактов, своего внутреннего мира, потребностей, целей, мотивов и т.д. Массовая доступность сетевого взаимодействия позволяет формировать сетевые сообщества, новые профессии и соответственно рабочие места, мгновенно распространять информацию, включая фейки.

Проживая большую часть своего времени в цифровом формате, вовлеченные в активное сетевое общение (e-mail, IMessage, чат, стена, блог, новости и др.) поколения Y и Z отрываются от взаимопонимания более старшего поколения; и проблема «отцов и детей» в современном формате лежит в плоскости не только разного социального опыта и разных моральных принципов, но и разного способа выражения своих мыслей, переживаний, потребностей, своего внутреннего мира. Новые поколения свободно владеют языком информационных технологий, освоили сетевое интернет-пространство, коммуницируют с помощью цифрового сленга, в то время как поколение их родителей, а тем более бабушки и дедушки, воспитаны на классическом языке мировой культуры, на традиционных семейных, моральных и эстетических ценностях. Проблема взаимопонимания, несмотря на высокий уровень коммуникативных процессов, остается открытой.

В кризисные периоды социальные сети являются важным игроком на информационном поле, особенно когда ведется гибридная война, война без применения военной силы с использованием информационного, экономического, политического давления на потенциального противника с целью переформатирования общественно-экономических отношений и общественного сознания. Наиболее эффективные мероприятия, направленные на продвижение интересов правящих элит, – это использование современных технологий в области средств связи и коммуникаций для дискредитации политики государств, для манипуляции сознанием масс [1]. В этих условиях процесс политической социализации сложен, противоречив, зачастую трагичен, что и наблюдается сейчас в противостоянии Запада и России.

Мы сегодня прекрасно понимаем, что вся наша жизнь пронизана плодами цифровой цивилизации. Но мы не можем превратить себя в ее рабов. Мы сознательные существа, обладающие разумом, интеллектом, волей, эмоциями и чувствами. Перед нами сложнейшая цивилизационная задача – не позволять процессам и обстоятельствам главенствовать над нами, а осознанно развивать себя и мир вокруг нас согласно высшим принципам Истины, Добра, Красоты.

Источники и литература

1. Гибридная война: понятие, суть, особенности и методы противодействия. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/223447202> (Дата обращения 3.03.2022).

2. Ершова Р.В. Искусственный интеллект как психологический вызов // Философия искусственного интеллекта. Всероссийская междисциплинарная конференция. 17-18 марта 2016 г. Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва / Под редакцией академика РАН, д.ф.н., проф. В.А. Лекторского В.А., д.ф.н., проф. Д.И. Дубровского, д.ф.н. А.Ю. Алексеева – М.: ИИнтелл., 2017. – 340 с.

3. Мамедов А.К., Писарева Л.Ю. Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риска. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metamorfozy-tsifrovogo-obschestva-trudnosti-rosta-i-riski/viewer> (Дата обращения 5.03.2020).
4. Соколова Н. Поколение Игрек // Профиль. №34(685). 20.09.2010. – URL: <http://profile.ru/items/?item=30843> (Дата обращения 26.02.2022).
5. Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного Детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. 2011. №1. С. 45- 54.
6. Цифровое поколение: Кто такие «Дети поколения Z». – URL: <https://umnazia.ru/blog/all-articles/cifrovoe-pokolenie-kto-takie-deti-pokoleniya-z> (Дата обращения 26.02.2022).
7. Цифровые аборигены: характеристика и этюды Марка Пренски. – URL: <https://ru1.warbletoncouncil.org/nativos-digitales-4244> (Дата обращения 26.02.2022).
8. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений: Необыкновенный Икс. – М.: Синергия, 2016. – 192 с.
9. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг // пер. А.Г. Гришин. – М.: АСТ, 2014. – 276 с.

Языковая личность в контексте коммуникативных систем искусственного интеллекта

Чудновская Ирина Николаевна

к. фил. н., доцент

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: soccomsys@mail.ru

Современный этап разработок коммуникативных систем искусственного интеллекта несмотря на значительные достижения в этой области нуждается в междисциплинарном развитии методологической базы. С этой целью в статье предлагается рассмотрение понятия «языковая личность» с его категоризацией в смежных науках. Особое внимание уделено прагматическому параметру, позволяющему минимизировать коммуникативные риски в социальном взаимодействии человека с системами искусственного интеллекта.

Ключевые слова: языковая личность, искусственный интеллект, социальная коммуникация, социология языка, семантика, этика.

Linguistic personality in the context of artificial intelligence communication systems

The current stage of development of artificial intelligence communication systems, despite significant achievements in this area, needs an interdisciplinary development of the methodological framework. To this end, the article proposes to consider the concept of "linguistic personality" with its categorization in related sciences. Special attention is paid to the pragmatic parameter that allows minimizing communicative risks in human social interaction with artificial intelligence systems.

Key words: linguistic personality, artificial intelligence, social communication, sociology of language, semantics, ethics.

Сфера создания искусственного интеллекта формирует вызов целому ряду научных направлений, как новейших, так и имеющих свою продолжительную историю. С точки зрения развития теории искусственного интеллекта такая междисциплинарность носит амбивалентный характер, с одной стороны, конструируя голографический взгляд на объект, с другой стороны, создавая мозаичность взгляда. Соответственно, многие трудности связаны с достижением междисциплинарного консенсуса и сложностью выработки методологической базы.

Появление термина «искусственный интеллект» датируется 1956 годом, уже через три десятилетия выходит в свет двухтомная энциклопедия искусственного интеллекта [16], а вскоре и трехтомная [5], что служит свидетельством быстрых и заметных достижений в данной сфере. Однако, если посмотреть на разработки наук, глубоко осмысляющих конкретные смежные сферы, связанные с новым научным направлением, то можно увидеть, что его методологическая база требует серьезного дальнейшего осмысления. Достаточно отметить, что, как видно по работам в области когнитологии [8], довольно непросто развести терминологически базовые понятия «интеллект», «ум», «разум», «знание» и т.п., сопоставить их с не менее сложными понятиями «сознание», «мышление».

Современный подход к интеллекту, особенно в прагматическом образовательном аспекте, категоризирует данное понятие и выделяет конкретные виды интеллекта: физический, чувственный, сексуальный, творческий, социальный, возрастной, личностный [9]. В таком случае неизбежно возникает вопрос о соотношении данной диверсификации у естественного интеллекта и искусственного. Есть большая вероятность, что в будущем ответ на этот вопрос будет положительным. Сейчас сохраняется взгляд по поводу ориентированности искусственного интеллекта на компьютерную имитацию разумного поведения человека, однако претерпевает изменения подход к установлению конкретных составных предметных областей научного исследования искусственного интеллекта. К началу XXI века приоритетными

предметными областями работы над искусственным интеллектом были признаны автоматический / машинный перевод, распознавание естественного вербального языка, слуховых образов, зрительных образов, управление роботами и т.п.

Перечисление актуальных приоритетных областей, сопоставление понятия «интеллект» с мыслительной когнитивной деятельностью человека указывают на несомненную значимость роли языка в создании искусственного интеллекта. Будучи специфическим признаком человека, язык уже давно занимает свою позицию в предметных областях целого ряда наук. Особое внимание ему начали уделять с развитием теоретических и прикладных исследований искусственного интеллекта. Когнитивная парадигма предполагает, что возможно моделирование когнитивной деятельности человека. Как указывается в [20], искусственный интеллект включает моделирование когниции человека. На наш взгляд, для достижения этой цели для начала необходимо иметь дело не вообще с человеком, а с его некоторой моделью, адекватной для определенного этапа достижения научной цели. Такой моделью на начальных этапах может послужить разработанная в науках о языке и обществе концепция языковой личности, с опорой на прикладную аргументацию японской социолингвистической теории языкового существования. По ее данным, полученным эмпирическим путем, в течение своего бодрствующего состояния подавляющее количество времени человек находится в языковой среде. Из этого может быть сделан вывод, что ориентация человека в физическом или социальном пространстве во многом определяется языком. Следовательно, если речь идет о компьютерной имитации разумного поведения человека, необходимо принимать в расчет его языковое поведение.

В лингвистике как науке о языке по мере ее развития также наблюдаются перемены в предметных приоритетах исследования. Во второй половине XX века заметен явный сдвиг интереса в сторону семантики и в сторону человеческого фактора при изучении языка. Параллельно отметим, что эти пункты взаимосвязаны.

Термин «языковая личность» был введен в 1930-е годы В.В. Виноградовым, однако концептуальное ее описание получено прежде всего благодаря Г.И. Богину [2], Ю.Н. Караулову [6], в 1980-е годы. Караулов определяет языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [6, с. 49]. На основе данной дефиниции выводятся три основных параметра языковой личности: вербальный, когнитивный и прагматический. Вербальный параметр описывает уровень знания естественного языка, когнитивный представляет идеи, концепты, картину мира, прагматический параметр включает в себя цели, мотивы, интересы, установки. Если вербальный и когнитивный параметры обязательно учитываются разработчиками искусственного интеллекта, то прагматический аспект еще ждет своей более полной междисциплинарной разработки, в частности социолингвистической.

Языковая личность – настолько значимое понятие в современном социальном мире [1], что стало отраслеобразующим в научном мире, давая основание для зарождения лингвистической персонологии [10], однако большой вклад в изучение языковой личности внесла социология языка. Социология языка институализирована как отрасль социологии, исследующая «взаимосвязь общества и языка, социальные функции языка, роль в обеспечении социального контроля, языковые различия как отражение социальной структуры и стратификации, корреляции между языковыми средствами и социальными статусами, ролями и т. д.» [12, с. 336]. Социология языка показывает, что в функциональном плане языковая личность адаптируется к конкретным социальным и ситуативным изменениям в коммуникации, выбирая соответствующие им вербальные средства [13], которые способны выразить в том числе эмоциональное состояние говорящего, этическую составляющую коммуникативного акта, связанную с социальностью коммуникантов. В этом

плане в социологии коммуникации наряду с «языковой личностью» порождаются новые понятия – «коммуникативная личность» [7], «дискурсивная личность» [4], соотношение которых еще предстоит выкристаллизовать.

Функциональная сторона искусственного интеллекта в перспективном аспекте позволяет выделять две его модификации: слабую и сильную. Сейчас в первую очередь можно говорить о достижениях в области слабого искусственного интеллекта, сильный с его полноценной субъектностью пока относится скорее к области футурологии и художественного вымысла. Именно с сильным искусственным интеллектом ожидаемо связывать проблемы человеческих коммуникативных качеств, в частности этичности, эмпатии, однако и на уровне слабого искусственного интеллекта в его реальном функционировании может актуализироваться социальная оппозиция «свой vs чужой». Данная оппозиция изначально не закладывается разработчиками при создании системы, но прагматический показатель языковой личности этой системы способен сформировать такие социальные отношения. В существующих системах виртуальных помощников, чат-ботов разработчики нередко визуализируют и обозначают их в виде не человека, а робота [17], как бы заранее оставляя себе возможность прощения в случае причинения этического вреда пользователю от искусственного «другого».

Семантика отражает не только денотативные, но и коннотативные показатели, раскрывающие индивидуальный, групповой, общенациональный и другой опыт коммуниканта. При этом коннотативные значения, как правило, не фиксируются в словарях и могут носить временной характер, значительно изменяясь даже в относительно короткие промежутки времени. Соответственно, при разработке конкретных прикладных коммуникативных систем, связанных и использованием искусственного интеллекта, может быть необходим такой контроль (назовем его «коннотационный мониторинг») над задействованным в системе лексиконом. В качестве частного примера можно привести ситуации с резкими изменениями в отношении, казалось бы, изначально совершенно нейтральных слов «белый», «черный», «мать», «женский пол», «мужской пол»,

«радуга» и т.п., обусловленными социально-политическими изменениями в современном обществе.

Функционал коммуникативных систем, связанных с искусственным интеллектом, методично расширяется, входя в сферы искусства, образования, медицины, спорта, маркетинга, транспорта, досуга и другие области человеческой жизнедеятельности. Развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет, с одной стороны, приблизить эти коммуникативные системы к массовому потребителю, с другой стороны, кастомизировать коммуникацию. Но и в первом, и во втором случае у потребителя возникают пожелания к форме сообщения и качествам передатчика информации. Эти требования во многом мотивированы запросами потребителя на повторение комфортной естественности и в рамках коммуникации с искусственным партнером по общению. Будь то система информирования или система диалога, человек как ее потребитель ожидает, что в коммуникации будет сохранено его лицо (позитивное и негативное), что будет проявлено уважение к различным видам его идентичности, его системе ценностей. У искусственного коммуникатора человек ожидает получить языковую личность, адекватную его естественным социально-психологическим ожиданиям.

Особый упор делается именно на личность языковую, т.к. довольно часто искусственный коммуникатор не представлен визуальным образом. В таких обстоятельствах, ограничивающих естественный привычный интегральный набор источников получения информации, потребитель имеет дело прежде всего с вербальной и просодической информацией. В современных системах искусственного интеллекта разработки этих аспектов находятся на достаточно высоком уровне в плане повторения специфики литературного языка. Учитываются в той или иной мере все основные стили литературного языка: административно-деловой, научный, публицистический, художественный, разговорный [3] и даже связанные с ним определенные типы речевой культуры: полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный, литературно-жаргонизирующий и обиходный [11]. Иными словами, вербальный

параметр языковой личности представлен объемно и продолжает совершенствоваться. Проблемами естественности звучания синтезированной речи занимались еще в советское время и достигли заметных результатов в этой области (см., например, системы речевого синтеза Б.М. Лобанова, О.Ф. Кривновой) [14, 19].

Мощной зоной роста остается при этом прагматический параметр языковой личности искусственного коммуникатора. Спектр его проявления значителен: от акустики до семиотики. Так, в коммуникативных системах виртуальных голосовых помощников, как выясняется на практике, потребителю немаловажно не только то, насколько естествен и приятен по звучанию голос искусственного коммуникатора, но и его пол. Такой выбор может быть обусловлен этническими нормами, гендерными предпочтениями, культурными привычками и другими детерминантами. В диалоговых системах значительным фактором успешности коммуникации выступает соблюдение этических правил. Требование понятное, но сложно операционализируемое. Однако в области социологии языка такая скрупулезная работа уже ведется. Большой вклад в разработку социально-языковых проблем с учетом социально-психологических особенностей личности вносят этико-коммуникативные исследования вежливости [15], где уже описаны стратегические коммуникативные алгоритмы и лингвистические формулы поддержания «лица» коммуникантов. И речь здесь идет не о «борьбе лучшего с хорошим», а об уходе от возможного порождения нежелательной агрессивности, о формировании социально-коммуникативного комфорта во время взаимодействия с участниками и акторами новой коммуникативной среды.

Как выяснилось в 2022 году при опросе Ipsos [18], проведенном в 28 странах для Всемирного экономического форума, в среднем в мире 60% думают, что в предстоящие 3-5 лет услуги и продукты с использованием искусственного интеллекта глубоко изменят их повседневную жизнь; 60% опрошенных утверждают, что продукты и услуги с использованием искусственного интеллекта облегчают их жизнь. При этом лишь половина считает, что

преимуществ у них больше, чем недостатков, а 40% респондентов признаются, что услуги и продукты с использованием искусственного интеллекта заставляют их нервничать. Понятно, что такое положение дел по поводу доверия новым коммуникантам, особенно по отношению к повседневности, обусловлено целым рядом причин, однако с большой долей вероятности можно утверждать, что новые системы усовершенствованной коммуникации продолжают сохранять возможности «акта, угрожающего лицу».

Очевидно, что многое в обсуждаемом аспекте подвластно разработчикам, но для этого необходим именно междисциплинарный взгляд на перечень достаточных требований к коммуникативным системам искусственного интеллекта. И на данном этапе пришло время вступить в диалог с новыми отраслями социологии, психологии, персонологии, этики. Такой союз наук видится продуктивным и для развития самих конкретных наук, обогащающихся новыми понятиями и концепциями.

Источники и литература

1. Аниськина Н.В. Языковая личность современного старшеклассника: Дис. ... канд. фил. наук. Ярославль, 2001.
2. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис.... д-ра фил. наук. Л., 1984.
3. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избранные труды. – М.: Наука, 1980.
4. Ермоленкина Л.И. Дискурсивная личность в коммуникативном пространстве современного радио // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. 2 (179). С. 37-40.
5. Искусственный интеллект: В 3 кн. Справочник. – М.: Радио и связь, 1990.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Высшая школа, 1987.
7. Конечкая В.П. Социология коммуникации. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997.

8. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
9. Мозг на 100%. Интеллект. Память. Креатив. Интуиция / О. Кинякина и др. – М.: Эксмо, 2015.
10. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. линг. ун-та. – М., 1996. №426. С. 112-116.
11. Сиротинина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. / Под ред. М.А. Кормилициной. – Саратов, 2003. С. 3-19.
12. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – Г. В. Осипов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА • М), 2000.
13. Фишман Дж. Кто говорит на каком языке, с кем и когда? / Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С.63-75.
14. Чудновская И.Н. Исследование акустических параметров звуков русской речи на микросегментном уровне: Автореферат дис. ... канд. фил. наук. М., 1997.
15. Brown P., Levinson S. Politeness: some universals in language usage. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014-01-01.
16. Encyclopedia of Artificial Intelligence / Stuart C. Shapiro, David Eckroth (Ed.). Vol. 1-2. Wiley-Interscience, 1987.
17. <https://nanosemantics.ai/projects/>
18. <https://www.ipsos.com/ru-ru/60-oproshennykh-v-rossii-zhdut-cto-iskusstvennyy-intellekt-izmenit-ikh-zhizn>

19. Schröder M. Emotional speech synthesis: A review // Proc. 7th European Conf. on Speech Communication and Technology, Aalborg, Denmark, 2001. – P. 561-564.
20. Wilks Y.A. Bad metaphors: Chomsky and artificial intelligence // Noam Chomsky: Consensus and controversy. N.Y., 1987. – P. 197-206.

Digital economy for the management of covid-19 consequences in China

Pisareva Larisa

associate professor of the Institute of Economics and Finance,

North-Eastern Federal University

E-mail: pisareva@inbox.ru

Fan Yuqi

master student of the Institute of Economics and Finance,

North-Eastern Federal University

E-mail: yukiha@yeah.net

In the article it is discussed the influence of COVID-19 on the labor market in China and the role of digitalization for helping the labor force in post covid crisis mitigation. The discussion is framed around the worries of aging population of mainland China connected to either losing their jobs or not finding jobs in the nearest future. In the face of the rapid development of the world the elderly are anxious that they can't keep up with the trend of society and will be eliminated by it. The article provides a short review of this situation as well as some suggestions for solving the problems. The review is based on the data of periodical scientific journals devoted to the topic.

Key words: mainland China, COVID-19, post covid crisis, digital economy, aging population, jobs, digitalization, management of COVID-19 consequences.

Introduction. Since the emergence of COVID-19 in late 2019 the virus has undergone multiple rounds of mutation. After repeated outbreaks of the epidemic in mainland China the government has finally opened up a path of normalization management under the current relatively stable situation so that people gradually returned to a normal life, students resumed school and enterprises resumed work. Although the emergence of COVID-19 seems to have stopped all progress it has played

a significant role in promoting the development of China's digital economy, especially the application of digital economy in education, enterprise and medical care which has accelerated the completion of digitalization. However, things did not always go smoothly and other problems emerged in the process of development. When the epidemic comes people are often unable to participate in work normally facing the long-term home quarantine control. Occasional outbreaks of the epidemic cause enterprises to stop production. At the same time enterprises realize that nowadays digitalization can provide the high efficiency of mechanical equipment while substituting some simple jobs by machines. It will gradually result in a large number of unemployed people. In addition to the employment problem there is also the network security problem. Although the Chinese mainland pays more attention to network infrastructure the network security and network fraud problem is also deeply troubling people.

Moreover, COVID-19 has not only affected the physical health of people all over the world but also their mental health. In particular the aging of the population in mainland China is becoming more and more serious.

1. COVID-19 and its management

Corona Virus Disease 2019 (COVID-19) is an acute respiratory infectious disease caused by a newly emerging coronavirus type 2 (SARS-CoV-2), Virus. Since the end of 2019 it has been popular all over the world. COVID-19 is undergoing constant changes which results in a variety of mutant strains (also known as mutant strains). At present, according to the weekly epidemiological update of the World Health Organization, "Omicron" subtype variant strain BA.2 has rapidly spread to 57 countries and regions around the world [1]. As the virus continues to mutate and develop this uncertain threat always exists. COVID-19 is a disastrous blow to countries all over the world. China has always been trying to protect people's lives through various means and try to gradually return people's lives to normal. After the initial outbreak of the Chinese mainland the overall outbreak was sporadic. Overseas imported cases were also strictly and effectively controlled. The state promoted the resumption of work, resumed production and reeducation in an orderly way. The

epidemic prevention and control work was transformed from emergency to normal management.

COVID-19 has brought a heavy blow to the economy in the short term in this outbreak and China is no exception. In the face of isolation, people stay at home for a long time and can't go out to work, study, shopping, and entertainment, especially the traditional service industries such as catering and tourism that have collapsed. Most enterprises are even facing bankruptcy liquidation. However, this epidemic occurred in the rising stage of the development of digital economy. Due to the vigorous development of digital economy China has not only alleviated the negative impact of possible economic crisis but has also further promoted the high-quality development of China's economy under the opportunity brought by the epidemic. So, what are the specific applications of digital economy and which industries are moving towards digitization?

2. Educational digitization

According to the National Bureau of statistics, the number of students in Chinese mainland schools in 2021 was 267 million accounting for 19% of the total population. Students are the future hope of the country. When the outbreak of COVID broke out the Ministry of education of China had issued the instruction of “non-stop teaching and non-stop learning” which made the education digitization develop rapidly [2]. New teaching modes such as webcast teaching and remote conference teaching have broken through the restrictions of the traditional class teaching system of education that is the teaching at the same time and in the same space. Many online course resources enabled students to flexibly choose the content resources they were interested in to meet the needs of their personal development. In addition, high-quality curriculum resources provided strong support for areas with backward educational resources which was conducive to promoting educational equity and improving educational quality. On March 28 of 2022 “The Smart education of China” platform was officially launched including primary and secondary education, vocational education and higher education which signified the phased achievement of the national education digitization strategy. At the same time with the increasingly severe global epidemic online education has

become an irreplaceable way of education. In the future online education users will continue to grow and there will be more needs to speed up the process of educational digitization.

3. Enterprise digitization

Affected by the epidemic the real economy has been severely hit and the severe business situation forces enterprises to improve their adaptability through digital transformation. The 14th five-year plan for national economic and social development of the people's Republic of China and the outline of long-term objectives for 2035, issued in 2021, has clearly stated the plan to accelerate digital development and build a digital China. In the future the country will strive to create new advantages of digital economy, accelerate the construction of digital society, improve the construction level of digital government and create a good digital ecology. The intelligent manufacturing has become the mainstream of manufacturing development and a pillar industry of China's real economy. The decrease in the flow of people in offline jobs and factory workshops promotes the construction of intelligent factories and the increase in the demand of intelligent manufacturing. With the sustained and rapid development of China's industrial robot industry the original offline business of manufacturing enterprises is transformed nowadays into unmanned and intelligent [3].

4. Medical digitization

The novel coronavirus pneumonia is a public health emergency which undoubtedly aggravates the burden of medical and health services. Especially in the early days of its spread the lack of medical resources has aggravated people's panic. The root cause of this burden is the low efficiency of the medical industry. The benefits of digital upgrading in the medical industry are systematic and multifaceted. For example, whether the hospital operation mode changes from extensive to fine management the further improvement of medical quality and safety or outpatient appointment, robot guide, remote diagnosis and treatment, online diagnosis and treatment, automatic matching dispensing and other services all need the support of informatization, digitization and intelligence which improves the overall operation efficiency of the hospital from top to bottom [4].

5. Conclusion

These are the three most important applications of digital economy in Chinese mainland and, of course, the development of digital processes in other fields is also very rapid such as government administration and unmanned warehousing in untouched industries. All aspects show that China is actively promoting the development and transformation of digital economy. Different from the previous single "Internet + industry" model industrial digitization is a higher-level digital model that perfectly integrates information technology and industry with the development of China's 5G infrastructure.

In the face of such a rapid development model we should be more vigilant and solve the problems in time. The first point is unemployment and employment. Since the digital economy can improve production efficiency enterprises will use machines to replace simple work for a large scale production to save expenses meaning that some relatively mechanical jobs will be gradually replaced and then disappear. Under the repeated epidemic situation the company will also lay off workers on a large scale due to financial problems. The second point is network security. In the era of digital economy consumers and enterprises are more dependent on the convenience brought by digitization. But online fraud occurs frequently and a digital transaction security problems connected to online payment cannot be underestimated. If we fail to regulate the technology and system in time it will certainly bring a deeper blow to people who are already suffering from the epidemic. The third point is people's psychological problems. The common features of people's panic psychology are anxiety and depression, stigmatization and conformity psychology [5]. A healthy person should have not only a healthy body but have a healthy mind. Especially the large-scale elderly population. According to the VIIth National census there are 260 million people aged 60 and over including 190 million people aged 65 and over. They may show more anxiety in the face of such rapid development and changes in the world.

Some possible suggestions for solving these problems can be as following. First, employees of all social and age groups should realize the importance of improving their abilities and skills and build themselves into higher-level strata of talents which meets

the needs of society. Second, the state should attach importance to training of network talents and formulate relevant laws and regulations as well as severely punish network criminals. The network is not an illegal place. Third, the state should pay attention to the mental health education of people of all ages, especially the psychological counseling of the elderly population. We can use the community to carry out smart phone teaching for the elderly so that the elderly will not be abandoned.

References

1. Xie Youcheng, Kang Yinnan, Gao Chun, Liu Shanshan, Zheng Liting, Yu Xiaohui, Zhang Jiucong. Novel Coronavirus "Omicron Subtype Variant Strain BA.2" The Latest Research Progress [J/OL]. Journal of Hainan Medical College :1-9[2022-03-28]. <https://doi.org/10.13210/j.cnki.jhmu.20220322.001>.
2. Wang Yunwu, Wang Yuru, Li Yanxin, Li Dan. Countermeasures and suggestions for improving the quality of online education during epidemic prevention and control [J]. China Medical Education Technology 2020,34(02):119-124+128. DOI:10.13566/j.cnki.cmet.cn61-1317/g4.202002001.
3. Wang Yangjie, Tang Xiangbo, Chen Xiaohong. Development opportunities and strategies for the digital economy industry in China under the influence of new coronavirus pneumonia [J]. Science Research Management, 2020,41(06): 157-171. DOI:10.19571/j.cnki.1000-2995.2020.06.017.
4. Zhang Xiaoli. Digital transformation: promising and long way to go [J]. China Hospital CEO, 2021,17(24):44-45.
5. Jin Yinchuan, Song Lei, Li Fengzhan. Psychological phenomenon of covid-19 pneumonia and Its Enlightenment to education [J]. Health Vocational Education, 2021, 39(21):13-15.

La Smart City, vers une éthique du nombre et des algorithmes: une quête de vérité

Laurence Vanin⁸

Chercheur au laboratoire «Risques, Epidémiologie, Territoires, Informations, Education et Santé» RETINES, et Responsable de l'axe de Recherches "Philosophie et Ethique en Santé" à l'Université de Nice Côte d'Azur.

Expert de l'Institut Europ IA. Expert du Smart Deal. Expert SAFE - Safe Cluster.

Directeur du Comité d'Ethique de INR. Nice, France

La Smart City ou ville de demain est en perpétuelle évolution car elle doit en permanence intégrer des critères qui en change continuellement le plan, le projet. Même si elle incarne la sédentarité des populations, elle se veut en perpétuelle transmutation car elle doit se conformer aux exigences des normes de sécurité, aux désirs des hommes. Elle est dynamique et se caractérise par une mobilité créative constante. Tout comme l'explique Lévi-Strauss dans *Tristes Tropiques* le paysage urbain évoque surtout une rythmique, toute en musicalité parce que la ville est un espace de «*mise en tension*» qui permet d'augmenter la réalité en donnant son efficience à une profusion de possibilités.

De fait, la population urbaine est passée durant le XXe siècle de 220 millions à 2,8 milliards d'habitants et en 2050 plus de 70 pour cent de la population mondiale vivra dans des métropoles ou mégapoles. Les statistiques ne peuvent laisser indifférents⁹. Elles dictent les orientations.

⁸ PHD/ HDR Laurence Vanin, Titulaire de la Chaire *Smart City: Philosophie & Ethique* - IMREDD -Université Côte d'Azur. Nice. Chercheur au laboratoire «Risques, Epidémiologie, Territoires, Informations, Education et Santé» RETINES, et Responsable de l'axe de Recherches "Philosophie et Ethique en Santé" à l'Université de Nice Côte d'Azur. Expert de l'Institut Europ IA. Experts du Smart Deal. Expert SAFE – Safe Cluster. Directeur du Comité d'Ethique de INR.

⁹ Cf. CMI, Seban & Associés et IFSTTAR, *Innovation et villes durables, repères pour l'action*, Marne la Vallée, Advancity, 2015. Danielou Jean, *La ville intelligente, état des lieux et perspectives* en France, Paris, Commissariat Général au Développement Durable, Etudes é documents, N° 73, Novembre 2012.

Les chiffres «*parlent*» et impactent les décisions qui se calent sur les contraintes chiffrées et norment les choix. Ces chiffres qui étayent les effets d'annonce désignent ainsi un ensemble de signes qui suscite le questionnement sous-tendent parfois un discours alarmiste, motive l'imaginaire et l'inventivité indispensables à l'émancipation des technosciences.

Aujourd'hui, il importe de réfléchir sur les motivations qui animent les décideurs et acteurs des changements en matière de villes «*Intelligentes*» car souvent ils justifient les besoins des habitants par rapport à des statistiques, des probabilités qui légitiment la création de Smart City technocentres qui apparaissent alors comme des villes solutions (I). C'est pourquoi il importe de s'interroger sur ce qu'est une Smart City afin de comprendre comment l'IA est un véritable outil d'aide à la décision pour les villes désireuses de s'émanciper de leur contraintes (II).

Néanmoins, si la ville connectée demeure un espace de collecte des données, il importe aussi de comprendre comment elles sont traitées, ce qu'elles signifient et en quoi elles peuvent être porteuses d'une signification «*algorithmique*» incompréhensible ou inaccessible aux usagers qui ne sont pas familiers du langage informatique (III).

Mais qu'en est-il vraiment?

Mots clés: smart city, intelligence artificielle, vérité, algorithme, langage, mathématiques, liberté.

«Умный город» и этика цифровых технологий: поиск истины

(Перевод Максимова А.А.)

Концепция умного города или города завтрашнего дня находится в перманентном развитии. Причиной этому служат всё новые критерии, интегрируемые в проект умного города, которые постоянно дополняют или изменяют его план. Несмотря на то, что концепция умного города предполагает оседлый (стабильный) образ жизни его населения, она тяготеет к вечной трансформации ввиду того, что город должен соответствовать требованиям

стандартов безопасности и желаниям жителей. Концепция умного города динамична и характеризуется постоянной творческой мобильностью. Как объясняет К. Леви-Стросс в своей работе «Печальные тропики», городской пейзаж, прежде всего, ритмичен и музыкален, потому что город — это пространство «напряжения», которое позволяет расширить реальность и создаёт обилие возможностей.

Фактически городское население увеличилось за XX век с 220 миллионов до 2,8 миллиарда жителей, и к 2050 году более 70% населения мира будет проживать в крупных городах или мегаполисах. Статистика никого не может оставить равнодушным. Она отражает тенденции.

Цифры влияют на принятие решений, основанных на количественных ограничениях. Эти цифры отражают сложившееся положение и свидетельствуют о наборе признаков, которые могут вызывать тревогу, мотивировать воображение и изобретательность, так необходимые для эмансипации в области технических наук.

Сегодня важно задуматься о том, что мотивирует тех, кто принимает решения и участвует в преобразовании городского пространства, на основе анализа потребностей его жителей, оправдывая создание техноцентров - «умных городов», деятельность которых затем находит отражение в решениях для самого города (I). Важно задаться вопросом, что такое умный город и понять, почему и каким образом искусственный интеллект является реальным инструментом в принятии решений для городов, желающих освободиться от своих ограничений (II).

Вместе с тем, если такой город представляет собой пространство для сбора данных, важно понимать, как эти данные обрабатываются, что означают и каким образом несут в себе «алгоритмический» смысл, непонятный или недоступный для тех, кто незнаком с информационными технологиями (III).

Что же на самом деле такое «умный город»?

Ключевые слова: умный город, искусственный интеллект, правда, алгоритм, язык, математика, свобода.

I- La Smart City: une performance ou une ville solution?

Les chiffres justifient l'efficacité technique, qui elle-même sert le moyen d'accéder à une fin. Elle se veut utile. Toutefois, la réussite de la technique s'obtient au prix d'une économie de moyen pour un maximum d'efficacité. Certes la technique modifie les conditions de vie mais aussi impacte les façons de penser. D'autant qu'avec la Révolution industrielle 4.0¹⁰ les performances techniques et la confluence entre l'Internet et l'I.A ont multiplié les possibilités d'améliorer la qualité de vie, la santé en proposant un autre modèle économique.

Ce constat mathématique¹¹ sur la concentration d'individus sur un périmètre restreint met en évidence d'autres facteurs – que ceux évoqués précédemment – auxquels la Smart City va notamment devoir faire face: la mobilité, la sécurité, la concentration des besoins, etc.

- La question de la mobilité a bien rapidement pris une avance sur les autres sujets car elle touche à la nécessité de répondre à deux exigences: se déplacer sans difficulté et écologiquement. Les municipalités sont soucieuses de fluidifier le trafic urbain et périurbain mais aussi de préserver la santé des usagers. La ville devient le lieu de l'entre-expression des réseaux de transports (bus, trams, métros, etc.) et des réseaux piétons (zone piétonnes et trottoirs interactifs).

Dans de nombreuses villes intelligentes sont utilisés des capteurs embarqués afin de surveiller certains modèles de trafic routier et de zones d'embouteillages courantes afin d'améliorer les conditions de circulation. Les données collectées peuvent simplement mettre en évidence des dysfonctionnements et les solutions peuvent ainsi être trouvées afin de répondre au cas par cas aux réalités de terrain. Les technologies intelligentes permettent aussi de repérer et de pourvoir à l'éventuelle détérioration des

¹⁰ «De tous les défis multiples et fascinants auxquels nous sommes confrontés aujourd'hui, le plus important est de comprendre et orienter la nouvelle révolution technologique, qui n'implique rien de moins qu'une transformation de l'humanité. Nous sommes à l'aube d'une révolution qui bouleverse déjà notre manière de vivre, de travailler et de faire société. Ce phénomène inédit par son envergure et sa complexité constitue ce que je considère comme la Quatrième Révolution Industrielle. » Klaus Schwab, *La quatrième révolution industrielle*, ED. Dunod, p. 11.

¹¹ CF. Caird S, Hudson I, Kortuem G, *A tale of Evaluation and Reporting in UK Smart Cities*. Milton Keynes, Open University, Faculty of Mathematics Computing and Technologie, 2016.

équipements comme les feux de signalisation et les panneaux lumineux pour les piétons. Elles quantifient aussi l'effet du trafic sur l'environnement.

- La concentration élevée du nombre d'individus au cœur des villes pose aussi des problèmes d'insécurité. Les villes intègrent donc la demande sécuritaire des habitants, c'est pourquoi la vidéo surveillance, par exemple, est en plein essor. La cybersécurité connaît également une réelle évolution avec l'intégration de technologies de reconnaissance faciale à ces caméras, pour l'identification d'individus suspects ou dangereux. En plus de la reconnaissance faciale, les caméras de vidéosurveillance dernier cri sont également équipées de détecteurs de mouvements et de fumée, et pourvues d'alarmes incendie. Ces villes envisagent de s'équiper de « lanceurs » d'alarme afin de réduire le temps d'intervention des services de secours. L'installation de boutons d'alarme fixes à travers la ville facilitera aux forces de l'ordre le repérage précis de leur lieu d'intervention et de diriger la circulation à l'aide des technologies intelligentes pour arriver plus rapidement à destination.

Bien d'autres idées sont mises en application et améliorent la sécurité publique.

- La Smart City projette d'offrir des conditions de vie optimales réunies dans un habitat totalement adaptable conciliant efficacité énergétique et confort thermique en vue du bien-être des résidents. Elle envisage de changer d'allure avec des architectures mêlant le verre et le vert afin de manifester le désir de transparence et le besoin d'accorder une place prépondérante aux végétaux. Si les espaces sont reconsidérés avec une verticalité favorable à la construction de nombreux logements, elle ouvre aussi à la création de jardins suspendus. Un visuel qui semble alors incarner la quête d'un certain retour à la nature par l'entremise d'une culture¹² et par une hyper végétalisation des façades, des espaces communs.

Par ailleurs, l'attention portée aux données collectées a pour effet de générer un

¹² « Pourquoi une pelouse ? "Parce que c'est joli, une pelouse", pourrait répondre le couple. Mais pourquoi les trouve-t-il jolies ? C'est l'aboutissement d'une longue histoire. Les chasseurs-cueilleurs de l'âge de pierre ne cultivait pas l'herbe à l'entrée de leurs cavernes. Aucune verte prairie n'accueillait les visiteurs de l'Acropole athénienne, du Capitole à Rome, du Temple de Jérusalem ou encore de la Cité interdite à Pékin. L'idée de faire pousser une pelouse à l'entrée des demeures privées et des bâtiments publics est née dans les châteaux des aristocrates français et anglais à la fin du Moyen-Age. » Yuval Noah Harari, *Homo Deus, une brève histoire de l'avenir*. Ed. Albin Michel, p. 72.

réaménagement du territoire par la transformation des services et un changement de politique de la ville. Elle tend à faire évoluer le concept de Smart City. La Smart City s'appuie donc sur les technologies et les capacités de l'industrie digitale afin de se réapproprier l'espace urbain et de favoriser chez les citoyens une prise de conscience susceptible de modifier leurs comportements pour qu'ils deviennent coproducteurs des services dont ils ont besoin.

En conséquence, les données¹³ entrent en jeu et initient l'évolution des raisonnements qui intègrent de plus en plus les menaces à venir afin d'anticiper sur les «risques» ou les catastrophes. Le pouvoir des données recueillies s'impose car elles ne mentent pas. Elles disent une autre réalité et rendent visibles des phénomènes qui ne peuvent laisser indifférents (pic de pollution, nombre d'hospitalisations qui s'ensuivent, qualité de l'air, etc.). Dès lors les ingénieurs et acteurs du territoire se saisissent de ces éléments afin d'influer les politiques de la ville et de formuler¹⁴ un projet de Smart City écoresponsable susceptible de devenir pour tous: une évidence.

II- Du nombre au numérique: une cité connectée au service des hommes ou une entrave à leur liberté?

Avec l'Internet des Objets, la ville toute entière devient connectée afin de créer des services inédits qui octroient aux divers acteurs de la ville – collectivités et opérateurs – la possibilité d'être plus efficaces dans leurs activités.

Grâce à son fort taux de numérisation, la ville devient de plus en plus attractive pour les individus. Elle propose un meilleur niveau de services (transport, loisirs...), une plus grande sécurité sans oublier un cadre de vie plaisant. La ville est aujourd'hui, et certainement plus encore demain, en concurrence avec ses paires du monde entier. Elle se doit donc d'être performante. Ainsi, le numérique est-il devenu un des vecteurs essentiels de cette compétitivité.

Les informaticiens se sont associés aux ingénieurs et urbanistes afin de traduire numériquement les données et de proposer une manière inédite de traiter l'information.

¹³ CF. *Guide pratique et notices juridiques à destination des collectivités territoriales et de leurs groupements. Les enjeux du big data territorial*, Paris, FNCCR, 2016.

¹⁴ CF. Laugier R, *La ville de demain : intelligente, résiliente, frugale, post-carbone ou autre, synthèse documentaire*, Paris, CRDAL, Ministère de la transition écologique et solidaire et Ministère de la cohésion des territoires, 2013.

L'objectif Smart City a accentué la vitesse d'innovation dans les entreprises et transformé la vision des dirigeants. Le concept a engendré la disruption¹⁵.

La transformation numérique a permis aux entreprises d'intégrer toutes les technologies digitales disponibles au sein de leurs activités. Ces procédés ont pour vocation d'améliorer la performance et la production des entreprises et favorisent leur croissance. Elles souhaitent répondre aux besoins des clients et surtout délivrer les bonnes prestations au bon moment. Pour y parvenir elles désirent connaître leurs clients et futurs clients et cherchent à être visionnaires dans ce monde en mutation.

Savoir ce qui fonctionnera demain est à leur portée, connaître les nouveaux modes de consommation également et c'est au travers des actions humaines et des informations que les individus cèdent jour après jour que cela est faisable. En conséquence, la transformation numérique des entreprises accompagne les changements sociétaux c'est pourquoi elles anticipent afin de répondre aux besoins futurs. Un des gros enjeux actuels pour les acteurs de la Smart city consiste en la capacité à faire parler les données que les entreprises ont accumulées durant de nombreuses années.

En réalité, la transition numérique a facilité l'interface entre les systèmes, la mutualisation des services et a montré que les algorithmes sont une autre manière de dire la ville, en anticipant sur les émotions et en automatisant les probabilités¹⁶. Désormais les villes vont disposer d'un mobilier urbain connecté c'est pourquoi les

¹⁵ Jean-Marie Dru, Président non exécutif du groupe de communication américain TBWA est l'auteur du concept de Disruption La version française de son livre « *New* » rappelle sa définition initiale, qui n'est pas une théorie pour décrire l'existant, mais bien plutôt « *une méthodologie dynamique tournée vers la création* ». C'est l'idée qui permet de remettre en question les « Conventions » habituellement pratiquées sur un marché, pour accoucher d'une « Vision », créatrice de produits et de services radicalement innovants. « *L'innovation disruptive est une innovation de rupture, par opposition à l'innovation incrémentale, qui se contente d'optimiser l'existant* », précise Jean-Marie Dru. Pour Bernard Stiegler à l'inverse la « *La disruption est ce qui va plus vite que toute volonté, individuelle aussi bien que collective, des consommateurs aux "dirigeants", politiques aussi bien qu'économiques* » Dans *la disruption. Comment ne pas devenir fou*. Ed. LLL. La Disruption. 5. Toujours trop tard. p. 24.

¹⁶ « *Au cours des dernières décennies, les biologistes ont acquis la conviction que l'homme qui appuie sur les boutons et boit le thé est lui aussi un algorithme. Sans doute un algorithme beaucoup plus compliqué que le distributeur automatique, mais un algorithme quand même. Les humains sont des algorithmes qui produisent non pas des gobelets de thé, mais des copies d'eux-mêmes (comme un distributeur automatique qui, si vous pressiez la bonne combinaison de boutons, produirait un autre distributeur). Les algorithmes qui régissent les distributeurs opèrent via des engrenages et des circuits électriques. Ceux qui contrôlent les humains opèrent par les sensations, les émotions et les pensées.* » Yuval Noah Harari, *Homo Deus, une brève histoire de l'avenir*, Ed. Albin Michel, p. 99.

usagers prennent conscience de la valeur des données, des datas d'autant que tous n'ont pas accès au langage informatique.

Chacun s'interroge donc sur les liens qui s'établissent entre l'utilisateur et le collecteur de données. « *Dans l'univers illimité des flux, l'Etat érige des murs visibles, terrestres et sous-marins qu'il veut le moins visible possible* »¹⁷. Et l'enjeu éthique repose sur le cadre juridique qui entoure la donnée et qui nécessite d'interroger les process (stockage, utilisation, exploitation) mais aussi la sécurisation et la gouvernance. D'autre part l'arrivée de l'I.A laisse perplexe puisqu'un ensemble de tâches qui revenait initialement à l'humain lui échappe et est réalisé par des machines.

«Au XXe siècle, le libéralisme aura beaucoup plus de mal à se vendre. Alors que les masses perdent leur importance économique, l'argument moral seul suffira-t-il à protéger les droits de l'homme et les libertés? Les élites et les gouvernements continueront-ils à apprécier la valeur de chaque être humain sans que cela ne rapporte le moindre dividende économique?»

*Dans le passé, il y avait quantité de choses que seuls les humains pouvaient faire. Désormais, robots et ordinateurs rattrapent leur retard et pourraient bientôt surpasser les hommes dans la plupart des tâches. Certes, les ordinateurs fonctionnent tout autrement que les hommes, et il est peu probable que des ordinateurs s'humanisent dans un futur proche. En particulier, il est peu probable que des ordinateurs soient sur le point d'acquérir une conscience et se mettent à éprouver émotions et sensations. L'intelligence informatique a accompli d'immenses progrès au fil du demi-siècle écoulé, mais la conscience des ordinateurs n'a absolument pas progressé»*¹⁸.

De la même manière l'I.A paraît pouvoir anticiper sur les aspirations des hommes et les rendre si prévisibles qu'ils se trouvent dépourvus d'une part de leur libre arbitre. L'I.A a inventé l'homme « prédictible ».

«Transformés en fournisseurs de data, ceux-ci (les individus et les groupes que les réseaux dits « sociaux » dé-forment et re-forment selon de nouveaux protocoles

¹⁷ Olivier Mongin, *La ville des flux, L'envers et l'endroit de la mondialisation urbaine*. Ed. Fayard. Une urbanisation à plusieurs vitesses. p. 196

¹⁸ Y.N Harari, *Homo deus, une brève histoire de l'avenir*, Ed. Albin Michel, p. 334.

d'association) s'en trouvent désindividué par le fait même : leurs propres données, qui constituent aussi ce que l'on appelle (dans le langage de la phénoménologie husserlienne du temps) des rétentions, permettent de les déposséder de leurs propres propensions – c'est-à-dire de leurs propres désirs, attentes, volitions, volonté, etc»¹⁹.

La combinatoire de nombreuses données produit des résultats tendant à dissoudre les désirs des hommes et leur liberté dans un algorithme qui devient le référent au détriment de l'humain, qui initialement était défini comme être de liberté. La confiance qui est accordée à des magmas de code, «*d'existences autonomes*» entraîne un nouveau genre d'«*auto accroissement de la technique*», qui produit un effet singulier: une forme d'éloignement à l'égard des humains. En effet, l'algorithme utilise les données fournies par les hommes mais l'I. A calcule dans la froideur des automatismes informatiques et impose ce qui aura valeur de décision.

III- Smart City, vérité et transparence des données: vers une IA éthique

Si la transition numérique sous-tend le concept de Smart city, la ville connectée propose en un langage informatique «imperceptible» une formulation qui rend compte d'une vérité. Elle peut alors rendre manifeste une réalité que les algorithmes révèlent sans que chacun ne puisse «les voir» à l'œuvre dans le processus d'imitation de l'intelligence humaine²⁰. «*Désormais, la charge dévolue au numérique ne consiste plus seulement à permettre le stockage, l'indexation et la manipulation aisés de corpus chiffrés, textuels, sonores ou iconiques en vue de diverses fins, mais à divulguer de façon automatisée la teneur de situations de tous ordres. Il s'érige comme une puissance aléthéique, une instance vouée à exposer l'aléthéia, la vérité, dans le sens défini par la philosophie grecque antique entendu comme le dévoilement, la manifestation de la réalité des phénomènes au-delà de leurs apparences. Il se dresse comme un organe habilité à expertiser le réel de façon plus fiable que nous-mêmes autant qu'à nous révéler des dimensions jusque-là voilées à notre conscience*»²¹.

Ce logos technique donne à voir, dans son prolongement, une réalité, des

¹⁹ Bernard Stiegler, *Dans la disruption. Comment ne pas devenir fou*. Ed. LLL. La Disruption. 5. Toujours trop tard. p. 23.

²⁰ Cf. *L'homme simplifié. Le syndrome de la touche étoile*. Ed. Fayard. Jean-Michel Besnier. *Le mythe de la singularité, Faut-il craindre l'intelligence artificielle ?* Ed. Seuil de Jean-Gabriel Ganascia.

²¹ Eric Sadin, *L'intelligence artificielle ou l'enjeu du siècle, anatomie d'un antihumanisme radical*, Ed. L'échappée, p. 13.

résultats qui influent les agissements des hommes et emprunte au lexique des sciences cognitives. L'algorithme impacte donc le monde sensible et situe la vérité au-delà des apparences, dans ce qui ne change pas au rythme des fluctuations de la condition humaine.

«En cela, il prend la forme d'une techné logos, une entité artéfactuelle douée du pouvoir de dire, toujours plus précisément et sans délai, l'état supposé exact des choses. Nous pourrions affirmer que nous entrons dans le stade achevé de la technologie, ne désignant plus un discours portant sur la technique, mais un terme qui prendrait acte de sa faculté à proférer du verbe, du logos, mais dans l'unique but de garantir le vrai. Ce pouvoir constitue la caractéristique première de ce qui est nommé « intelligence artificielle », déterminant à la suite toutes fonctions qui lui sont assignées»²².

La technique trouverait ainsi sa finalité dans la vérité d'un langage informatique et se révélerait alors dans son abstraction. L'I.A aurait alors vocation à dire un Logos qui exprimerait une vérité qui demanderait à être dévoilée. En imitant les fonctions cognitives et en développant certaines des aptitudes habituellement réservées à l'humain, l'I.A incarne un dispositif qui dépasse les capacités humaines et forme une organisation systémique du traitement de l'information et facilite la coïncidence avec le réel. Plus rapide dans la réalisation des calculs, elle se veut parangon du système neuronal²³ et marque ainsi l'apparition de l'aspect anthropologique de la technique. D'autant qu'elle semble aussi gagner en autonomie grâce au *deep learning*.

«D'abord, c'est un anthropomorphisme augmenté, extrême ou radical, cherchant certes à se modéliser sur nos capacités cognitives, mais les prenant comme des leviers afin d'élaborer des mécanismes qui, tout en s'inspirant de nos schémas cérébraux, sont voués à être plus rapides, efficaces et fiables que ceux qui nous constituent, tout en étant tendanciellement inaltérables. Ensuite, c'est un

²² Ibid.

²³ Cf. Markus Gabriel, *Pourquoi je ne suis pas mon cerveau* paru aux éditions Lattès. « Nous sommes donc capables de visualiser le cerveau vivant avec des modèles générés par ordinateur (et non pas directement !) sans intervention massive dans l'organe même. Dans le communiqué, cette avancée en médecine est liée à une promesse plus vaste, celle de rendre visible le fait de penser, une proposition illusoire, et, disons-le carrément, un non-sens. On peut effectivement rendre visible des processus cérébraux, mais pas l'acte de penser lui-même. » p. 21.

anthropomorphisme parcellaire; il n'a pas vocation à embrasser la totalité de nos facultés cognitives et à traiter, comme nos esprits, une infinité de questions, étant seulement destiné, en l'état actuel des choses, à assurer des tâches spécifiques. Enfin, c'est un anthropomorphisme entreprenant qui ne se contente pas d'être doué de seules dispositions interprétatives, mais est envisagé comme une puissance capable d'engager, de façon automatisée, des actions en fonctions de conclusions arrêtées»²⁴.

Certes ces anthropomorphismes expriment une "vérité" des hommes et consistent en l'imitation, en mode accéléré, de leurs facultés de raisonner. Cette accélération ou rapidité de l'I.A à calculer et produire ses résultats imite les facultés cognitives et renforce sa crédibilité et son efficacité. Cependant il nous faut pousser l'argument à son terme.

Effectivement, nous pourrions également ajouter à ce triple devenir anthropomorphique de la technique un quatrième anthropomorphisme dit «métaphysique».

Tendant à être exponentiel, universel, nouménal, inaccessible car - métaphysique- en deçà de la physique il aurait une fonction injonctive, ce qui renforcerait son efficace. La logique de l'algorithme tendrait alors à s'appliquer à l'ensemble des actions de la vie collective ou individuelle en soumettant et en infléchissant les décisions ou les êtres à sa puissance de calcul.

L'homme ne peut pourtant s'aliéner à la sophistique informatique. Il se doit de la reconsidérer et de la ranger parmi les opinions qu'il incombe de soumettre à la méthode ou logique afin de l'éprouver dans le but de la confirmer ou l'infirmier.

En conséquence, en confiant une partie de leurs tâches à la logique algorithme les hommes se dessaisissent d'une part de leurs réflexions mais se doivent malgré tout de conserver une part de leur capacité de décision et d'exercice de leur libre arbitre, au risque de se mettre en danger²⁵. La responsabilité ne peut donc être transférée à la seule

²⁴ Eric Sadin, *L'intelligence artificielle ou l'enjeu du siècle, anatomie d'un antihumanisme radicale*, Ed. L'échappée. p. 14.

²⁵ Cf. Jean François Mattéi, *L'homme dévasté*, Ed. Grasset, p. 145 :

«Thomas Anderson, alias Néo, n'aura existé que comme un programme informatique, et sa réalité ontologique aura été nulle. Sorti d'un rêve simulé pour suivre un lapin blanc dans son terrier, Thomas a cru choisir entre la pilule rouge de la réalité et la pilule bleue du simulacre sans savoir que son choix était déjà programmé. Sa lutte contre les machines se

puissance de l'I.A, l'humain doit donc garder au cœur de la Smart City et des processus mis en œuvre dans sa construction, sa capacité à raisonner et à finaliser les décisions afin d'en rester maître et de ne pas s'aliéner à «la série des abstractions» en s'en remettant à la puissance métaphysique et aveugle de la technique.

En d'autres termes, la technique – souvent considérée comme neutre – n'a pas été soumise à la contrainte morale puisqu'elle avait vocation à se déployer sans limite pour servir quelques fins. C'est pourquoi elle ne peut dans le cadre de la Smart City se développer de manière totalement libre, sans être régulée, contrôlée. La puissance et l'autonomie de la technique ne peuvent comme le redoute Ellul dans son ouvrage *Le système technique* justifier que la technique «soit juge de la morale». La Smart City ne peut devenir le théâtre de la mise en œuvre des technosciences où «une proposition morale ne sera considérée comme valable pour ce temps que si elle peut entrer dans le système technique, si elle s'accorde avec lui».

In fine, la morale ne peut être assujettie à la technique comme en son projet Machiavel plaçait l'Etat au-dessus de la morale au point d'en conclure que la fin justifiant les moyens: «*Le vice paraîtrait vertu*»²⁶. La réalisation de la Smart City questionne donc la problématique du devoir.

De fait, le concept de Smart City doit être déconstruit afin d'être remodelé sur la base d'autres arguments que ceux évoqués jusqu'ici.

En quoi, outre les prouesses techniques qu'elle entend développer, la ville du futur pourra-t-elle faire coexister des Valeurs? Plus qu'une rhétorique plaidant en faveur de son utilité, des principes peuvent-ils servir à modéliser le concept de Smart City afin d'intégrer des problématiques servant l'exemplarité?

Bibliographie

1. Hans Moravec, *L'avenir des robots et l'intelligence humaine*, Ed. Odile Jacob, 2019.

sera limitée à une série de contrôles internes de la Matrice effectuée par l'anomalie du système informatique. La paix que Néo a instaurée avec les machines est aussi fallacieuse que le rêve dont il a cru s'évader. Il mourra donc, à la fin de la trilogie, non pas comme un héros de la liberté, mais comme la fonction d'un programme parvenu à son terme.»

²⁶ Machiavel, *Le prince*.

2. Laurence Vanin, *Rebelle: vers une révolution éthique*, Nice, Ed. Ovadia, 2019.
3. Jacques Derrida, *Psyché, Inventions de l'autre (tome 1)*, Paris, Ed. Galilée, 1987.
4. Hans Jonas *The genesis of values*, Chicago, The University of Chicago Press, 2000.
5. John Dewey, *La formation des valeurs*, traduit de l'anglais et présenté par Alexandra Bidet, Louis Quéré, Gêrôme Truc, Ed. La découverte. Coll. Les empêcheurs de penser en rond, Paris, 2011.
6. Karim Massimov, *Le prochain maître du monde l'Intelligence Artificielle*, Editions Fayard, Paris 2020.
7. Maurice Merleau-Ponty, *L'œil et l'esprit*, Ed. Gallimard, Paris, 1964.
8. Maurice Merleau-Ponty, *Phénoménologie de la perception*, Coll. Tel, Ed. Gallimard, 2005.
9. Jean-Michel Besnier, *L'homme simplifié, Le syndrome de la touche étoile*, Editions Fayard, Paris 2012.
10. Basdevant A., Mignard J.P, *L'empire des données, Essai sur la société, les algorithmes et la loi*. Les Editions Don Quichotte, Paris, 2018.
11. Henrichon P., *Big data: Faut-il avoir peur de son nombre?* Ed. Ecosociété, Monts, 2020.
12. Marin P., *Le robot et la pensée*, Editions Cerf, Paris, 2019.
13. Taleb N.N, *Le cygne noir, suivi de Force et Fragilité*, Editions Les Belles Lettres, Paris, 2020.
14. Jean François Mattéi, *L'homme dévasté*, Ed. Grasset, Paris.
15. Bernard Stiegler, *Dans la disruption. Comment ne pas devenir fou*. Ed. LLL. Paris 2019.
16. Eric Sadin, *L'intelligence artificielle ou l'enjeu du siècle, anatomie d'un antihumanisme radicale*, Ed. L'échappée. 2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. *Адамьянц Т.З.* – д.с.н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

2. *Багаева А.В.* – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

3. *Ванин Л.* – PhD/HDR, научный сотрудник лаборатории «Риски, эпидемиология, территории, информация, образование и здоровье», руководитель научно-исследовательской группы "Философия и этика в области здравоохранения" в Университете Ниццы на Лазурном берегу; эксперт Института Европы IA; эксперт du Smart Deal; эксперт SAFE – Safe Cluster, Ницца, Франция.

4. *Васильчикова М.С.* – сотрудник кафедры социологии коммуникативных систем, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

5. *Волнистая М.Г.* – кандидат социологических наук, профессор Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

6. *Гавриленко О.В.* – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

7. *Гримов О.А.* – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета, Курск, Россия.

8. *Данилов А.Н.* – чл.-корр. НАН Беларуси, д.с.н., профессор, заведующий кафедрой социологии, Белорусский государственный университет, факультет философии и социальных наук, Минск, Республика Беларусь.

9. *Доброхотов Л.Н.* – доктор философских наук, профессор кафедры социологии коммуникативных систем, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия.

10. *Коркия Э.Д.* – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем, заместитель заведующего кафедрой по учебной работе, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

11. *Липатова М.Е.* – младший научный сотрудник, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

12. *Максимов А.А.* – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

13. *Мамедов А.К.* – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

14. *Мещанинова Е.Ю.* – тьютор, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

15. *Милюкова М.О.* – магистрант Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия.

16. *Писарева Л.Ю.* – кандидат социологических наук, доцент Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия.

17. *Римский В.Л.* – старший преподаватель, Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия.

18. *Семенова Т.Н.* – кандидат философских наук, доцент Российского государственного университета (НИУ) нефти и газа имени И.М. Губкина, Москва, Россия.

19. *Чудновская И.Н.* – кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

20. *Фань Юци* – магистрант Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия.

ABOUT THE AUTHORS

1. *Adamiants T. Z.* – Doctor of Social Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
2. *Bagaeva A.V.* – Candidate of Sociological science, Associate Professor, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Sociology, Moscow, Russia.
3. *Chudnovskaya I.N.* – Candidate of Philological science, Associate Professor at the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
4. *Danilov A.N.* – Corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of sociological sciences, professor, head of the Department of Sociology, Belarusian State University, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Minsk, Republic of Belarus.
5. *Dobrokhoto L.N.* – Doctor of Philosophy, Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
6. *Fan Yuqi* – Master student, Financial and Economic Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia.
7. *Gavrilenko O.V.* – Candidate of Sociological science, Associate Professor, Head of the Department of Social Technologies, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
8. *Grimov O.A.* – Candidate of Sociological science, Associate Professor at the Department of Philosophy and Sociology, South-West State University, Kursk, Russia.
9. *Korkiya E.D.* – Candidate of Sociological science, Associate Professor at the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
10. *Lipatova M.E.* – Research Assistant, Faculty of Sociology, Lomonosov

Moscow, State University, Moscow, Russia.

11. *Maksimov A. A.* – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

12. *Mamedov A.K.* – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

13. *Meshchaninova E.Y.* – Tutor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Sociology, Moscow, Russia.

14. *Milyukova M.O.* – Master student, Financial and Economic Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia.

15. *Pisareva L.Y.* – Candidate of Sociological science, Associate Professor, Financial and Economic Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia.

16. *Rimsky V.L.* – Senior Lecturer, Moscow Psychological and Social University, Moscow, Russia.

17. *Semenova T.N.* – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Gubkin Russian State Oil and Gas University, Moscow, Russia.

18. *Vanin L.* – PhD/HDR, Chercheur au laboratoire «Risques, Epidémiologie, Territoires, Informations, Education et Santé » RETINES, et Responsable de l'axe de Recherches "Philosophie et Ethique en Santé" à l'Université de Nice Côte d'Azur. Expert de l'Institut Europ IA. Expert du Smart Deal. Expert SAFE – Safe Cluster. Directeur du Comité d'Ethique de INR, Nice, France.

19. *Vasilchikova M.S.* – Staff-member of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

20. *Volnistaya M.G.* – Candidate of Sociological science, professor of the Belarusian State University, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Department of Sociology, Minsk, Republic of Belarus.

CONTENT

Adamiants T. Z.

Communication mechanisms for the creation and dissemination of destructive meanings in the digital age

The article is devoted to the analysis of communication mechanisms to the meanings of destructive orientation, the creation and wide distribution of which has become a distinctive characteristic of the modern digital space. The concept of "meaning" is considered as a virtual hierarchically organized structure of mutually subordinate and interdependent levels of communicative-cognitive programs focused on communicative (author's) intention. It is shown that the levels of latent structures of destructive orientation, as a rule, contradict each other, unverified or artificially created facts and information are used here. An actual prerequisite for the spread of destructive meanings is also the possibility of anonymous communication, the creation of closed and semi-closed Internet platforms. Victims of semantic influences are more often representatives of young people and adolescents who do not have the skills of adequate understanding and orientation in the field of social communication, which complicates the processes of their socialization and social adaptation.

Key words: the digital age, social adaptation, meaning, intention, intentionality, semio-sociopsychology, method of motivational-target analysis.

Bagaeva A.V.

Digital Acceleration of the Regional Ethical Matrix Gap

In the article the evolution of the ethical matrix is considered from the perspective of regional development. This matrix is presented as an indicator of the periodization of historical development which does not coincide with either the traditional periodization of history, i.e., close to the formational reading, or the periodization of the international relations systems. At the same time, such

periodization has reflected the growing role of the information factor in the formation of leading social trends that determine the acceleration of the regional gap.

Key words: globalization, regionalization, localization, history of ethics, conflict.

Chudnovskaya I.N.

Linguistic personality in the context of artificial intelligence communication systems

The current stage of development of artificial intelligence communication systems, despite significant achievements in this area, needs an interdisciplinary development of the methodological framework. To this end, the article proposes to consider the concept of "linguistic personality" with its categorization in related sciences. Special attention is paid to the pragmatic parameter that allows minimizing communicative risks in human social interaction with artificial intelligence systems.

Key words: linguistic personality, artificial intelligence, social communication, sociology of language, semantics, ethics

Danilov A.N.

Axiological turn in the Digital Age

The article considers the current situation of global instability and new challenges of the time, including those related to the implementation of the axiological turn in the Digital Age. The axiological turn which is taking place in human life involves a change in culture, and this change is the result of rethinking the deep life meanings of human existence and its values. At this stage, strategies that preserve the basic values of the previous type of development compete with innovative aspirations focused on the search for new life meanings and updating the content of values that meet modern realities. The building of a new ideal of civilizational development is

fixed through the renewal of the value system. Digitalization actualizes the problem of the phenomenon of the cultural code and the need to study its mechanism of operation. The concept of "code" and its derivatives, as well as the whole problem of coding, its theoretical and practical results, have not yet received due attention in Russian philosophy and social knowledge.

Humanity is facing new challenges, but the main question is what is happening to man himself. The main obstacle to the creation of artificial intelligence of such a high level was the lack of understanding of the nature of the human mind, the unresolved functioning of the human brain. The field of cognitive research, which is currently associated with the achievements of scientific and technological progress, is not accompanied by proper moral progress. In addition, only the digital revolution will not solve the global problems generated by modern civilization. A breakthrough to the new must be associated with a spiritual revolution, with the renewal of the value bases of civilizational development that preserve humanity.

Key words: culture, cultural code, global instability, digitalization, axiological turn, basic values.

Dobrokhoto L.N.

The side effects of digitization and their prevention

The article, while stating the huge positive advantages and prospects for further economic and scientific and technological progress in the era of digitalization, which provides decisive attention to all aspects of the life of the state, society and each individual, at the same time analyzes its equally significant negative social consequences on such areas of life as education and culture, morality, traditional values. The author of the article calls upon, when assessing the state and prospects for the further spread of digitalization technologies, to take into account these dangerous

side effects of the process and strive to prevent them, including in a preventive, planned manner.

Key words: social effect, cultural code, traditional values, liberal-Western ideology, continuity of generations.

Gavrilenko O.V.

«Big Brother is watching you...»: the ethical aspects of the use and storage of data in a digital city

The digitization of an individual's daily life is progressing quite rapidly and the COVID 19 pandemic has only accelerated the widespread adoption of digital technologies, reducing the sensitivity of the population to the disruption of privacy and at the same time placing the issue data security, generated by individuals and machines. The greatest digital transformation of social life is taking place in cities: citizens use network services, leave their digital footprints in the form of Internet queries, travel routes, personal data. The lack of ethical standards in the extraction and use of data (including personal), privacy infringement, digital system failures, cybersecurity are the serious problems in the context of the digitization of social practices.

Key words: Big Data, digitalization, smart technologies, social control, ethics of use and storage of data, cybersecurity.

Grimov O.A.

Theoretical and methodological foundations and instrumental complexes of studying the modern media ecosystem

The article discusses the general theoretical foundations, methodological principles, as well as a number of methodological complexes of applied sociological research on the mutual development of the media ecosystem and the person as its creator and actor. The author proposes an understanding of the interaction between a person and the media ecosystem as a dialectical unity of incoming and outgoing media activity. Research hypotheses are formulated and explicated.

Key words: human, media ecosystem, social media, subject, adaptive potential

Korkiya E.D.

**New value orientations of the fashion industry
in the space of a global society**

The presented scientific article is devoted to the analysis of the fashion industry as an important element of human culture, which serves as a source of social innovation, creativity and the value basis for establishing strong ties between people. The study of the fashion industry in the communicative space of the global socio-cultural society as a whole seems to be very relevant, primarily because modern society is characterized by the intensification of the use of fashion as one of the main values of cultural and communicative processes. The author considers the fashion industry as a complex social phenomenon, reflecting a set of sequential and parallel processes of production, distribution and consumption of fashionable standards and objects. The theoretical significance of the study determines the possibility of applying the results of the analysis of the specifics of the fashion industry in the study of the modern global socio-cultural space.

Key words: fashion industry, identity, consumer society, symbolization, aesthetics, cultural level, social reality, co-creation, value orientations.

Lipatova M.E.

"Digital Ethics" in the space of higher education

The article provides an overview of the current discussions on the definition of digital ethics, its role in the process of education in higher education. The main advantages and disadvantages of the transition to the active use of digital technologies in higher education are considered.

Key words: higher education, information ethics, education, values, digital ethics, digitalization of education

Maksimov A. A.

Morality without ethics in the information society

In the information society of the postmodern era, ethical dilemmas are associated with the loss of important moral guidelines. The state of permanent search and multi-paradigmality causes ethical chaos, the way out of which is difficult to imagine today. Under these conditions, however, there are concepts that are very far from traditional moral and ethical models. The current situation requires a search for possible attractors.

Key words: ethics, postmodern, paradigm, concept, bifurcation.

Mamedov A.K.

Ethical matrix «external»: ontology, actors and transit

The article is devoted to understanding the social mechanisms of the formation of an ethical matrix of an era. The modern matrix/system as a basic instrument for the formation of social reality, the creation of a space-time continuum, i.e. a medium comprising the objects of cultural space, which primarily include morality. From the

current perspective, the functional roles of participants in ethical interaction are analysed. External mechanisms are metaphorically considered as image management settings at the stage of television implementation.

Key words: visual culture, «external», functional roles, acculturation, lifestyle, clipoise, settings: brightness, contrast, color, ethical matrix.

Meshchaninova E.Y.

«Removing» Ethics in the Digital Space

The article examines the transformation of ethical norms in virtual space, the difference between the functioning of ethical rules on the Internet and real life, the role of the body and space as mechanisms for maintaining moral communicative order and ethical behavior.

Key words: virtual space, physical space, digital ethics, Internet, body, morality, sanction.

Pisareva L.Y., Milyukova M.O.

Digital transformation of IT specialists training

The article raises the issue of modernisation of the secondary education system. The necessity for modernization is due to the fact that existing educational programs do not meet the demands of the labour market, both in terms of training programs contents and competition with higher education programs. Disproportion is evident in training for IT professions as the system does not provide a clear hierarchy of practical skills acquired by students. This creates employment bias towards graduates of higher educational institutions, whose preparation time is significantly increased. At the same time, effective programs of technical and vocational education can provide the labour

market with excellent specialists, if the training system is properly organised. A possible way to modernise secondary vocational education is digital transformation defined as innovative knowledge and pedagogical methods provided via modern means of information and communication technologies (ICT).

Key words: information technologies, educational trajectory, technical and vocational education, labour market, digital transformation, digitalization

Pisareva L.Y., Fan Yuqi

Digital economy for the management of covid-19 consequences in China

In the article it is discussed the influence of COVID-19 on the labor market in China and the role of digitalization for helping the labor force in post covid crisis mitigation. The discussion is framed around the worries of aging population of mainland China connected to either losing their jobs or not finding jobs in the nearest future. In the face of the rapid development of the world the elderly are anxious that they can't keep up with the trend of society and will be eliminated by it. The article provides a short review of this situation as well as some suggestions for solving the problems. The review is based on the data of periodical scientific journals devoted to the topic.

Key words: mainland China, COVID-19, post covid crisis, digital economy, aging population, jobs, digitalization, management of COVID-19 consequences.

Rimsky V.L.

**The influence of artificial intelligence
on the ethics and morals of everyday life**

Artificial intelligence technologies are widely used in everyday life, but this is not realized by most users of social networks and the Internet. Everyday life itself is changing significantly under the influence of these technologies. In accordance with this, ethics and morality formed in previous eras should be updated. This renewal process is realized, but its consequences are not always positive. Artificial intelligence in everyday life rather orients its users to past experience, rather hinders the manifestations of creativity and critical thinking, promotes the expansion of mind manipulation practices. Updating ethics and morality cannot completely solve these problems, but it can contribute to their solutions.

Key words: artificial intelligence, information technologies, ethics, morality, everyday life

Semenova T.N.

The problem of socialization in the digital age

The digital society is an inalienable fact of our lives. New information, computer, virtual technologies are transforming the traditional architecture of society. They are introduced into all spheres of society, are the most important factor in the socialization of all generations, and especially young people. A special place in the process of socialization belongs to social networks, which largely shape the worldview of young people, their ideals, goals and means of achieving goals. With all the undoubtedly

positive aspects of digitalization, researchers of this problem are concerned about the negative aspects of the impact of new digital technologies on the process of socialization, which continues throughout a person's life. This is a decrease in the rational-conceptual aspect of consciousness, worldview chaos, cognitive distortions, and the impact on mental and physical health. Under the influence of information

technologies, “generations Y and Z” were formed, with a “clip worldview”, with active involvement in network, virtual communication, which significantly affects the process and result of socialization.

Key words: digital technologies, social networks, generation Y and Z, communication technologies, "clip consciousness", digital selection, socialization.

Laurence Vanin

La Smart City, vers une éthique du nombre et des algorithmes: une quête de vérité

La Smart City ou ville de demain est en perpétuelle évolution car elle doit en permanence intégrer des critères qui en change continuellement le plan, le projet. Même si elle incarne la sédentarité des populations, elle se veut en perpétuelle transmutation car elle doit se conformer aux exigences des normes de sécurité, aux désirs des hommes. Elle est dynamique et se caractérise par une mobilité créative constante. Tout comme l’explique Lévi-Strauss dans *Tristes Tropiques* le paysage urbain évoque surtout une rythmique, toute en musicalité parce que la ville est un espace de « mise en tension » qui permet d’augmenter la réalité en donnant son efficience à une profusion de possibilités.

De fait, la population urbaine est passée durant le XXe siècle de 220 millions à 2,8 milliards d’habitants et en 2050 plus de 70 pour cent de la population mondiale vivra dans des métropoles ou mégapoles. Les statistiques ne peuvent laisser indifférents. Elles dictent les orientations.

Les chiffres « parlent » et impactent les décisions qui se calent sur les contraintes chiffrées et norment les choix. Ces chiffres qui étayent les effets d’annonce désignent ainsi un ensemble de signes qui suscite le questionnement sous-tendent parfois un discours alarmiste, motive l’imaginaire et l’inventivité indispensables à l’émancipation des technosciences.

Aujourd'hui, il importe de réfléchir sur les motivations qui animent les décideurs et acteurs des changements en matière de villes «Intelligentes» car souvent ils justifient les besoins des habitants par rapport à des statistiques, des probabilités qui légitiment la création de Smart City technocentres qui apparaissent alors comme des villes solutions. (I). C'est pourquoi il importe de s'interroger sur ce qu'est une Smart City afin de comprendre comment l'IA est un véritable outil d'aide à la décision pour les villes désireuses de s'émanciper de leur contraintes (II).

Néanmoins, si la ville connectée demeure un espace de collecte des données, il importe aussi de comprendre comment elles sont traitées, ce qu'elles signifient et en quoi elles peuvent être porteuses d'une signification « algorithmique » incompréhensible ou inaccessible aux usagers qui ne sont pas familiers du langage informatique (III).

Mais qu'en est-il vraiment?

Mots clés: smart city, intelligence artificielle, vérité, algorithme, langage, mathématiques, liberté

Vasilchikova M.S.

Modern elite: transformation and moral values

Modern society is characterized by massive digital transformations and technological revolution. Globalization changes play an important role in this process. A new type of social organization – a digital society – is emerging. Differentiation of the values of society, acceleration of communication processes, manipulative information-based social interaction, the acceleration and complexity of the functioning of the spheres of activity of society - require a moral assessment and analysis in order to further develop a new system of values, the foundations of society, as well as to maintain balance and the integrity of the entire social system, through the active participation of elites.

Key words: digital transformation, elite, values, digital society, social networks.

Volnistaya M.G.

The transformation of academic values in university education and scientific knowledge in the digital age.

The article considers the evolution of approaches to the study of ethical contradictions between morality and science, how the spheres between science and morality are delimited. The distinction between science and morality is considered in the context of the realisation of their social functions. The author promotes the idea that university education and its academic values create all necessary conditions for creation of necessary quality of cultural value space for development of science as a social institution.

Key words: science, morality, university education, academic values, academic culture, scholarly moral code, pedagogical ethics, digital age.